

А. МАНУСЕВИЧ

**БОРЬБА
ЗА ДЕМОКРАТИЮ
ВО ФРАНЦИИ**

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1947

А. МАНУСЕВИЧ

БОРЬБА
ЗА ДЕМОКРАТИЮ
ВО ФРАНЦИИ

ОГИЗ

*Государственное издательство
политической литературы
1947*

1. КРУШЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Трагедия Франции началась не в тот день, когда немецкие войска вступили на её территорию, и не в тот час, когда её правители приказали армии и народу сложить оружие и капитулировать перед врагом; трагедия Франции началась ещё в ту пору, когда после установления в Германии гитлеровской диктатуры подлинные хозяева Франции. «200 семейств», господствовавшие в её экономике и политике, усилили борьбу против элементарных политических прав французского народа.

6 февраля 1934 г. была предпринята попытка опрокинуть Третью республику. Но вооружённое выступление французских фашистов было отбито рабочим классом Парижа. Опасность, угрожавшая республике извне и изнутри страны, породила массовое движение в защиту демократии. По инициативе коммунистической партии Франции (КПФ) возник Народный фронт, объединявший ряд массовых организаций и партий.

На всеобщих выборах 1936 г. французские избиратели в большинстве своём отдали голоса кандидатам Народного фронта. К власти пришло коалиционное правительство социалиста Леона Блюма, опиравшееся на Народный фронт. Для Леона Блюма, выходца из буржуазной семьи, сохранившего деловые связи *с капиталистическими кругами, совладельца одного из крупнейших парижских универсальных магазинов, адвоката, защищавшего интересы ряда крупных фирм, противника марксизма, одного из организаторов раскола между

коммунистами и социалистами в 1920 г., было характерно стремление подчинить интересам реакции требования демократии. Поэтому, приняв под нажимом мощного народного движения некоторые законодательные меры в пользу трудящегося населения страны и в защиту демократии, Леон Блюм вскоре объявил «передышку» в проведении программы Народного фронта и провозгласил политику «невмешательства» в итало-германскую вооружённую интервенцию в Испании. Эволюция политики Леона Блюма создавала благоприятные условия для происков магнатов французского капитала. Они развернули широкую деятельность по дезорганизации французской экономики, по подрыву французских финансов, бегству капиталов за границу, дискредитации Народного фронта и мобилизации сил всяких реакционных и неустойчивых элементов.

Правительство Камилла Шотана (одного из лидеров радикал-социалистической партии), сменившего у власти Леона Блюма, второе правительство Блюма и пришедшее ему на смену правительство Эдуарда Даладье (лидера радикал-социалистов) всё больше и больше отходили от программы Народного фронта и вместо защиты интересов народа и демократии стали на путь политики наступления на трудящееся население. Обращенная против народа политика правительств, изменивших Народному фронту, развёртывалась на фоне непрерывно нараставшей угрозы германской агрессии.

Французский народ сознавал серьёзную опасность, угрожавшую Франции. Под прямым давлением народа французское правительство в 1935 г. вынуждено было заключить договор о взаимопомощи с Советским Союзом. Но, прикрываясь этим договором и спекулируя им в целях притупления бдительности французов, правители Франции не стремились к защите мира, а — в расчёте отвлечь от себя опасность — вели политику подталкивания Германии к войне против СССР. По сговору с Чемберленом, Гитлером и Муссолини в сентябре 1938 г. в Мюнхене Даладье предал давнишнего военного союзника Франции — Чехословакию. Летом 1939 г. он отверг военный союз с СССР и подставил под немецкий удар Польшу. Усилившаяся в результате политики по-

пустительства со стороны Англии и Франции, Германия 1 сентября 1939 г. развязала вторую мировую войну.

Преступная внешняя политика предвоенных правительств Франции отвечала планам и требованиям магнатов французского капитала. «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», — говорили в кругах французских реакционеров. По указанию финансовых и промышленных магнатов, фашистские лиги («боевые кресты» де ля Рока, «французская народная партия» Дорио и др.) разворачивали заговорщическую деятельность против французской республики, в пользу гитлеровской Германии.

С помощью печати, радио, кино, церкви, школы, парламента французскому обывателю внушалось, что внешняя политика Франции блестяще служит делу укрепления французской безопасности. Обеспокоенных германской опасностью французов убеждали, что события в Центральной или Восточной Европе совершенно не затрагивают Францию, что ей наплевать на Чехословакию, Польшу и советско-французский договор о взаимопомощи, что её подлинные интересы лежат всецело в пределах её колониальной империи, что французам не к чему «умирать за чехов» или «умирать за Данциг».

Рядом с нелепой, но от этого не терявшей своих отвращающих свойств проповедью отделения Франции от остальной, приносимой в жертву Гитлеру Европы страну заливали потоки плаксивого пацифизма, призывавшего к миру во что бы то ни стало и какой угодно ценой. Тогдашний генеральный секретарь социалистической партии Поль Фор и один из секретарей Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), предатель Белен, и другие твердили о том, что «лучше рабство, чем смерть!»

Так, наряду с дипломатическим и экономическим разоружением Франции осуществлялось и морально-политическое разоружение французского народа перед лицом непрерывно вооружавшегося и укреплявшегося врага.

Морально-политическому разоружению французского народа способствовали также рассказы о том, что прикрытая вдоль своей восточной границы системой

укреплений, «линии Мажино», Франция неуязвима, да к тому же и нацисты совсем не такие уж плохие люди и с ними всегда можно будет столкнуться.

Если всякого рода «военные авторитеты» создавали вокруг «линии Мажино» ореол мистической непреодолимости, то разные специалисты в области обработки человеческого сознания изощрались в попытках доказать отсутствие противоречий, отделяющих Францию от Германии. Специальная организация — комитет «Франс-Альмань» («Франция-Германия») занимался пропагандой идеи германо-французского сотрудничества.

Организатором комитета «Франс-Альмань» был немец Отто Абец. Прожив многие годы во Франции, хорошо изучив эту страну, к тому же женатый на французке, Абец ещё в 1934 г. был назначен руководителем французской секции шпионского бюро Риббентропа. С помощью графа де Полиньяк, директора фирмы шампанских вин, представителем которой в Германии некогда являлся Риббентроп, Абец сумел войти в тесное общение с рядом французских аристократов, отражавших взгляды и стремления французской реакционной олигархии. Значительную часть их Абец собрал вокруг комитета «Франс-Альмань». Этот комитет с течением времени превратился в подлинный центр германской «пятой колонны» во Франции; он непрерывно и повсеместно насаждал махровые гнёзда реакции, предательства и пораженческие настроения во многих звеньях французского государственного аппарата: в генеральном штабе, в министерских канцеляриях, в палатах парламента, в банках, трестах и картелях. К видным деятелям комитета «Франс-Альмань» принадлежали: писатель Жюль Ромэн, убеждавший французов в том, что гитлеровцы — «люди доброй воли», член Французской академии Абель Боннар, генеральный секретарь радикал-социалистической партии и близкий друг Даладьё Эдуард Пфейфер, обозреватель биржевой газеты «Энформасион» граф Фернан де Бринон и др. Де Бринон, в дальнейшем видный участник петэновско-лавалевской клики, был связующим лицом между Абецом и французским министром иностранных дел, радикал-социалистом Жоржем Боннэ, биржевым игроком и финансовым аферистом.

Франция оказалась в сетях огромного заговора. Его организаторами и вдохновителями являлись финансовые магнаты, бароны железа и угля; его участниками были реакционеры всех мастей, враги народа и демократии, прислужники германского империализма.

Заговор против Франции не мог не быть замечен в кругах передовой французской общественности. Она пыталась разоблачить преступную игру предателей и пораженцев и мобилизовать народ на защиту свободы и независимости. Но служившие реакции правительства стояли на страже интересов предателей. Когда в 1937 г. в связи с разоблачением заговора «кагуляров» стал вопрос об аресте Петэна, премьер Даладьё отстоял главу изменников и воспрепятствовал проведению следствия. Тот же Даладьё не знал предела в преследовании демократических кругов и в политике наступления на народ. Целые серии чрезвычайных декретов и всякого рода исключительные меры были пущены в ход для того, чтобы обезопасить интересы врагов французского народа. Перед самым началом войны с Германией, 25 августа 1939 г., власти, опасаясь разоблачения преступной политики, лишившей Францию союза с СССР и втянувшей её в грозящую катастрофой войну, закрыли центральный орган КПФ газету «Юманите», начали преследование и аресты коммунистических активистов, обыски в помещениях коммунистических организаций. 26 сентября 1939 г. при поддержке и одобрении лидеров социалистической партии правительство Даладьё вынесло решение о роспуске КПФ. «Я могу выразить уверенность в том, что большинство социалистов найдёт роспуск партии коммунистов естественным и законным», — писал Леон Блюм в руководимой им социалистической газете «Попюлер». Преследования КПФ и других передовых организаций, распоряжение от 5 октября 1939 г. об аресте и предании военному суду избранников народа — депутатов-коммунистов, были дальнейшим этапом разоружения страны, происходившим уже в условиях войны.

Правда, война вначале носила своеобразный характер: предприняв несколько мелких операций, французские войска перешли к пассивной обороне, немцы тоже не наседали, и в течение целых недель линию замершего

фронта не оглашали даже звуки ружейной перестрелки. «Странная война»¹, — говорили французы.

В действительности война была не столь странной, как это могло внешне казаться: немцы не торопились наступать, а Даладье и другие использовали «передышку» для завершения разгрома патриотических сил. Армия бездействовала, но в её среде, особенно в руководящей верхушке, люди из комитета «Франс-Альмань» вели пораженческую агитацию. Пройдёт ещё несколько месяцев, и президент республики Лебрен растерянно скажет: «Генералы не хотят сражаться». Эти генералы немало поработали над тем, чтобы разложить свои войска, заглушить у них желание воевать и защищать родину, убить надежду на победу.

Продолжая свою политику, Даладье замыслил втянуть Францию в войну с СССР и отправить экспедиционные войска на помощь белофиннам. Подцензурная французская печать писала об СССР так, что могло казаться, будто не германские войска подготовились к прыжку на Париж, а Даладье во главе французской армии находится на пути к Москве. Даладье хотя и не успел послать войска в Финляндию, но сумел лишить Францию части её армии, переброшенной в Сирию для завоевательного похода в Советское Закавказье. По поручению Даладье в Анкаре велись переговоры об организации авиабаз на турецкой территории для бомбардировок Баку и Батуми. Подготавливались также военные операции против СССР на Чёрном море. Даже прожжённым политическим дельцам из французского парламента показалось, что в своей прогерманской политике Даладье хватил через край. Капитуляция Финляндии сорвала планы Даладье. Ему пришлось уйти с поста премьер-министра и довольствоваться портфелями министра иностранных дел и министра обороны. Главой французского правительства 21 марта 1940 г. стал лидер правобуржуазной партии «Демократический альянс» Поль Рейно. Он слыл большим другом англичан и «сильным человеком». В действительности же в первую очередь он был своим человеком для «200 семейств». Это стало совершенно ясным, когда немцы,

¹ «Drole de guerre».

полагая, что пришло время пожать плоды политики французской реакции, прервали «странную войну» и вторглись на территорию Люксембурга, Бельгии, Голландии, а затем и северной Франции. Французские войска мужественно противостояли врагу. Но их усилия срывались предателями и реакционерами.

Приближалась развязка. Ускоряя её приход, Рейна произвёл переформирование кабинета и пост вице-премьера вручил маршалу Петэну — завязтому реакционеру, мнимому герою обороны Вердена в 1916 г. (когда он троекратно требовал разрешения прекратить сопротивление немцам), человеку, заслужившему у Клемансо наименование несносного пессимиста. В 1917 г. Петэн учинил кровавую расправу над восставшими французскими солдатами.

В 1925 г. Петэн, 69 лет, вернулся на действительную службу для того, чтобы возглавить карательную экспедицию против марокканского племени риффов. В этом походе его ближайшим помощником был подполковник де ла Рок, начальник разведывательного отдела его штаба. Тесные взаимоотношения с де ля Роком у Петэна сохранялись и тогда, когда полковник стал главарём фашистской военной организации «Боевые кресты» и затем «французской социальной партии». Реакционер, махровый клерикал, Петэн, занимая руководящие посты в органах военного управления, культивировал в офицерской среде кастовость, ограниченность интересов, презрение к народу и неуважение к демократии. Убеждённый приверженец обветшалых доктрин позиционной войны, он и в бытность вице-председателем высшего военного совета и военным министром с подозрительным упорством боролся против предложений о продлении «линии Мажино» вдоль французско-бельгийской границы и добился того, что «дверь» во Францию с севера, через которую немцы вторглись в 1914 г., оставалась открытой.

В 1934 г., на похоронах югославского короля Александра, Петэн установил личный контакт с Герингом. В следующем году, проездом в Польшу на похороны Пилсудского, он опять видится с Герингом и результаты своих переговоров с ним резюмирует в краткой формуле: «Наши два народа должны столкнуться». Смысл этих слов был таков: маршал Франции и

рейхс-маршал Германии уже столкнулись. Реакционная печать о Петэне писала как об избраннике, который спасёт Францию от Народного фронта. «Кагуляры» и другие время от времени разоблачаемые заговорщики прочли его в правители страны. Когда в части Испании утвердился фашист Франко — ученик Петэна по «Эколь милитэр» (Французская военная академия) и агент германской разведки, — Петэн добился своего назначения на пост французского посла при франкистском правительстве. На этом посту его застало начало второй мировой войны. Своё отношение к национальному врагу Петэн выразил в беспрецедентной в дипломатической практике форме: при встрече с гитлеровским послом в Испании он демонстративно пожал ему руку. Вот этого-то человека Рейно назначил сначала своим заместителем, а затем и вовсе уступил ему руководство правительством. Неудивительно, что при получении известия о назначении Петэна Гитлер мог самодовольно сказать своим приближённым: «Петэн — самая крупная из моих побед».

Ко времени прихода Петэна к власти Париж без боя был сдан немцам. Правительство, сначала переехавшее в Тур, перебралось в Бордо. Здесь, в городе, где мэром был бывший социалист и постоянный поклонник Гитлера Адриан Марке, терроризируемые выдумками о коммунистических восстаниях парламент и правительство окончательно стали игрушкой «пятой колонны». Зловещая фигура Пьера Лаваля чаще прежнего мелькала среди растерявшихся государственных людей. Быстро была составлена новая формула «меньшего зла», и словами «лучше перемирие, чем революция» заглушали протесты тех политических деятелей, которые всё же не соглашались выдать Францию Гитлеру.

Пока в Бордо происходили последние приготовления к капитуляции, потрясённая Франция увидела, что её предали: «линия Мажино» была обойдена, Париж сдан без боя, пятимиллионная армия распалась. Миллионы людей, бросивших свой дом, лишь бы только не видеть в нём немцев, заполнили дороги страны; производство остановилось. К власти пришли изменники...

Петэн и Бодуэн, директор Индо-Китайского банка, занявший в последнем правительстве Третьей республики

пост министра иностранных дел, через франкистского посла Лекерика 18 июня 1940 г. обратились к Гитлеру с просьбой о перемирии. Папский нунций Валерио Вальери был участником бордоских переговоров. 19 июня 1940 г. из Мадрида передали, что Гитлер согласен сообразить свои условия.

2. ОККУПАНТЫ И ПРЕДАТЕЛИ

22 июня 1940 г. в Ретонд (Компьенский лес), в том самом месте, где в 1918 г. маршал Фош продиктовал уполномоченным со стороны Германии условия принятия союзниками её капитуляции, представители маршала Петэна приняли требования, предъявленные от имени Гитлера генерал-полковником Кейтелем. Спустя два дня — 24 июня 1940 г. — представители Петэна подписали соглашение о перемирии с незадолго до того напавшей на Францию Италией. В 1 час 35 минут ночи 25 июня официально прекратились военные действия между германскими и итальянскими войсками, с одной стороны, и подчинившимися Петэну французскими вооружёнными силами — с другой.

Третья республика бесславно погибла. Она погибла не в результате военного поражения, она просто была выдана национальному врагу олигархией «200 семейств» и их политическими агентами, ненавидевшими СССР, враждебными демократии и ориентировавшимися на террористическую диктатуру. Проводившаяся немцами «политика игры в противоречия между классами отдельных государств и между этими государствами и Советской страной, — указал товарищ Сталин в речи по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, — уже дала свои результаты во Франции, правители которой, дав себя запугать призраком революции, с перепугу положили под ноги Гитлера свою родину, отказавшись от сопротивления»¹.

При подписании Компьенского договора Германия считала нецелесообразным открыто ликвидировать французскую государственность. Неизбежными последствиями

¹ Сталин, О Великой отечественной войне, стр. 21.

политики подобного рода явились бы в первую очередь отпад французских колоний и развёртывание в стране истребительной национальной войны против немцев. Между тем немцы, подготавливая дальнейшие наступательные действия в целях установления своего мирового господства, были весьма заинтересованы в использовании производственных возможностей французской военной промышленности, в получении продовольствия из Франции и сырья из её колоний, в проникновении в важные в военно-стратегическом отношении пункты французских владений, разбросанных по всему земному шару; они рассчитывали также отделить от английского военно-морского флота французский военно-морской флот и прибрать его к своим рукам и т. д. Словом, то, что Франция была всё же великой колониальной державой, требовало по отношению к ней иной политики, чем немцы проводили в отношении Голландии и Югославии, Норвегии и Греции. В то же время то, что Франция после капитуляции не была превращена в «протекторат», наподобие Чехии, или в «генерал-губернаторство», наподобие Польши, благоприятствовало укреплению у власти Петэна и его клики, позволяло им становиться в позу «спасителей» отечества, якобы сохранивших «независимость» и обеспечивших «нейтралитет» Франции. Гитлер замыслил постепенно превратить Францию в свою колонию.

Подлинные цели германской политики проглядывали в той статье договора, которая устанавливала, что часть Франции, составлявшая примерно $\frac{2}{3}$ её территории, включая Париж, на всё время войны подлежит оккупации германскими войсками. Другими статьями перемирия были предусмотрены: демобилизация и разоружение французской армии, морского и воздушного флота, «за исключением воинских частей, необходимых для поддержания порядка», сдача в исправном состоянии Германии всех видов вооружения и боеприпасов или подчинение их германскому и итальянскому контролю; освобождение всех германских и итальянских военнопленных при сохранении в плену всех захваченных в плен французов; возмещение расходов по содержанию германской оккупационной армии (то, что стоимость содержания оккупационных войск определя-

лась только немцами и ни в коей степени не увязывалась с фактическими затратами, превращало французские платежи на содержание оккупационной армии в контрибуцию).

Навязав Франции это перемирие, немцы могли рассчитывать, что в любой подходящий для них момент они, не встретив противодействия, смогут изменить его условия. Сохранив формально власть капитулянтского правительства и даже признав, что она распространяется и на оккупированную зону, фактически немцы явились неограниченными властителями Франции и её колоний.

Демаркационная линия, делившая страну на оккупированную и неоккупированную зоны, уничтожала единство Франции. Оккупированная зона, на которой до войны проживало 65% населения Франции, в свою очередь была разделена на три части: 1) «зону ведения военных операций», простиравшуюся от испанской границы вдоль западного побережья Франции до бельгийской границы, - полосой в 50—80 км ширины; 2) «запретную зону», тянувшуюся вдоль первой зоны, а также вдоль границ с Бельгией и Германией, полосой в 120—200 км ширины; 3) «зону свободного передвижения», в которую входила остальная оккупированная территория. Расчленение Франции, однако, этим не ограничивалось, и в дальнейшем Германия аннектировала Эльзас и Лотарингию, передала департаменты Нор и Па-де-Кале в ведение брюссельской оккупационной администрации, готовила создание «независимого» Бретонского государства, королевства Бургундии и т. д. Немцы распоряжались как полновластные хозяева не только в зоне своей военной оккупации, но и повсеместно. В неоккупированной зоне немецкое всевластие выступало в более замаскированной форме и проводилось преимущественно через комиссию по перемирию и через «комиссии по согласованию параграфов перемирия в процессе их практического применения», назначенные в подавляющем большинстве городов, административных и экономических центров.

С разделением Франции основные экономические богатства страны пришлось именно на оккупированную зону здесь вырабатывалось 97% всей французской

продукции чугуна, 94% производства стали, добывалось 79% угля, 75% железной руды; тут находилось 65% пахотных земель, снималось 75% урожая пшеницы; здесь было 75% от всего количества лошадей и т. д. и т. п. Немедленно вслед за войсками в промышленные и сырьевые центры оккупированной зоны являлись немецкие администраторы и начинали приспособлять местное хозяйство к военным потребностям Германии. Продовольствие, промышленная продукция, скот, частично сырьё и оборудование стали вывозиться в Германию. Повальный грабёж уже в первые недели германского господства вызвал безудержный рост дороговизны, массовые заболевания и смертность.

Между тем предатели и капитулянты торопились использовать результаты оговора с гитлеровцами и закрепить за собой власть. 9 июля 1940 г. в казино фешенебельного курорта Виши собрались могильщики Третьей республики — члены палаты депутатов и сенаторы, поправшие республиканскую законность, поощрявшие политику чрезвычайных декретов, практику заговоров, систему войны с собственным народом и преследования его лучших представителей — депутатов-коммунистов. Большинством в 569 голосов против 80 было принято 10 июля 1940 г. предложение Лаваля о предоставлении Петэю всей полноты власти для обнародования новой конституции. Используя этот призрак законности, Петэн с согласия бывшего президента Лебренна тотчас провозгласил себя главой государства и правительства, а Лаваля — своим заместителем. Третья республика открыто и окончательно уступила место режиму диктатуры предателей и капитулянтов.

С этого времени самое наименование «Французская республика» было заменено термином «Французское государство».

Свой режим петэновцы демагогически рекламировали как «национальную революцию», как «моральное обновление» Франции. Сущность этого «обновления» сводилась к отказу от того лучшего, чем могла гордиться Франция, к осуждению блестящих страниц её прошлого, глумлению над выдающейся, передовой ролью французского народа в истории человечества в XVIII—XIX веках, к непримиримой борьбе со всем, что носило

на себе следы демократии и прогресса. Официальный девиз, унаследованный Третьей республикой от буржуазной революции XVIII века, — «Свобода, Равенство, Братство» уступил место формуле «труд, семья, государство», которая оказалась синонимом рабства, разрушения семьи и колонизации страны. Антисемитские законы, разгул реакционнейшего клерикализма, трудовые лагеря для молодёжи, попрание французской культуры, восхваление фашизма, пруссачества, расизм стали непрременными и основными элементами «национальной революции».

Вокруг маршала Петэна собрались бывшие французские премьер-министры Лаваль, Шотан, Фланден, бывшие министры Ламери, Риволе, Катала, Деа, Марке, Иберна-гарэ и др.; петэневские порядки и летэновскую измену прославляли такие мастера пера и слова, как Луи Селин, Жан Жионо, Жюль Легран, Жорж Кокто, Пьер Бенуа, Жан Ксидиас, «социалист» Спинас и гитлеровец Суарец, профессор Анрио и член Академии «бессмертных» Абель Боннар и многие другие «знаменитости».

За спиной Петэнов и Лавалей стояли семьи де Ван-дель, Рено, Шарля Шнейдера, Жюля Обрена, Теодора Лорана и другие из круга «200 семейств». Многие из представителей так называемого делового мира открыто взяли на себя правительственные функции: директор Индо-Китайского банка Бодуэн одно время был министром иностранных дел у Петэна, член правления банка Вормс — Пюше — министром внутренних дел, член правления обоих названных банков, а также банка Мирабо и К⁰ Жак Барно — представителем в «Комиссии по германо-французским экономическим отношениям», член правления Земельного банка Казлио — министром земледелия, руководитель молочного треста Ашар — министром продовольственного снабжения.

Известной опорой вишийского «правительства», в особенности в первое время его существования, являлась некоторая часть зажиточного крестьянства. Проклинаемая нелепую и страшную войну, она стремилась поправить свои дела за счёт городского потребителя. А вишийские круги с первых дней своего политического оформления стали особенно подлаживаться под психику кулачества

и заигрывать с крестьянами, убеждая их, что только сельские хозяева — «настоящие французы». К новому режиму прекрасно приспособились круги торговой буржуазии юга Франции. Прекращение всяких заморских перевозок по Атлантическому океану и резкий рост ввоза колониальной продукции в Марсель и Сет для последующей перепродажи немцам служили немалым источником дохода различных морских компаний и торговых фирм. В поисках лёгкой наживы вокруг правительства национальной измены, вокруг различных его звеньев и ответвлений сгруппировались всякого рода социальные подонки, аферисты, мародёры, жулики. В целом все эти элементы образовали весьма пёстрый круг «коллорационистов» — сторонников сотрудничества с гитлеровской Германией.

Петэн постоянно и настойчиво афишировал полное взаимопонимание между ним и руководящими церковными кругами, предоставлял церкви субсидии, полумиллиардными ассигнованиями поддерживал так называемые «частные школы», принадлежавшие религиозным обществам, восстанавливал давным-давно закрытые монастыри. Декретом Петэна от 6 марта 1941 г. было приказано возвратить религиозным ассоциациям в срок до 1 января 1943 г. все конфискованные церковные земли и бывшую церковную собственность. Естественно, что со стороны Ватикана вишийская политика «реконструкции Франции» встречала полное одобрение. Но в то же время некоторые церковнослужители, учитывая настроения своей паствы, опасались какими-либо действиями поставить себя в число «коллорационистов».

К лицам, содействовавшим укреплению вишийского режима, относились многочисленные элементы, потерявшие способность к самостоятельной ориентации в сложившейся обстановке. Приняв на веру подsunутую им вздорную идею о якобы закономерном характере поражения Франции, они со вниманием и (надеждой) прислушивались к болтовне о том, что старый маршал ведёт, дескать, «двойную игру» и, продавая Францию, каким-то образом выкупает её у врага, уменьшает то зло, какое могло бы постичь французов, не будь бы у них Петэна и его клики... Естественно, что подобного

рода элементы зачастую охотно соглашались с нашёптывавшимися им предложениями ждать развития событий и устраняться от активного в них вмешательства. Нередко тайные агенты немцев и вишийцев пытались доказать французам, что именно в тактике выжидания, «атлантизме» есть проявление своего рода гражданской доблести. Некоторые видные антивишийские политические деятели в течение длительного времени тоже стояли на позициях «выжидания», т. е. на позициях непротивления господству чужеземцев и изменников.

Одним из первых крупных мероприятий вишийской клики был изданный 16 августа 1940 г. закон о временной организации промышленного производства. Согласно этому закону, якобы в целях морального и духовного обновления, устранения монополий и трестов и ликвидации классовой борьбы, упразднялись и объявлялись распущенными все рабочие и предпринимательские объединения, т. е. ВКТ, равно как и тресты, синдикаты и т. п.

Ликвидировав ВКТ, вишийцы попытались прибрать к рукам производственные федерации и местные объединения профсоюзов. Во главе федераций и объединений были поставлены отпетые предатели рабочего движения. С их помощью «правительство» Виши разразилось «хартией труда», лишавшей рабочих последних социальных завоеваний. Понятно, что вскоре вишийские «свободные христианские профсоюзы» растеряли всех своих членов; низовой рабочий актив объединялся вокруг нелегальных народных комитетов, приступивших к восстановлению профессиональных организаций.

Взамен формально распущенных предпринимательских объединений были созданы так называемые организационные комитеты. Последним было поручено регулирование отношений внутри каждой отдельной отрасли производства. Создание этих комитетов закрепляло господствующее положение небольшой горстки крупнейших капиталистов. «Монополии пытаются утвердить свою мощь, используя институт экономических организационных комитетов», — вынужден был признать Петэн.

Во главе всех организационных комитетов были поставлены заправилы крупнейших монополий. Место пресловутого «Комитэ де Форж» (Комитет тяжёлой

промышленности) занял Организационный комитет чёрной металлургии. В его состав вошли все те, кто составлял «Комитэ де Форж» и диктовал свою волю правительствам: председатель — Жюль Обрен, представлявший пять обществ (машиностроительное, транспортное, электрическое, нефтяное и колониальное) с капиталом в 910 млн. фр., члены — Теодор Лоран, представлявший 16 обществ с капиталом в 2 067 млн. фр., Жан Мароже, представлявший 10 обществ с капиталом в 1 444 млн. фр., Франсуа и Эмбер де Вандель, представлявшие крупнейшее «семейное предприятие» Франции, охватившее своим влиянием самые различные сферы экономики, Гектор Петэн, представлявший 5 обществ с капиталом в 480 млн. фр., Шарль Шнейдер, представлявший общество «Шнейдер-Крезо», контролировавшее ряд банков и предприятий, и др. — всего 27 человек, представлявших общества с капиталом более 9 млрд. фр., что составляло по курсу дня около 100 млрд. фр. Председателем Комитета угольной промышленности был назначен Бюше, директор угольных копей в Лансе, сотрудник миллиардера Пейеримгофа; во главе Комитета химической промышленности — Панвен, представитель интересов группы Кюльмана и одновременно председатель правления треста «Южин», тесно связанного с обществом «Французский коммерческий кредит» («Креди Коммерсиаль де Франс»), и т. д. Быстрейшим образом осуществляя концентрацию и рационализацию, различные организационные комитеты помогли крупнейшим монополиям поглотить десятки более мелких фирм и во всеоружии явиться для переговоров с представителями германского капитала.

Немецкие власти и немецкие капиталисты в одних случаях шли на создание различных франко-германских объединений при руководящей роли германского капитала; в других случаях они непосредственно присваивали себе французские предприятия. Например, вся группа лотарингских заводов была полностью включена в систему грабительского концерна «Герман Геринг» и не менее грабительского Германского стального треста; большинство авиационных предприятий было объединено в «Национальную компанию самолёто-

строения» и включено в германский европейский картель и т. д. С помощью организационных комитетов и других органов вишийских властей немцы относительно быстро и эффективно смогли поставить французскую промышленность на службу своим интересам. О том, сколь значительной оказалась доля участия французской промышленности в обеспечении военных нужд Германии, можно судить на основании данных, опубликованных 6 сентября 1944 г. в американской прессе руководителем существовавшего тогда Управления экономической деятельностью США в иностранных государствах Кроули. Согласно сведениям Кроули, французская промышленность давала Германии более 5% германского производства самолётов, более 12% германского производства авиамоторов, 10% производства паровозов, свыше 20% производства грузовиков, 30% всего количества железной руды, которым немцы располагали как в самой Германии, так и в других оккупированных ими странах, 40% бокситов... «Газет де Лозанн» 29 мая 1944 г. писала, что на французских военных заводах, выполнявших германские заказы, работало более 500 тыс. человек и что в 1943 г. эти заводы изготовили 22 тыс. *t* боеприпасов, 19 тыс. *t* взрывчатых веществ, 4 800 *t* пироксилина, 9 тыс. *t* пороха, 3 600 самолётов, 9 тыс. моторов и около 8 тыс. пропеллеров. Завоёванная Франция стала кузницей оружия для немцев, важной житницей, снабжавшей Германию предметами питания, и резервуаром, из которого немцы черпали весьма необходимые им кадры обученных рабочих-рабов. По данным министерства земледелия Временного правительства Французской республики, передававшимся браззавильским радио 21 сентября 1944 г., в результате официальных реквизиций, не считая изъятий у отдельных крестьян и частных посылок, отправлявшихся немцами в Германию, оккупантами было отобрано во Франции 2 338 тыс. *t* пшеницы, 2 359 тыс. *t* овса, 51957 *кг* масла животного, 42 521 *кг* масла растительного, 190 млн. *кг* сахара, 802 млн. *л* вина, 39 млн. *л* водки и т. д. Если экономическим последствием этого грабежа и «натуральных поставок», взимавшихся властями Виши, явились деградация крестьянского хозяйства и голод потребительских групп населения, то

основным политическим последствием была дискредитация петэновского режима в глазах крестьян и рост оппозиции в деревне против «коллорабационизма».

Германская политика «регулирования» промышленности сильно подрывала социальную базу «правительства» Виши и в буржуазной среде. Рассматривая Францию лишь как военный плацдарм, как свою колонию, немцы систематически закрывали ненужные для них предприятия, а их оборудование либо увозили, либо отправляли на слом. Уже в ноябре 1942 г. начальник германской военной администрации во Франции генерал Михель сообщил, что около 10 тыс. предприятий, не представляющих интереса для германского хозяйства, остановлены. Конечно, интересы бывших собственников этих предприятий, даже наиболее реакционных из них, приходили в столкновение с политикой новых хозяев Франции и их французских прислужников.

Не довольствуясь захватом сырья и продовольствия, машин и промышленной продукции, угоном скота и средств передвижения, немцы систематически грабили население, присваивали произведения искусства и предметы широкого потребления. В августе 1942 г. Геринг приказал провести во Франции «сбор» на рождественские подарки для немцев. В порядке выполнения этого приказа для «расы господ» было отправлено из Франции товаров на 274 млн. марок. 15 января 1943 г. специальный уполномоченный Геринга сообщил ему, что в течение шести месяцев, от мая до ноября 1942 г., из Голландии, Югославии, Польши и преимущественно из Франции в Германию было отправлено товаров и ценностей на сумму в 1 107 млн. марок. В числе этих товаров находилось 22 672 тыс. пар белья, костюмов и пальто, 10 627 тыс. перчаток, 1000 783 пары обуви.

Для полноты картины разорения Франции необходимо отметить, что 1 200 тыс. зданий, 2 300 железнодорожных станций, 4 500 мостов, тысячи гектаров посевов было уничтожено во время военной кампании 1940 г.

Кроме того, в порядке оплаты содержания оккупационной армии вишийское правительство выплатило Германии 570 млрд. фр., в то время как действитель-

ные расходы сто оккупации не превышали 74 млрд. фр. Всего немцы выкачали из Франции одних платёжных средств на 819 млрд. фр.

Вишийские правители усиленно помогали оккупантам в разорении собственной страны. Петэн в оправдание повального немецко-вишийского грабежа непрестанно твердил что-то о новой хозяйственной ориентации Франции, в результате осуществления которой она, дескать, «вновь займёт своё место в первой линии сельскохозяйственных и аграрных стран».

В целом экономическая политика Виши, — в той степени, в какой вообще можно говорить о самостоятельной политике этого режима, — была направлена к деиндустриализации Франции и к превращению её в колониальный придаток германского хозяйственного организма. Французская промышленность сохранялась и получала возможность работать, лишь поскольку это требовалось германской военной экономике.

Вишийское правительство пыталось казаться самостоятельным, суверенным правительством. В Виши издавались декреты, производились назначения и смещения, раздавались награды, устраивались дипломатические приёмы и военные парады, посылались многочисленные представители за границу, велись бесконечные переговоры с правительствами США, Канады, иногда устраивались маленькие, по существу невинные, фронды против немцев, — словом, делалось очень многое, чтобы убедить французов и нейтральные заграничные круги в подлинной независимости правительства изменнической клики и в том, что Франция — «нейтральная держава».

Осенью 1940 г., в период интенсивной подготовки к новому удару по Англии и к нападению на Советский Союз, Гитлер согласился на личную встречу с Петэном. Свидание это произошло 24 октября в городке оккупированной зоны Монтуаре. В официальном сообщении указывалось, что Гитлер и Петэн после дискуссии о послевоенной реконструкции Европы договорились о принципах сотрудничества. Последовало временное уменьшение платежей на оккупационную армию, возвращение из плена солдат — отцов четырёх детей и старших из четырёх братьев в семье, где отец умер

или нетрудоспособен, и дополнительная загрузка ряда предприятий неоккупированной зоны военными заказами германской армии.

Милостивое отношение к Петэну со стороны «фюрера» благоприятствовало намерениям Петэна всемерно поддерживать легенду о своей «независимости» и придало ему решимость совершить небольшой государственный переворот. В декабре 1940 г. Лаваль, слишком уж угоднически заискивавший перед немцами и слишком нагло и бесцеремонно понукавший французами, к тому же не скрывавший циничного презрения к престарелому изменнику, пытавшемуся сохранить репутацию политической девственности, был неожиданно уволен в отставку, а вслед за тем и арестован. Всё это происшествие закончилось явным конфузом для петэновцев: узнав о злоключениях, происшедших с гитлеровским «гаулейтером», в Виши торжественно прикатил в сопровождении взвода немецких мотоциклистов посол германского министерства иностранных дел при германском командовании в Париже Отто Абец. Не утруждая себя никакими формальностями, этот действительный правитель Франции извлёк Лавалья из тюрьмы и в собственной машине препроводил его в Париж. В Париже Лаваль своей персоной пополнил так называемый «парижский центр», где бесновались и бесосновательно ругали вишийцев за недостаток рвения к включению Франции в гитлеровский «новый порядок» в Европе Деа, Марке, Дорио, де Бринон.

Между тем «дух Монтуара», «дух умиротворения» и «сотрудничества» вскоре же обнаружил свой подлинный характер: 11 ноября 1940 г., в день годовщины победоносного Компьенского перемирия 1918 г., в Париже, у могилы Неизвестного солдата, у Триумфальной арки немцами была расстреляна демонстрация студентов, 12 человек было убито, более 800 человек арестовано, и 10 из них затем приговорено к смертной казни. Это кровавое событие, взволновавшее всю столицу, вызвало значительный подъём патриотических чувств и в незначительной степени способствовало провалу той убаюкивавшей народ пропаганды идей о «национальной революции», «реконструкции Франции» и пользе для неё «сотрудничества», которой усиленно занималось Виши. Смертель-

ный удар пропаганде «сотрудничества» и «нейтралитета» был нанесён распространившимися сведениями о том, что немцы изгнали французское население из Эльзаса и Лотарингии и присоединили эти провинции к Германии. Тревожившие Францию слухи особенно усилились со времени конфликта между Петэном и Лавалем.

После «дворцового переворота», произведённого Петэном, министерство иностранных дел в «правительстве» Виши досталось Пьеру-Этьену Фландену. Назначение этого ловкого дельца, вдохновителя французской реакции, в своё время поздравившего Гитлера с Мюнхенским соглашением, должно было носить характер успокаивающего жеста и по отношению к Берлину и по отношению к Лондону. Фланден был тесно связан с кругами лондонского Сити, дорожил личными отношениями с британским премьером Черчиллем и, несмотря на всю свою прогитлеровскую деятельность, слыл человеком «британской ориентации». Возможно, что в связи с общим изменением планов Гитлера и подготовкой нападения на СССР назначение Фландена имело целью зондирование британского правительства. Фландену удалось вступить в контакт с Черчиллем. Но эта интрига была оборвана, и 9 февраля 1941 г. министром иностранных дел стал адмирал флота Жан Дарлан.

С весны 1941 г. и до осени 1942 г. Дарлан, сконцентрировавший в своих руках посты вице-премьер-министра, министра военно-морского флота, военного министра, министра авиации, министра иностранных дел и министра информации, был главной фигурой в «правительстве» Виши. Фактический диктатор, он рьяно трудился над укреплением фашистского режима в стране и удовлетворением нужд и потребностей своих германских хозяев. При нём усилились проводившиеся под руководством немецких специалистов изыскания и подготовительные работы к строительству транссахарской железной дороги между Северной Африкой и важнейшим в стратегическом отношении портом Африки — Дакар. При нём немцы превратили Тунис, Алжир, Марокко в тыловые районы армии Роммеля. При нём генерал Денц передал немцам французские аэродромы в странах Леванта; он же, настаивая на конвоировании

французскими военными судами французских торговых кораблей, прорывавшихся через английскую блокаду, вёл дело к отказу от «нейтралитета» и открытому вступлению Франции в войну на стороне Германии.

По вызову немцев Дарлан 21 мая 1941 г. — незадолго до приведения в действие «плана Барбароссы» — явился в Берхтесгаден на приём к Гитлеру. На этом свидании были уточнены обязанности, выпадавшие на «правительство» Виши в связи с предстоящим расширением германской агрессии, и в частности обусловлено предоставление для нужд немцев железных дорог неоккупированной зоны и французских морских линий, соединяющих порты южной Франции с Северной Африкой; кроме того, было решено ещё в большей степени загрузить промышленные предприятия вишийской зоны германскими военными заказами. Со своей стороны в качестве нового жеста «примирения» Гитлер согласился на сокращение ежедневных платежей в пользу Германии до 300 млн. фр. Вишийские писаки превозносили «фюрера» за его «великодушие». При этом, однако, скрывался подлинный смысл «доброты» нацистского людоеда: выплата уменьшенной суммы, в отличие от того, что практиковалось раньше, должна была производиться только в золоте или в иностранной валюте, из расчёта 70 млн. долл. в день, что при обесценении франка соответствовало более чем 1 млрд. бумажных франков в день. Как видно, гитлеровский жест «примирения» дорого обошёлся французскому народу.

По возвращении во Францию Дарлан в своей речи по радио потребовал от всех французов политики самого лояльного сотрудничества с Германией.

Усилиями Петэна, Лавалья, Дарлана, выразивших волю «200 семейств», Франция всё в большей степени превращалась в придаток германского разбойничьего государства. Режим чужеземных ставленников, нахальное хозяйничанье фашистов в стране, ограбление народа, горечь за поражение, презрение к капитулянтам, ненависть к поработителям не могли не вызвать в среде французов чувства глубокого (протеста и движения активного сопротивления против изменников и захватчиков.

3. НАЧАЛО СОПРОТИВЛЕНИЯ

В литературе, посвященной вопросу о Движении сопротивления во Франции, встречается утверждение, будто сопротивление пришло во Францию откуда-то извне, со стороны, что своим появлением оно обязано де Голлю, открывшему глаза народу на постигшую его трагедию. Конечно, подобного рода версии весьма далеки от реальной действительности.

Разве не начали движение сопротивления солдаты отрядов и соединений, которые, не повинаясь приказу изменника-маршала, ещё много дней после формального прекращения военных действий в горячем патриотическом порыве продолжали вести упорные бои с врагом? Разве не начинали движения сопротивления те герои-рабочие, служащие, крестьяне, мужчины, женщины, подростки, которые изолированными актами саботажа, индивидуальной расправой с отдельными врагами доказывали всем, что французский народ не сломлен и рабству предпочитает победу или смерть? Разве коммунистическая партия Франции не осталась на своём посту, не бросила клич борьбы за свободу и независимость и не показала пример сопротивления?

Ещё 24 мая 1940 г., тотчас после назначения Петэна заместителем премьер-министра, а Вейгана — главнокомандующим французской армией, загнанный в подполье Центральный комитет КПФ принял декларацию о борьбе с иноземным нашествием и теми, кто проложил ему дорогу. Стремясь предотвратить национальную катастрофу, в июне Центральный комитет КПФ через посредство Жоржа Политцера предложил правительству организовать народное ополчение и изменить характер войны, придав ей справедливое, национально-освободительное направление. Активисты коммунистической партии, интернированные в лагере у Нанта,, 10 июня потребовали от военных властей, чтобы их послали на фронт. Но все эти обращения оставались безрезультатными. Тотчас же после государственного переворота в Виши в июле 1940 г. Центральный комитет КПФ выпустил воззвание к народу Франции. «Франция познала поражение, оккупацию, унижение, —

говорилось в этом документе, — Франция ещё вся в крови, но она хочет жить свободно и независимо. Никогда столь великий народ, как наш, не будет народом рабов. Франция не превратится в колониальную страну. Франция с её столь славным прошлым не падёт на колени перед бандой лакеев, готовых на всякое грязное дело. Но не побитым генералам, не аферистам и прожжённым политиканам возродить Францию — они способны лишь предавать её. Великая надежда национального и социального освобождения коренится в народе. Вокруг пламенного, великодушного, исполненного веры и мужества рабочего класса может быть создан фронт свободы, независимости и возрождения Франции».

В воззвании коммунистической партии были выражены мысли и чаяния лучших сынов Франции, всего её свободолюбивого трудового народа. Коммунистическая партия Франции оказалась единственной партией страны, не растерявшей свои организации и свои основные кадры. С беспримерным мужеством, неугасимой верой в конечное торжество своего дела коммунисты приступили к созданию фронта свободы, независимости и возрождения Франции. Поднимая дух народа, они из своего двойного подполья — от оккупантов и вишийцев — разъясняли народу преступления тех, кто предал Францию, и показывали путь борьбы за восстановление её свободы и независимости. Каждый коммунист становился вожаком близкой ему группы французов, подбирая себе сотрудников и коллег среди честных людей различного социального положения и различных политических убеждений.

Коммунистическая партия и её печать не прекращали ни на миг своей деятельности. Даже в обстановке всеобщего хаоса, в день вступления немецких войск в Париж, тут же, в Париже, был нелегально отпечатан очередной номер газеты «Юманите».

Пытаясь подавить коммунистическую партию, усматривая в её деятельности наиболее значительную угрозу своему господству, оккупационные и вишийские власти совместно начали проводить систематическую охоту на коммунистов и коммунистические организации. Ряд выдающихся деятелей коммунистической партии, аресто-

ванных ещё последними правительствами Третьей республики, попал в руки новых хозяев Франции. В июне 1940 г. полиции Виши и гестапо удалось арестовать группу видных деятелей партии, в том числе Гранделя, Тэмбо, Пульмарка. С особым остервенением оккупационно-вишийские органы «порядка» охотились за вождём французской коммунистической партии, генеральным секретарём её Центрального комитета Морисом Торезом.

Морис Торез, потомственный углекоп, ещё четырнадцатилетним подростком, в начале первой мировой войны, познал бедствия и разрушение, причинённые немецким вторжением. Не желая сносить немецкую оккупацию, он осенью 1914 г. вместе со своим дедом оставил родной дом и в течение нескольких лет вёл тяжёлую жизнь слуги, батрака на ферме. После демобилизации из армии, куда он был призван в конце войны, Торез выделяется в качестве вожака передовых рабочих родного шахтёрского района, неустанно борется за социальные и национальные права угнетённых и обездоленных, во многом способствует превращению молодой коммунистической партии Франции в подлинный авангард французского народа. С мая 1928 г. Морис Торез неизменно представлял парижское предместье Иври-сюр-Сен во французской палате депутатов. Величие идей, руководящих деятельностью Тореза, его бесконечная любовь к родине и народу вызывали ответные чувства глубокого уважения, доверия, преданности к вождю коммунистической партии со стороны широких кругов рабочих, крестьян, интеллигентов.

С объявлением всеобщей мобилизации Торез, как и все военнообязанные коммунисты, явился в предписанную ему воинскую часть. Вскоре стало ясным, что, готовя всеми средствами поражение Франции и капитуляцию перед Германией, французская реакция сочла момент подходящим для того, чтобы приступить к физическому уничтожению видных коммунистических деятелей. Исходя из подлинных интересов Франции и французского народа и учитывая реальность угрозы расправы, нависшей над лидерами рабочего класса, Центральный комитет КПФ вынес решение, чтобы руководители коммунистической партии и в первую

очередь Торез, которому угрожала непосредственная опасность стать жертвой предателей, немедленно перешли на нелегальное положение. Последующие события подтвердили, насколько подобное решение оказалось разумным и дальновидным: те партийные и профсоюзные деятели, которым не удалось своевременно перейти на нелегальное положение, попали в тюрьмы Даладьё, а затем в руки вишийцев и немецких оккупантов и были расстреляны гестапо.

Неудивительно, что впоследствии французские реакционеры, раздосадованные тем, что Торез и многие другие выдающиеся деятели рабочего класса сумели избежать расправы и остались живы, избрали их мишенью различных клеветнических кампаний.

Уйдя в подполье, Торез совместно с такими крупнейшими и идейно-политическими руководителями коммунистической партии и рабочего класса, как Жак Дюкло, Бенуа Фрашон и другие, сыграл выдающуюся роль в организации патриотического движения и активной борьбы за независимость и возрождение Франции.

Несмотря на арест и гибель многих коммунистов и отдельные неудачи, коммунистическая партия неустанно трудилась над сплочением французских патриотов и втягиванием их в освободительную борьбу. Постепенно её усилиями была создана обширная организация сопротивления, разветвления которой охватывали весьма различные прослойки населения всей страны. В эту организацию сопротивления, связанную в первую очередь с рабочими организациями, с восстанавливавшимися нелегально профессиональными союзами, объединениями молодёжи и т. д. вступали лучшие представители французской интеллигенции, отдельные буржуазные деятели и все, кто преданно и самоотверженно добивался освобождения Франции. Эта массовая патриотическая боевая организация сопротивления оформилась к середине мая 1941 г. и получила название «Национальный фронт».

Выдающиеся заслуги французской коммунистической партии, её роль вдохновителя и зачинателя широко организованного Движения сопротивления получили всеобщее признание. Деголлевский журнал «Ла Франс

Либр» писал в сентябре 1944 г.: «Из всех старых партий только одна коммунистическая партия завоевала престиж, приобрела силы, сторонников. Она играла, особенно с 1941 г., значительную роль в пропаганде, в борьбе, в народной войне».

Конечно, успешная героическая деятельность коммунистической партии при её руководящей роли в сформировавшемся Национальном фронте вовсе не умаляет значения освободительной борьбы других групп, объединений, организаций. Но в отличие от коммунистической партии все остальные политические партии фактически развалились под тяжестью ошибок своей политики. Известная часть деятелей этих партий составила капитулянтско-изменнический лагерь Виши, другие, дискредитированные своей близостью к первым, своей ответственностью за национальную катастрофу, на время или вовсе отошли от политической деятельности, и только немногие активисты социалистической и буржуазных партий в первый год капитуляции отваживались на участие в Движении сопротивления. В тех случаях, когда отдельные части фактически распавшихся политических партий, отдельные группы местных деятелей втягивались в освободительную борьбу, сфера их активности, естественно, не могла распространяться на всё государство и носила преимущественно локальный характер. Таким образом, одновременно с формированием Национального фронта как общенациональной по составу и по масштабам организации параллельно в ряде мест возникали различные группы Движения сопротивления местного характера. Процесс возникновения и роста локальных организаций сопротивления происходил весьма медленно и главным образом относится к последним годам оккупационного режима.

Помимо Движения сопротивления внутри страны, движения, опирающегося на народ, неотделимого от народа, вне Франции возникло движение борьбы зарубежных французов против Гитлера и Петэна, опиравшееся на иностранную помощь. Создание этого движения связано с именем генерала де Голля. Генерал де Голль 18 июня 1940 г. выступил по лондонскому радио с призывом к французам не прекращать борьбы против немецкого нашествия. Поддержанный английским

правительством де Голль из скромного военного деятеля превратился в заметную политическую фигуру.

Сын преподавателя философии и французской литературы в колледже иезуитов в Париже, Шарль-Андре-Мари-Жозеф де Голль родился в Лилле в 1890 г. Получив общее классическое образование, он избрал себя карьеру офицера и поступил в Сен-Сирское военное училище. По окончании училища де Голль был зачислен в 33-й пехотный полк, командиром которого был полковник Филипп Петэн. Де Голль участвовал в защите Верденской крепости, общее командование над которой принадлежало генералу Петэну. Во время верденских боёв де Голль попал в плен. В немецком лагере для военнопленных он впервые встретился с одним из своих будущих сподвижников — Жоржем Катру. По окончании войны, в Западной Европе де Голль в качестве офицера штаба генерала Вейгана принимал участие в войне Польши против Советской России и был награждён польским военным орденом. Спустя некоторое время де Голль назначается преподавателем военной истории в Высшей военной школе.

Одно время де Голль был адъютантом Петэна, затем служил в провинциальных частях, а в 1929—1932 гг. состоял в вооружённых силах Франции на Ближнем Востоке. По возвращении во Францию де Голль в качестве секретаря высшего военного совета находился в постоянном общении с главным инспектором французской армии Петэном. Ему-то он посвящает выпущенную в 1932 г. книжку «На острие меча». Кроме того, его перу принадлежит вышедшая в 1934 г. брошюра «О профессиональной армии». Далёкий от понимания социальных проблем и вопросов о единстве армии и народа как важнейшем факторе силы, де Голль разделял увлечение узко-профессиональными армиями, насыщенными мото-механизированными средствами и обладающими широкими возможностями манёвра. Социальный привкус этих теорий заключался в превращении профессиональной армии в самодовлеющий организм, не связанный с народом и даже противостоящий ему. Хотя последние соображения сближали взгляды де Голя с мнениями признанных французских военных авторитетов, принятая тогда во Франции военная доктрина

исключала возможность осуществления пожеланий де Голля. Однако Поль Рейно и его ближайший сотрудник Гастон Палевский, ставший позднее начальником кабинета де Голля, пытались было добиться некоторых преобразований в духе рекомендовавшихся де Голлем. Впоследствии бесосновательно панегиристы де Голля писали, что осуществление его предложений могло бы предохранить Францию от военной катастрофы.

Начало второй мировой войны застало де Голля в должности командира полка в Меце. Основываясь на опыте польско-германской войны, де Голль пытался обратить внимание верховного командования на необходимость изменений в системе французской обороны. После прорыва французского фронта, в мае 1940 г., он был назначен командиром танковой дивизии и получил звание бригадного генерала. Репутация де Голля была укреплена удачно проведёнными им военными операциями. 7 июня Поль Рейно, при новой реорганизации своего кабинета, назначил де Голля заместителем военного министра. На следующий день де Голль был отправлен с особой миссией в Англию. В условиях быстротечных событий последних двух недель перед капитуляцией де Голль совершал несколько рейсов из Франции в Англию и обратно и находился в постоянном контакте с главами обоих правительств: Рейно и Черчиллем. Выдвинутое последним предложение о франко-британском объединении нашло горячую поддержку со стороны заместителя французского военного министра. После того как Рейно передал власть Петэну, де Голль на самолёте вновь вылетел в Лондон.

18 июня де Голль, тотчас после обращения по радио Черчилля к французскому народу, получил возможность призвать своих соотечественников не мириться с позорной политикой капитуляции. «Я, — говорил в одной из своих радиоречей де Голль, — зову всех свободных французов на беспощадный бой с врагом...»

Позиция, занятая де Голлем, совершенно соответствовала интересам британского правительства. Англия переживала тяжёлые, критические дни: угроза высадки немецкого десанта — морского и воздушного — казалась совершенно реальной. Поэтому большое значение для

английского правительства приобретало всякое событие, затруднявшее свободу действий противника.

Уже 23 июня 1940 г. британское правительство официально сообщило о том, что оно отказывается от сношений с правительством Петэна и признаёт генерала де Голля в качестве главы «свободных французов, которые присоединятся к нему, где бы они ни находились, чтобы защищать общее дело». Движение сторонников де Голля получило название «Свободная Франция». 7 июля 1940 г. между Черчиллем и де Голлем было заключено особое соглашение, определявшее права и характер деятельности последнего и его отношения с британскими властями. Соглашение предоставляло де Голлю право формирования французских вооружённых сил, состоявших из добровольцев всех родов войск. Обеспечение этих французских вооружённых сил всем необходимым брало на себя британское правительство с тем условием, что никакая передача материалов не будет проводиться генералом де Голлем без предварительной консультации и соглашения с британским главным командованием. Генерал де Голль в качестве главнокомандующего французскими силами заявлял, что он будет следовать общим директивам британского командования. Денежное содержание французских волонтёров, пенсии и пособия им, а в случае их гибели — членам их семьи устанавливались соглашением между де Голлем и соответствующими британскими властями. Генералу де Голлю предоставлялось право образовать гражданскую организацию, «составляющую административные службы, необходимые для организации его сил. Штаты и жалованье чинам этой организации будут установлены путём консультаций с британским казначейством».

Особое место в соглашении занимал вопрос о военном флоте. Дело в том, что в результате морского сражения, данного английской эскадрой французским военно-морским силам, находившимся в бухте Мерсель-Кебир у Орана, большое количество французских военных кораблей было отбито у властей Виши.

Кроме того, другая крупная французская эскадра, до капитуляции Франции оперировавшая вместе с английскими морскими силами в восточной части Средиземного моря, была фактически интернирована в порту

Александрии. Соглашение Черчилль — де Голль предусматривало, что французские суда, которые со стороны де Голля не смогут быть обеспечены французским экипажем, будут использоваться непосредственно Англией или другими союзниками.

22 августа 1940 г. английские власти признали за военными властями де Голля право юрисдикции в отношении персонала французских вооружённых сил, находившихся на территории Британской империи. Оба заключённые соглашения устанавливали весьма тесную зависимость движения Свободной Франции от британских властей. Впоследствии именно этим обстоятельством многие наблюдатели старались объяснить явную недоброжелательность, часто проявлявшуюся со стороны правительственных учреждений США в отношении генерала де Голля в период, предшествовавший освобождению Парижа.

Возникшее как военно-политическое движение, движение Свободной Франции вскоре же обрело ряд правительственных функций. Это стало особенно заметно после распространения власти де Голля на присоединившееся к движению население территорий: Новые Гебриды (англо-французский кондоминиум на юге Тихого океана), Таити, Маркизские острова, французские владения в Индии, Новая Каледония, территория озера Чад, Камерун, Среднее Конго, Убанги-Шари, Габон...

За исключением Новой Каледонии, все эти присоединения произошли в результате решений, принятых сверху, без участия масс, и, таким образом, не сопровождались обновлением управленческого аппарата и выдвижением новых, подлинно демократических кадров. В то же время важнейшие части французской колониальной империи, располагавшие относительно значительным аппаратом администрации, набранной по преимуществу из реакционных элементов, оставались зависимыми от Виши и превращались в своего рода колониальный потенциал гитлеровской Германии, империалистической Японии и их сателлитов.

Присоединение к движению Свободной Франции населения ряда территорий превращало де Голля из руководителя добровольческих вооружённых сил, действующих под руководством и в контакте с английскими

силами, в единоличного администратора, свободного в отношении подчинённых от каких-либо ограничений со стороны закона или представительных учреждений. Если находившиеся в изгнании правительства Норвегии, Бельгии и других стран продолжали сохранять полноту прав и полномочий в рамках закона и международных договоров, то де Голль и его сотрудники, являясь лишь объединением частных лиц, не были связаны в своей деятельности никакими нормами, кроме тех, которые устанавливались в практике их отношений с английскими властями.

27 октября 1940 г. в Браззавиле, центре Французской Экваториальной Африки, де Голль обнародовал манифест о создании Совета по защите империи. Но так как вскоре же стало ясно, что Совет по защите Французской империи не занял никакого существенного места в движении Свободной Франции, то де Голль счёл целесообразным выступить с новым заявлением конституционного характера. В так называемой «органической декларации» от 16 ноября 1940 г. он установил неправомочность происхождения власти Петэна, провозгласил свои освободительные задачи и указал, что им будет дан отчёт во всех действиях представителям французской нации, как только возникнет возможность свободного и нормального избрания таковых. Как известно, это обязательство об отчёте за свои действия де Голлем не было выполнено.

В распоряжении де Голя оказалось 30—40 тыс. добровольцев — солдат и офицеров. Ядром этих сил явились несколько подразделений и частей французской регулярной армии, вывезенных в своё время из Норвегии и Дюнкерка в Англию, а также небольшой французский отряд, принимавший участие в операциях на Кипре. Постепенно эти силы обросли волонтёрами из числа перелетавших в Англию французских лётчиков и пробиравшихся туда же отдельных групп офицеров, солдат и других лиц.

В сентябре 1940 г. Свободная Франция провела первую значительную военную операцию: была сделана попытка овладеть Дакаром, важным в стратегическом отношении портом, контролирующим морские пути вдоль африканского побережья и расположенным наиболее

близко к американскому матерiku. В экспедиции в Дакар силы де Голля играли совершенно подчинённую роль в отношении английских сил и своим участием в предприятии просто символизировали единство англо-французских интересов. Плохо подготовленная и плохо проведённая экспедиция закончилась неудачно. Более успешны были операции деголлевских войск в Ливии и Эритрее зимой 1940/41 г.

Наиболее значительной по масштабам и последствиям явилась военная кампания деголлевских сил, предпринятая с целью освобождения из-под власти вишийцев Сирии и Ливана и изгнания оттуда немцев. 8 июня 1941 г., при вступлении в Сирию английских и деголлевских войск, генерал Катру, назначенный де Голлем французским верховным комиссаром государств Леванта, опубликовал прокламацию к жителям Сирии и Ливана. В этом документе указывалось, что пришло время отказаться от системы управления на основе мандатов, и провозглашались свобода и независимость до того подвластных Франции Сирии и Ливана. Прокламация генерала Катру была им согласована с де Голлем и генералом Уэйвеллом, командовавшим силами союзников на Ближнем Востоке. Лорд Лэмпсон, британский посол в Египте, официально заявил, что его правительство одобряет заявление Катру.

Постепенно деголлевское движение установило некоторые связи и с поработанной Францией.

Тяжёлая зима 1940/41 г., отсутствие топлива, отсутствие хлеба (с 1 мая 1941 г. хлебный рацион был уменьшен с 240 до 180 г в день), немецкий грабёж усиливали Движение сопротивления во Франции, ускорили втягивание в организованную борьбу всё более широких кругов народа. Разрозненные выступления и протесты, индивидуальные акты патриотического террора, несогласованные меры саботажа всё в большей степени стали уступать место организованным, согласованным между собой и подчинённым общему плану действиям.

Крупнейшее значение в истории Движения сопротивления имела трёхнедельная забастовка более чем 100 тыс. горняков северной Франции в мае 1941 г. Молодой шахтёр-коммунист Огюст Лекер был организатором

этой забастовки. Масштаб забастовки, упорство её участников, её продолжительность говорили о том, что французский народ по-серьёзному втягивался в борьбу за независимость и свободу родной страны.

Полиция Виши и гестапо неистовствовали, преследуя борцов Движения сопротивления, участников Национального фронта, сторонников де Голля, членов коммунистической партии. Как и прежде, коммунистическая партия не замыкалась в кругу сочувствующих ей лиц, не ограничивалась деятельностью в среде одного рабочего класса, а искала сотрудничества со всеми, с кем её могла объединить общая цель: освобождение и возрождение страны. В мае 1941 г. французская коммунистическая партия обратилась с новым воззванием к народу, в котором заявляла, что она «готова поддержать любое французское правительство, любую организацию, любое лицо, политика и усилия которых будут направлены на путь подлинной борьбы против национального угнетения и против предателей».

4. НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ, НЕЗАВИСИМОСТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ФРАНЦИИ

Начало Великой отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии явилось поворотным моментом в судьбах всех угнетённых немцами народов Европы. В героической борьбе советского народа за свободу и независимость своей родины и за уничтожение немецкого гнёта над другими странами весь мир увидел непревзойдённый пример глубокого патриотизма, неиссякаемого гражданского мужества и непоколебимой стойкости. Могучий отпор врагу со стороны Красной Армии стимулировал повсеместно усиление национального сопротивления гитлеровским захватчикам. Надежда на крушение «нового порядка» в Европе стала расти и крепнуть в сознании масс.

Французский народ, давший миру якобинцев, инсургентов 1848 г., коммунаров 1871 г., преподавший немцам уроки Вальми, народ, духовно и политически более близкий России, чем многие другие европейские народы, прекрасно понимал, какой долг падает на него

в совместной борьбе всех свободолюбивых народов против нацистской чумы.

В департаменте Па-де-Кале горняки Шарль Дебарж и Жюльен Апио, павшие впоследствии смертью героев, стали во главе отрядов франтирёров (вольных стрелков) и партизан. В Эльзасе юный патриот Марсель Вейнем сформировал партизанский отряд. Число партизанских отрядов, количество нападений на немцев, забастовок, актов саботажа росло изо дня в день.

14 июля 1941 г., в день национального праздника в память разгрома в 1789 г. твердыни абсолютизма — Бастилии, в Париже произошла крупная демонстрация. Чтобы её разогнать, немцам пришлось действовать с помощью бронемашин и танков.

18 июля 1941 г. министром внутренних дел «правительства» Виши был назначен Пюше. Удвоив состав полиции, создав особые трибуналы для быстрой расправы с патриотами, Пюше в сотрудничестве с гестапо усилил террористическую политику. За одну неделю им было произведено свыше 11 тыс. арестов, распущено несколько сот различных организаций, казнено много патриотов. Одной из первых его жертв был участник войны 1914—1918 гг. депутат-коммунист Жан Катла.

В Виши, в кругах «коллорабационистов» нападение Германии на СССР было встречено с нескрываемым восторгом. Воротилам из «200 семейств» и их политическим прихвостням представлялось, что несомненная, по их мнению, победа Гитлера откроет новые источники обогащения и создаст новые точки соприкосновения интересов французских и германских империалистов. 29 июня «правительство» Виши заявило о разрыве отношений с СССР. Ликование Деа, Дорио и других было дополнено выступлением Петэна по радио 12 августа 1941 г. Первый предатель Франции приветствовал в лице Гитлера «передового борца за цивилизацию» и заверял его в том, что ему, Петэну, удастся заставить французский народ помочь Германии в войне против Советского Союза. «Парижский центр» проводил усиленную вербовку в антибольшевистский легион, подлежавший отправке на советско-германский фронт. Но кроме банды воров, жуликов-рецидивистов, рассчитывавших легко пожить в Советском Союзе, кроме группы хулиганов,

приведённых Дорио, никто не пошёл в это сборище французских гитлеровцев. В их среду проник патриот: 7 августа 1941 г. во время смотра первого отряда этого сброда «легионер» Поль Коллет выстрелами из револьвера пытался убить Лавалья, Деа и де Бринона. Лаваль и Деа были легко ранены. Коллет тотчас же был приговорён к расстрелу, но из демагогических соображений помилован Петэном. 30 сентября 1941 г. германскими оккупационными властями был издан приказ, согласно которому все французы, находящиеся в заключении по распоряжению германских властей, а также все французы, взятые под стражу «французскими властями» в интересах германских властей, объявлялись заложниками. 22 октября 1941 г. в Шатобриане в качестве ответной меры против Движения сопротивления была расстреляна первая крупная партия заложников: 50 человек, в большинстве своём коммунистов и социалистов.

В декабре гитлеровцы расстреляли более 100 заложников в Мон-Валерьене. Среди них были один из редакторов «Юманите», блестящий публицист депутат-коммунист Габриель Пери и ответственный секретарь той же газеты Люсьен Сампэ. Ещё через некоторое время гитлеровцы расстреляли руководителя французских железнодорожников, члена Центрального комитета КПФ Пьера Семара. Перед смертью Семару удалось написать прощальное письмо и переправить его своим друзьям. Вот что писал пламенный патриот в последние минуты своей жизни: «Через несколько минут я буду расстрелян. Я жду спокойно смерти. Моя последняя мысль принадлежит вам, мои боевые товарищи, всем членам нашей великой партии, всем французским патриотам, героическим бойцам Красной Армии и её вождю — великому Сталину. Я умираю с уверенностью в победе над фашизмом, с уверенностью в освобождении Франции. Передайте моим друзьям-железнодорожникам мою последнюю волю: пусть они не делают ничего, что могло бы помочь нацистам. Железнодорожники меня поймут; они услышат меня, они будут действовать, я в этом убеждён. Прощайте, мои дорогие друзья! Приближается час смерти. Но я знаю, что нацисты, которые меня расстреляют, уже побеждены. Да здравствуют СССР и его союзники! Да здравствует Франция!» Непо-

колебимая уверенность в победе, звучащая в каждом слове этого страстного письма, отражала чувства и мысли всех лучших сынов французского народа.

Война в Восточной Европе не обманула ожидания пострадавших узников «нового порядка» в Европе. Разгром немцев под Москвой развеял миф о непобедимости немецко-фашистской армии.

Среди заправил Германии и их иноплеменных марионеток возникло смятение. Петэн и Геринг совещались 1 декабря 1941 г. в Сен-Флорантэн де Вержиньи, Дарлан встретился с гросс-адмиралом Редером, а затем с итальянским министром иностранных дел Чиано. Предметом всех этих переговоров были вопросы дальнейшего «сотрудничества» и в первую очередь использования североафриканских владений Франции в качестве плацдарма операций против Ближнего Востока и для обеспечения коммуникаций в Атлантическом океане.

Чтобы помешать росту тенденций к национальному антифашистскому единству, рассорить между собой отдельные группы сопротивленцев, воскресить старые раздоры между различными политическими направлениями, вишийские правители и их берлинские хозяева инсценировали крупный судебный процесс. На скамью подсудимых в Риоме были посажены бывшие премьеры — социалист Блюм, радикал Даладье, правый Рейно, бывший главнокомандующий Гамелен, бывший инспектор армии Жакоме и бывшие министры авиации Гиля Шамбр и Пьер Кот (последний судился заочно). Обвинение указанных лиц имело целью, по замыслам организаторов процесса, усилить внутреннюю партийную борьбу в среде сторонников Движения сопротивления и представить Францию, в особенности Народный фронт, как поджигателей мировой войны. Свыше 100 тыс. страниц материалов предварительного следствия и около 800 свидетелей, вызванных на этот процесс-монстр, должны были содействовать обвинению. Но процесс, начавшийся 19 февраля 1942 г., вскоре обернулся против его устроителей. По распоряжению Гитлера Риомский суд 14 апреля того же года был прерван и отсрочен на неопределённое время. Тогда же по приказу «фюрера» была проведена «реорганизация» «правительства» Виши: Петэн остался «главой государства», но

пост «главы правительства» передал Лавалю, а за Дарланом сохранялось руководство армией, флотом и авиацией.

Возвращение Лавалья к власти, объявленное по радио Виши 15 апреля 1942 г., несомненно, имело важное политическое значение — оно было вызвано неисчислимыми трудностями и неудачами гитлеровцев в их войне против Советского Союза и означало переход с их стороны к политике ещё большего нажима на Францию. Лаваль, составив «кабинет» с участием в нём Фернана де Бринона, Абеля Боннара, ренегата Белена и других, заявил: «Всякому должно быть ясно значение моего возвращения в правительство». Чтобы не допускать недоумений, он добавил: «Я желаю победы Германии». Столь откровенного признания не делал ещё ни один вишийский министр.

4 сентября 1942 г. по требованию Заукеля, главного поставщика рабов нацистской Германии, псевдо-правительство Виши издало закон, согласно которому рабочие закреплялись на предприятиях и предусматривалась возможность принудительного набора всех французов, способных быть использованными в интересах Германии. Затем Лаваль издал приказ о мобилизации молодых возрастов, установил трудовую повинность и принял ряд других мер в целях обеспечения Германии рабочей силой. Заукель мог удовлетворённо докладывать своему «фюреру»: «Мы теперь законно можем набирать рабочую силу во Франции с помощью французского правительства». Несмотря на отчаянное сопротивление населения, на массовые уклонения от мобилизаций, на решительное противодействие отправке в Германию, немцам с помощью Лавалья удалось угнать на каторжный труд в Германию не менее 715 тыс. французов и француженок. По данным, оглашённым французским обвинением на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, непосредственным обслуживанием Германии, её армии, её военного хозяйства было занято 2 601 649 французов. При этом французские представители обвинения оговорили, что оглашённые ими цифры являются неполными и заниженными.

Лаваль, загоня одних на немецкую каторгу, других посылал в тюрьмы и концентрационные лагеря. Не ме-

нее 400 тыс. человек томились в тюрьмах, более 200 тыс. — в концентрационных лагерях. Поставленное фактически ©не закона, еврейское население высла-лось якобы для жительства в Восточную Европу, а в действительности направлялось в Освенцим, Майданек и другие «лагери уничтожения».

Разнузданный террор должен был держать в постоянном страхе население. Банды головорезов, собранные в созданную Лавалем «службу по охране порядка», переименованную затем в милицию, головорезы из «антибольшевицкого легиона», хулиганы из «французской народной партии» Дорио, «народно-национального единения» Деа, «франсистского движения» петэновцев бесчинствовали под общим руководством бывшего бай-онского уголовника Дарнана.

Удар, который немецко-вишійская политика Лавалья нанесла некоторым группам французской буржуазии, крестьянству, рабочему классу, молодёжи, торговцам, ремесленникам, интеллигенции, не мог не привести к дальнейшему резкому сужению социальной базы режима Петэна. Режим измены и предательства оказывался всё более и более изолированным, с изменников слетали маски, и они открыто предстали в виде жалкой кучки лакеев отечественной финансовой олигархии и чужеземного империализма.

Псевдо-правительство Виши зашаталось под натиском Движения сопротивления. Вскоре ему нанесли чувствительный удар войска Объединённых наций.

Героическая борьба Красной Армии против германских войск приковывала к себе все основные силы немцев, ослабляя их силы на других фронтах. Таким образом создавались благоприятные условия для подготовки армий Англии, США и других стран к активным действиям. В ноябре 1942 г. совершился великий перелом в войне, и Красная Армия перешла в наступление, не прекращавшееся до полного разгрома и безоговорочной капитуляции Германии. События на советско-германском фронте стимулировали и облегчали возможность действий союзных войск против Германии с запада. Во изменение первоначальных планов, намечавших проведение операций в Северной Африке на май 1943 г., англо-американские войска произвели высадку в Северной

Африке вблизи Касабланки, Орана, Алжира и других пунктов 8 ноября 1942 г. Операция прошла весьма удачно. Адмирал Дарлан, случайно оказавшийся в Алжире, дал приказ противодействовать союзническим войскам. Но смятение среди вишейской администрации оказалось столь значительным, а войска зачастую столь явно выражали нежелание сражаться с англичанами и американцами, что ряд важных центров перешёл в руки союзников почти без сопротивления. Тогда командующий войсками Виши в Северной Африке генерал Жюэн и сам адмирал Дарлан сдались в плен американцам.

Неокупированная зона Франции, прилегавшая к Средиземному морю и охранявшаяся мало надёжной для Гитлера и Петэна сотысячной вишейской армией, оказалась под угрозой вторжения союзников. Казалось, что оно неминуемо последует вслед за укреплением североафриканского плацдарма. Вся Франция пришла в возбуждение, ожидая союзнические войска.

Приветствуя высадку англо-американских войск в Северной Африке, товарищ Сталин отмечал, что она подрывает авторитет гитлеровской Германии и наряду с другими обстоятельствами «выводит Францию из состояния оцепенения, мобилизует антигитлеровские силы Франции и даёт базу для организации антигитлеровской французской армии»¹.

События в Северной Африке вызвали среди вишейцев переполох. «Правительство» Виши порвало дипломатические отношения с США. Лаваль поспешно направился в Мюнхен и там договорился об оккупации немцами неокупированной зоны. Возможности этой оккупации обсуждались ещё во время свидания Гитлера и Петэна в Монтуаре. 11 ноября 1942 г. немецкие войска пересекли демаркационную линию и устремились к южному побережью Франции, а итальянские войска одновременно приступили к оккупации Ниццы, Савойи и острова Корсика. В официальных сообщениях, содержащих всевозможные нападки на союзников и обвинявших их в стремлении к захвату французских колоний и гос-

¹ Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, стр. 83.

подству над всем миром, вишийскими органами указывалось, что германская оккупация не коснётся лишь одного района — города и порта Тулона и прилегающих фортов. В письме к Гитлеру Петэн заверял его, что и после нарушения Компьенского перемирия его правительство «будет продолжать политику сотрудничества с Германией, чтобы вернуть Франции её роль в новой Европе». Французскому народу банда предателей пыталась внушить, что оккупация неоккупированной зоны имеет даже положительное значение, так как возвращает Франции её «единство».

Однако французский народ отлично знал, что кроется за захватом немцами всей Франции. Протестами, патриотическими демонстрациями встречали города и сёла неоккупированной зоны появление немецких войск. Во многих местах дело доходило до уличных столкновений, а в Монпелье местный гарнизон вишийской армии во главе с генералом Делаттр де Тассиньи сделал попытку преградить путь оккупантам.

Немцы и Виши не распространяли на Тулон оккупацию, руководствуясь надеждой задержать в этом крупнейшем военно-морском порту флот и, удалив постепенно, частями, группы моряков, подготовить с помощью реакционных офицеров захват гитлеровцами французских военно-морских кораблей. В течение нескольких недель Тулон оставался единственным неоккупированным городом Франции. Адмирал Абриаль, новый статс-секретарь «правительства» Виши по морским делам, был уполномочен убедить моряков тулонской эскадры сдать немцам свои боевые корабли. Уговоры Абриаля оказались безуспешными. Моряки не желали служить Гитлеру, но предатели и «атлантисты» не давали увести флот. 27 ноября 1942 г. германская авиация минировала выходы из Тулонского порта, и германские войска ворвались в город и порт. Матросы, чтобы помешать национальному врагу овладеть военно-морской базой и боевыми кораблями, взорвали укрепления, военные склады и доки, подорвали и потопили суда. Под торжественные звуки «Марсельезы» под воду опускались боевые суда. Море поглотило 3 линейных корабля, 4 тяжёлых крейсера, авианосец, 3 лёгких крейсера, 25 эсминцев и 2 десятка подводных лодок. Только 4 подводные

лодки пробрались в открытое море и ушли. Средиземноморская эскадра Франции почти полностью перестала существовать, но не досталась немцам.

Гитлеровцы и вишийцы, чувствуя, как накаляется почва под ногами, решили обескровить французский народ, лишив его тех, кто мог бы сыграть активную роль в случае национального восстания или высадки союзников. Уже в первые дни оккупации южной Франции они арестовали свыше 50 тыс. человек. С особым остервенением они развернули политику злодейского истребления антифашистской интеллигенции.

За верность Франции и противодействие германизации в Эльзасе была уничтожена значительная группа профессоров и студентов Страсбургского университета. Их судьбу разделили драматург Жорж Дюдак, выдающийся радиолог Фернан Хольвег, этнологи Анатолий Левицкий и Борис Вильде, физик и философ Жак Саломон, экономист Жорж Полигцер и тысячи других деятелей науки, культуры, искусства. Великий писатель Ромэн Роллан был поставлен в условия, ускорившие его смерть. Только помощь партизан спасла от расправы всемирно известных учёных Ланжевена и супругов Жолио-Кюри, активных участников Движения сопротивления.

Попрежнему крупнейшей и единственной общегосударственной организацией сопротивления оставался Национальный фронт. В составе Национального фронта наряду с рабочими, интеллигенцией, крестьянами принимали участие наиболее передовые деятели буржуазных партий, отдельные священнослужители, представители католической партии христианских демократов. Цвет французской науки и культуры — Жолио-Кюри, Ланжевен, А. Валлон, академик медицины Дебр были членами Центрального комитета Национального фронта.

Действующей частью Национального фронта, его армией были отряды вольных стрелков и партизан. Эти отряды, состоявшие преимущественно из молодёжи, вели неустанную вооружённую борьбу с врагами и предателями. В Париже и в провинции, на железных дорогах и водных путях, у узлов дорог и в глухих местах они беспощадно истребляли захватчиков, вооружались их же оружием, создавали невыносимые условия для нем-

цев и их французских союзников. Они действовали не изолированно друг от друга, а по общему оперативному плану, разрабатывавшемуся генеральным штабом вольных стрелков и партизан.

Военным руководителем вольных стрелков и партизан был Шарль Тийон. Рабочий-монтажник по профессии, он прошёл тяжёлую и славную школу борьбы за интересы народа. Весной 1919 г. он вместе с группой товарищей из черноморской эскадры французского флота под общим руководством Андре Марти поднял восстание против интервенционистской политики империалистов, стремившихся уничтожить и раздробить молодое Советское государство. Активный деятель рабочего класса, Тийон в дальнейшем становится секретарём профсоюзного объединения, избирается депутатом парламента и членом Центрального комитета КПФ.

Помимо Национального фронта в отдельных частях Франции, часто в пределах нескольких департаментов, действовали другие, более или менее крупные организации сопротивления. Среди них выделялись организации: на юге — «Комба» («Борьба»), «Франтирёр» («Вольный стрелок»), «Либерасьон» («Освобождение»); на севере — «Резистанс» («Сопротивление»), «Франс-о-Комба» («Франция в борьбе»), «Дефанс де ла Франс» («Защита Франции»), «Лотарингия».

Руководящую роль в этих организациях играли буржуазно-демократические деятели, представители буржуазной интеллигенции, некоторые клерикальные круги, а также и социалисты. Все эти организации вели антифашистскую пропагандистскую работу и создавали вооружённые группы, но, как правило, в отличие от вольных стрелков и партизан, они воздерживались от участия в повседневной борьбе и в соответствии со взглядами де Голля предпочитали ждать разгрома Германии на других фронтах и более или менее автоматического краха оккупации во Франции для последующего восстановления довоенного режима. Стремление выжидать развития событий, оставаясь в стороне от борьбы, — получившее наименование атлантизма, выжидательства, — отражая предубеждение и недоверие многих буржуазных и социалистических участников Движения сопротивления по отношению к вооружённому

народу, пыталось обойтись как-нибудь без участия широких масс в борьбе, освободить Францию у них за спиной. Аттантизм в конечном счёте находился в прямом противоречии с самой идеей Движения сопротивления. Поэтому борьба против аттантизма являлась насущно необходимой для общего дела борьбы за свободу и независимость страны.

В Движении сопротивления особое положение занимала Военно-гражданская организация («Организасьон сивиль э милитер» — ОСМ). Члены этой организации действовали по поручению органов английской разведки. С этой разведкой была теснейшим образом связана разведка де Голля. Её агенты во Франции влияли на деятельность организаций сопротивления и в ряде случаев, отмеченных в частности известным реакционным журналистом Кериллисом, занимались провокационной работой, выдавая немцам и вишийцам патриотов, не разделявших взглядов и тактики де Голля.

Огромной пропагандистской и организаторской силой Движения сопротивления была его печать. В разгромленной, оккупированной Франции буквально не было городка, в котором свободное слово нелегальной печати не разило бы предателей и поработителей, не распространяло бы правду о войне и измене, не сеяло бы семена надежды на избавление. Маленькие листки тетрадного размера, газеты обычного формата и большого тиража (такой газетой была «Юманите», печатавшаяся в подполье), журналы, сборники статей, художественные произведения в прозе и стихах — такова была печать борющейся Франции. В славной «Юманите» Марсель Кашен, цитируя Виктора Гюго, призывал: «Вперёд франтирёры, вас не остановят ущелья и горные потоки. Вас прикроет ночь. Вы будете красться, ползти, скрываться и стрелять, метко стрелять. Смерть захватчикам!» Газета «Комба» говорила французам: «Вот имена побед: Сталинград, Великие Луки, Курск, Майкоп, Ростов. Французы, близок час расплаты!»

Преследуемые всеобщей ненавистью, повсеместно сталкивающиеся с патриотическим саботажем, со знаками и надписями, зовущими на борьбу, подстерегаемые вольными стрелками и партизанами, оккупанты и вишийцы стремились терроризировать и запугать французов.

От уничтожения одиночек и групп они переходили к истреблению населения целых поселений и городов: в деревне Аск, близ Лилля, карательный отряд немцев истребил почти всё мужское население; рабочий посёлок Сен-Клод в департаменте Юры был полностью выжжен; из 1 200 жителей деревни Орадур-сюр-Жиен в департаменте Верхней Вьенны было расстреляно более 1 100 человек... В феврале 1943 г. оккупанты артиллерийским огнём разрушили район Старого порта в Марселе и направили в концентрационные лагеря и на принудительные работы около 50 тыс. спасшихся от обстрела марсельцев.

Но волна народной ненависти поднималась всё выше и захлёстывала волну террора.

Необходимым становилось координирование усилий отдельных организаций и группировок Движения сопротивления внутри страны как между собой, так и с деятельностью развивавшейся вне пределов Франции, направленной к её освобождению.

25 ноября 1942 г., т. е. ещё до событий в Тулоне, произошла встреча представителей Центрального комитета КПФ и генерала де Голля. Переговоры, как и предшествовавшие им переговоры де Голля с представителями организаций «Комба», «Либерасьон» и др., закончились соглашением относительно программы совместных действий, и по требованиям коммунистов было условлено, что вооружённое восстание «для освобождения Франции будет подготовлено в тесном сотрудничестве с Французской коммунистической партией и силами сражающейся Франции на основе соглашений, которые будут заключены между генералом де Голлем и представителем Французской компартии...» Таким образом, под влиянием коммунистов де Голль согласился с тем, что освобождение Франции должно явиться результатом не одних лишь действий союзников, но и национально-освободительной борьбы французского народа.

Ко времени выработки указанного соглашения в положении движения, руководимого де Голлем, произошли некоторые существенные изменения.

В движение Свободной Франции оказались втянутыми обширные и разбросанные по всему земному шару принадлежащие Франции территории, общей площадью

до 4 млн. кв. км и с населением не менее чем 13,5 млн. человек. Власть Свободной Франции продолжала непрерывно расширяться: в результате военных экспедиций деголлевских сил были заняты ряд новых территорий в Африке, острова Сен-Пьер и Микелон и др., а также освобождены от немецко-вишыйского господства и провозглашены независимыми Сирия и Ливан. Задача руководства разносторонней и многообразной деятельностью Свободной Франции, не осуществлявшаяся Советом обороны Французской империи хотя бы потому, что его члены были рассеяны по всем французским владениям, не могла найти своего разрешения без создания какого-либо постоянного органа и разделения управления между определёнными ведомствами.

Ещё 29 января 1941 г. генерал де Голль образовал военную комиссию по руководству организацией и действиями вооружённых сил Свободной Франции. Но этого оказалось недостаточно, и ордонансом от 24 сентября 1941 г. де Голлем был создан Национальный Комитет Свободной Франции. В пункте втором этого ордонанса объявлялось, что «генерал де Голль, глава Свободной Франции, является председателем Национального Комитета»; все акты Комитета нуждались в его утверждении, иностранные представители, каковые могли быть направленными к Свободной Франции, считались аккредитованными при его особе. Следовательно, не умаляя положения де Голля в движении Свободной Франции, создание Национального Комитета должно было внести известный элемент разделения власти и специализации управления по отдельным отраслям. В состав Национального Комитета вошли председатель и семь членов: де Голль — председатель; Плевен — национальный комиссар экономики, финансов и колоний; Дежан — национальный комиссар по внешним делам; генерал Жантийом — национальный комиссар по военным делам; вице-адмирал Мюзелье — национальный комиссар военного и торгового флота; профессор Кассэн — национальный комиссар юстиции и общественного воспитания; капитан Валлэн — национальный комиссар авиации; Дьетельм — национальный комиссар внутренних дел, труда и информации; Тьери д'Аржанлье — национальный комиссар без портфеля.

Вскоре в составе Французского Национального Комитета произошли некоторые изменения: место Дежана занял Рене Массигли, старый дипломат, одно время бывший послом «правительства» Виши в Анкаре; вице-адмирал Мюзелье был заменён контр-адмиралом Обуано; представитель деловых кругов Дьетельм стал комиссаром финансов, хозяйства и торгового флота; национальным комиссаром внутренних дел и труда стал Андре Филипп, социалист, депутат, преподаватель Лионского университета, автор ряда работ о положении рабочего класса в Англии и США, председатель французской секции христианских социалистов, участник организации Движения сопротивления «Либерасьон», в июле 1942 г. покинувший Францию по приглашению де Голля; комиссаром по делам информации и пропаганды стал доктор философии Жак Сустель, преподаватель Парижского университета.

Создание Французского Национального Комитета и особенно введение в его состав некоторых лиц, в какой-то степени связанных с Движением сопротивления внутри страны, придавало движению Свободной Франции более представительный, более правомерный характер. В соответствии с этим, проводя политику объединения усилий всех антигитлеровских сил, Советское правительство заявило о готовности установить связь с движением, возглавленным де Голлем. Уведомление об этом решении содержалось в письме советского посла в Англии И. М. Майского к де Голлю от 27 сентября 1941 г. В письме говорилось: «От имени моего правительства я имею честь уведомить Вас о том, что оно признаёт Вас как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились, которые сплотились вокруг Вас, поддерживая дело союзников... Моё правительство готово оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и её союзниками. Одновременно я пользуюсь этой возможностью, чтобы подчеркнуть твёрдую решимость Советского правительства после достижения нашей совместной победы над общим врагом обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции».

Решение Советского правительства имело огромное

значение для дела борьбы за восстановление независимости и величия Франции и существенно укрепляло международное положение Свободной Франции. Это решение нашло своё развитие в обмене представителями между Советским правительством и Французским Национальным Комитетом и в имевшей место в июне 1942 г. беседе народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с председателем Французского Национального Комитета генералом де Голлем в Лондоне. В коммюнике об этой беседе сообщалось, что «В. М. Молотов подтвердил желание Советского Правительства видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и в мире своё место великой демократической антигитлеровской державы. В. М. Молотов подчеркнул роль Французского Национального Комитета в растущем сопротивлении французского народа и в утверждении прав французского народа на победу путём его участия в общей борьбе»¹.

Заявление народного комиссара иностранных дел СССР имело исключительно серьёзное значение для дела возрождения Франции и в то же время служило серьёзным предостережением всем тем, кто готов был считать, что роль Франции как великой державы закончена, и тем, кто собирался приступить к предъявлению претензий на французское наследство. Советское правительство занимало твёрдую позицию, благоприятствующую возвращению Франции в число великих демократических держав.

Когда по соглашению между великобританским правительством и Французским Национальным Комитетом движение свободных французов «Свободная Франция» 13 июня 1942 г. было переименовано в «Сражающуюся Францию», было опубликовано 28 сентября 1942 г. коммюнике об отношении правительства СССР к движению Сражающейся Франции и Французскому Национальному Комитету: «Франс комбаттант» («Сражающаяся Франция») является совокупностью французских граждан и территорий, которые не признают капитуляции и которые всеми имеющимися в их распоряжении средствами способствуют, где бы они ни находились,

¹ «Правда», 24 июня 1942 г.

освобождению Франции через совместную победу союзников над гитлеровской Германией и над всеми её сообщниками в Европе...» «Французский Национальный Комитет является руководящим органом Сражающейся Франции и единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий и представлять их интересы при Правительстве Союза Советских Социалистических Республик, особенно в той мере, в какой эти интересы затрагиваются ведением войны».

Для Французского Национального Комитета совершенная определённости в отношении СССР к Сражающейся Франции и к будущему Франции была тем более важна, что у Комитета далеко не благополучно обстояло дело в отношениях с другой великой державой — США.

Правительство США, продолжая сохранять дипломатические отношения с «правительством» Виши вплоть до высадки союзнических войск в Северной Африке, решительно уклонялось от установления отношений с Французским Национальным Комитетом. Когда это диктовалось необходимостью, американские органы вступали в переговоры и в соглашения с фактическими властями отдельных частей Французской империи, игнорируя руководящие инстанции Свободной Франции. Это давало основание де Голлю часто выражать жалобы на американскую политику и подчёркивать, что Франция «едина и неделима» и представлена в своём единстве Французским Национальным Комитетом. Лишь в процессе подготовки африканской экспедиции правительство США разрешило руководителям вооружённых сил США в Европе консультироваться с Французским Национальным Комитетом по всем вопросам, касающимся ведения войны. Но Французский Национальный Комитет продолжал оставаться в полном неведении относительно планов военных действий Англии и США.

Высадка союзнических войск в Северной Африке и занятие ими значительной части французских владений сопровождалась серьёзными затруднениями для Сражающейся Франции. Адмирал Дарлан, статс-секретарь обороны «правительства» Виши, после неудачных попыток организовать противодействие союзникам сдался в плен, вошёл в сношения с представителями

американских войск и по соглашению с ними приказал войскам Виши в Африке прекратить военные действия. Конечно, если это распоряжение Дарлана и облегчало выполнение военных задач союзников, — а у вишийцев в Алжире и Марокко было мало сторонников, так что их сотрудничеством вполне можно было пренебречь, — то оно нисколько не меняло того положения, что Дарлан был и продолжал оставаться врагом родины, мира, демократии, человеком, много содействовавшим Гитлеру, одним из гнуснейших изменников Франции. Казалось бы, что немедленное привлечение Дарлана к ответственности за преступную деятельность и уж во всяком случае полное отстранение его от всяких официальных функций являлось мерой сколь естественной, столь и необходимой.

Между тем по прошествии нескольких дней со времени высадки англо-американского десанта адмирал Дарлан развернул деятельность в качестве «верховного комиссара Северной Африки». Самым странным во всём этом было даже не то, что Дарлан «законодательствовал» именем Петэна, а то, что командование экспедиционных войск относилось к этой мистификации совершенно серьёзно и как бы авторизировало все действия матёрого коллаборациониста. Провозгласив себя главою Французской Северной Африки, Дарлан образовал «Совет империи», в состав которого вошли губернаторы тех африканских владений Франции, которые до того оставались на стороне Виши и вели борьбу против Свободной Франции и союзников. Даже в экспедиционных войсках союзников утверждали, что поддерживать Дарлана — это то же самое, что после победы над Германией и Италией опереться в этих странах на Геринга и Фариначчи.

Впечатление от того, что появление союзнических войск в Северной Африке, а затем и в других французских владениях, остававшихся верными Виши, не привело ни к каким изменениям в режиме и характере местной администрации, укреплялось как от факта сохранения в заключении всех томившихся в тюрьмах и концентрационных лагерях французских демократов, так и от непрерывного притока к Дарлану видных французских реакционеров. В Алжир съезжались отъявленные винов-

ники капитуляции, душители французского народа, друзья и подручные Гитлера. Поощряемые милостивым отношением к Дарлану со стороны союзнического командования, в Северную Африку пробрались бывший вишийский министр иностранных дел Фланден, бывший вишийский министр внутренних дел палач Пюше, первый председатель муниципальной делегации Парижа во время немецкой оккупации, фашист и убийца Трошю, спекулянт, фашист, человек с тёмным прошлым — бывший вишийский министр внутренних дел Пейрутон. Многие из них получили от Дарлана различные назначения на официальные должности. А Фланден после свидания с сыном Черчилля Рандольфом поместил в «Таймс» письмо, в котором доказывал, что не все вишийцы так уж плохи с точки зрения союзнических интересов.

Переориентировка части руководящих «коллорационистов», их перебежка из гитлеровского лагеря на сторону Объединённых наций отражала величайший перелом, который обозначился в советско-германской войне и предопределил полный разгром Германии и её союзников. С переходом Дарлана и других на сторону союзников французская реакция, ранее в основном связывавшая свои интересы с Гитлером, затевала более сложную игру и путём разделения своих сил стремилась застраховать себя от неприятностей и ответственности союзом с американцами и англичанами и с их помощью удержать за собой господство во Франции.

Образование дарлановской администрации приводило к созданию нового центра вневишийской Франции, существовавшего параллельно с Французским Национальным Комитетом. Де Голль в ряде заявлений отказывался признать правомерность всяких комбинаций, совершавшихся вокруг Дарлана и др., но не мог воспрепятствовать тому, чтобы власть бывших вишийцев сохранилась над самыми богатыми и наиболее населёнными французскими владениями в Африке. Английское правительство, продолжая поддерживать Французский Национальный Комитет и даже передав в декабре 1942 г. в его ведение незадолго до того освобождённый остров Мадагаскар, а затем и Французское Сомали, не препятствовало в то же время деятельности дарланистов и находилось с ними в фактических отношениях.

Из великих держав лишь Советский Союз был совершенно непричастен к комбинациям, осуществлявшимся союзниками в Северной Африке, и продолжал оставаться на своих прежних позициях в отношении Сражающейся Франции. Признательность со стороны Французского Национального Комитета советскому правительству нашла своё выражение в факте прибытия в СССР в ноябре 1942 г. группы французских добровольцев-лётчиков эскадрильи «Нормандия» для участия на советско-германском фронте в войне против немцев.

Создание двух заморских французских центров — в Лондоне, опирающегося на антикапитулянтские круги, и в Алжире, представляющего одну из капитулянтских пронемецких фракций, весьма осложняло французский вопрос и ставило под угрозу насущные интересы Франции. В североафриканских владениях создававшаяся комбинация вызывала горячее осуждение демократических округов населения. 24 декабря 1942 г. молодой патриот Бурнье де Ла Шапелль убил Дарлана. Через день он был расстрелян, а через четыре года посмертно оправдан. Убийство Дарлана не вызвало серьёзных изменений в создавшейся обстановке: «Совет империи» из вишийцев назначил преемником адмирала генерала Жиро. Это назначение было санкционировано союзническим командованием.

Генерал Жиро, большая часть служебной карьеры которого проходила во французских колониальных войсках, был типичным представителем французского офицерства. В мае 1940 г. он попал к немцам в плен, ещё не успев вступить в назначенную ему должность командующего одной из армий, а в 1942 г. удачно бежал из плена на территорию «неоккупированной» Франции. Не примкнув полностью к Петэну, он в то же время был явно враждебен движению Сражающейся Франции. Когда некоторые французские фашистские организации («Тайный комитет революционного действия» кагуляров и др.) стали учитывать возможность поражения немцев, они решили выдвинуть Жиро в будущие правители Франции. В свою очередь с американской стороны, в частности со стороны крупнейшего американского агента, каким в вишийские времена был представитель США в Алжире католик Мэрфи, издавна знакомый с Жиро,

также было решено использовать Жиро и противопоставить его де Голлю. По поручению Мэрфи в деятельные переговоры с Жиро вступил основатель реакционной «Лиги налогоплательщиков» Лемэгр-Дюбрейл, который ловко вёл двойную игру и считался у немцев за своего человека. Перед высадкой союзников в Северной Африке Жиро, согласившийся стать во главе подготовлявшейся американцами французской военной и гражданской администрации, был вывезен в Гибралтар, а оттуда доставлен в Алжир. Но ввиду неожиданного перехода к союзникам Дарлана Жиро в течение некоторого времени оставался на втором плане.

Через несколько дней после облечения его властью со стороны дарланистского Совета Жиро, по сообщению штаба союзников в Северной Африке, был назначен главнокомандующим французскими войсками в Северной Африке и приступил к организации крупных вооружённых сил. Создание большой армии, находящейся в руках у вишийцев «союзнической» ориентации, и возможное появление её во Франции неизбежно должно было развязать гражданскую войну в стране. Политика союзнического командования по отношению к французским делам вела к очень серьёзным последствиям и находилась в прямом противоречии с основными целями Объединённых наций, направленными к возвращению народам попранной свободы.

Вопросы, касающиеся Франции, обсуждались при встрече президента Рузвельта с премьером Черчиллем в предместье Касабланки Анфа в январе 1943 г. Тогда же по требованию Черчилля де Голль явился на свидание с Жиро. Но это свидание дало очень незначительные результаты. В заявлении о переговорах с главой Сражающейся Франции Жиро указал, что не предвидится установления единого французского движения. Как глава администрации значительных территорий Жиро не проявлял никаких признаков отхода от вишийских порядков: все вишийские законы, в том числе и расовые, сохранили свою силу, все тюрьмы сохранили заключённых в них патриотов, в том числе депутатов-коммунистов, а также испанских республиканцев; все чиновники, фактически назначенные ещё германской и итальянской «комиссиями по перемирию», остались на

своих постах, а Пейрутон даже стал генерал-губернатором Алжира.

Со времени высадки союзников в Северной Африке положение Франции явно ухудшилось: перестала существовать «неоккупированная» зона, увеличилось раздробление французских владений — в Индо-Китае с 1940 г. господствовали японцы, часть французской колониальной империи входила в Сражающуюся Францию, часть (Алжир, Марокко, Французская Западная Африка, Французская Гвиана и др.) оказалась в ведении Дарлана — Жиро, а французская Вест-Индия продолжала подчиняться Петэну. Могло казаться, что действительно наступил период распада французской колониальной империи и превращения Франции во второстепенную, несамостоятельную державу.

Африканские события, с одной стороны, являлись дополнительным побудительным толчком к освободительной борьбе внутри Франции, а с другой — они порождали серьёзное беспокойство по поводу того, что ликвидация власти нацистов и вишийцев, изгнание тех, кто предал Францию Гитлеру, может завершиться их возвращением вместе с врагами Гитлера. Патриотизм, антивишизм французского народа находили своё естественное выражение в росте симпатий к Сражающейся Франции, которая тогда противопоставляла себя петэновцам на службе у союзников.

17 января 1943 г. Национальный Комитет Сражающейся Франции сделал официальное сообщение о том, что в Лондон прибыл депутат французского парламента, член коммунистической партии Фернан Гренье, который передал де Голлю и Французскому Национальному Комитету формальное заявление коммунистической партии о присоединении к движению Сражающейся Франции. Решение коммунистической партии имело выдающееся значение. Оно усиливало контакт между основными силами Движения сопротивления и Сражающейся Францией, оно подкрепляло положение последней содействием самых активных групп патриотического подполья, позволяло Французскому Национальному Комитету противопоставлять грязным интригам алжирских провишийцев своё сотрудничество с крупнейшей политической партией страны и связанными с нею организациями.

Теперь за Французским Национальным Комитетом стояли огромные силы передовой части французского народа, а не только 50—60-тысячная армия Сражающейся Франции.

Вслед за коммунистической партией воссозданная в подполье Всеобщая конфедерация труда, а также Всеобщая конфедерация трудящихся христиан, считающая себя «рабочей формой католического действия», заявили о присоединении к Сражающейся Франции.

Наконец, важным событием в борьбе Франции за свободу явилось создание 27 мая 1943 г. объединённого центра Движения сопротивления — Национального совета сопротивления. В состав Национального совета сопротивления вошли представители основных организаций сопротивления: Национального фронта, Вольных стрелков и партизан, «Комба», «Либерасьон», Всеобщей конфедерации труда, Всеобщей конфедерации трудящихся христиан, а также представители ряда политических партий: коммунистической, социалистической, христианских демократов (народно-демократической), радикально-социалистической, «Демократического альянса» и «Республиканской федерации». Последние три партии не располагали кадрами и внесли в Национальный совет сопротивления рецидивы своей антинародной политики.

Национальный совет сопротивления сразу высказался за поддержку Французского Национального Комитета в его борьбе с провишийской администрацией Алжира и за создание единой организации, объединяющей заморские владения Франции и усилия французов, борющихся извне за освобождение родины.

Поддерживаемый КПФ, ВКТ и в целом всем Движением сопротивления в лице его Национального совета, Французский Национальный Комитет потребовал от Жиро осуществления единства со Сражающейся Францией.

Крайняя непопулярность движения, вызванного к жизни происками иностранных агентов, заставила Жиро сделать вид, будто он согласен на требования Французского Национального Комитета. Он принял кое-какие меры, чтобы успокоить не только французскую, но и мировую общественность. В частности Жиро был вынужден выпустить из заключения депутатов-коммунистов,

арестованных ещё Даладье, и удалить с постов кое-кого из наиболее ненавистных народу чиновников. Попытки форсировать осуществление единства, между тем, срывались якобы из-за малосущественных обстоятельств. Жиро отказывался посетить Лондон, а американские военные власти возражали против приезда де Голля в Алжир. Эмиссары Французского Национального Комитета, в первую очередь генерал Катру, усиленно подготавливали соглашение. Наконец, сближение оказалось целесообразным с точки зрения провишийских кругов Алжира: непрекращающееся наступление Красной Армии оттягивало на себя всё большие и большие силы немцев, африканская кампания подходила к концу; в порядке дня становилось перенесение союзниками операций в Европу, а вступление союзнических войск во Францию не сулило африканским провишийцам никаких надежд на возможность установления своего единовластия в борющейся стране. Для Жиро и для его иностранных советников становилось ясным, что только ценой компромисса с Французским Национальным Комитетом провишийские круги Алжира могут рассчитывать на участие в определении судеб Франции. То, что всё Движение сопротивления отказывалось видеть существенную разницу между Петэном, Фланденом, Пейрутоном в Виши и Жиро и теми же Фланденом, Пейрутоном в Алжире, заставляло алжирскую администрацию пойти на уступки. Движение сопротивления вырывало и тут победу у реакции и предоставляло воспользоваться её плодами де Голлю.

12 мая 1943 г. закончилась военная кампания в Северной Африке, а 30 мая де Голль получил возможность прибыть в Алжир в сопровождении Массигли и Андре Филиппа. Почти одновременно в Алжир прибыли Черчилль и Идеи. Они и Мэрфи направляли переговоры де Голля с Жиро. Вскоре было объявлено об увольнении в отставку генерал-губернатора Алжира Пейрутона, бывшего министра внутренних дел «правительства» Виши, и о назначении на эту должность Катру. 3 июня было опубликовано сообщение о состоявшемся соглашении между де Голлем и Жиро и о создании единого Комитета Национального Освобождения. В декларации о Французском Комитете Национального Освобождения

(ФКНО) указывалось, что он «является центральной французской властью» и стремится «восстановить все французские свободы, законы республики и республиканский режим» и «передать всю власть временному правительству самое позднее после полного освобождения Франции». Несомненной уступкой провишийским элементам было то, что в этом документе не было ни слова о виновниках катастрофы, постигшей Францию, о необходимости наказания изменников и чистки армии и администрации от коллаборационистов. Соглашением де Голля с Жиро было предусмотрено создание при временной центральной власти совещательного совета в составе делегатов от организаций сопротивления и сражающихся групп, членов парламента, не причастных к политике капитуляции и коллаборационизма, а также делегатов, избранных от общественных организаций освобождённых территорий.

В состав сформированного 8 июня 1943 г. Французского Комитета Национального Освобождения вошли семь человек, представлявших Сражающуюся Францию (сам де Голль, Рене Массигли, Андре Филипп, Рене Плевен, генерал Катру, Андре Дьетельм, Адриан Пьер Тиксье), и семь человек, представлявших организацию Жиро (сам Жиро; Рене Мейер — председатель Международного общества спальных вагонов, член административных советов многих предприятий, представитель группы Ротшильда, занимавший пост секретаря администрации Жиро по делам путей сообщения; Морис Кув де Мюрвиль — банковский делец, бывший директор в министерстве финансов Виши, а затем генеральный секретарь военного комитета Жиро; генерал Жорж — бывший начальник французского генерального штаба, затем командующий северо-восточной группой армий; Жан Моннэ и Анри Боннэ — бывшие деятели Лиги наций; Жюль Абади — бывший секретарь администрации Жиро по внутренним делам). Председателями Комитета были де Голль и Жиро.

Порождённый компромиссом и иностранным давлением Французский Комитет Национального Освобождения оказался глубоко противоречивым в своём составе. Его деятельность была ограничена ввиду серьёзных внутренних разногласий и враждебной кампании американской

прессе против де Голля и Сражающейся Франции. В июле Жиро предпринял поездку в Вашингтон и на обратном пути посетил Оттаву и Лондон. По возвращении в Алжир он добился для себя назначения главнокомандующим всеми вооружёнными силами ФКНО.

Международное положение ФКНО в течение нескольких месяцев было весьма неопределённым. Советское правительство предполагало тотчас после получения 17 июня обращения ФКНО по вопросу о признании войти в непосредственные сношения с Комитетом и направить в Алжир своего представителя, но осуществление этого оказалось невозможным, так как командование экспедиционных союзнических сил возражало против прибытия в Алжир советского представителя. В день французского национального праздника, 14 июля 1943 г., председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Сталин обратился с телеграммой к председателям Французского Комитета Национального Освобождения, в которой писал, что «Советский Союз приветствует крепнущее единство французского народа, мужественно борющегося против немецко-фашистских оккупантов. Советский народ твёрдо уверен, — продолжал товарищ Сталин, — что недалёк день нашей общей победы над гитлеровской Германией, день освобождения и возрождения свободной, демократической, независимой Франции». В ответной телеграмме за подписью де Голля выражалась глубокая признательность за пожелания французской нации и говорилось, что советский и французский народы «выйдут из этой войны, имея новые основания для взаимопонимания и поддержания традиционной дружбы, которая связывает наши обе великие страны»¹.

Успешное наступление Красной Армии, высадка союзнических войск 10 июля 1943 г. на острове Сицилия, перенесение военных действий на Апеннинский полуостров, отставка Муссолини 25 июля 1943 г., приближающаяся капитуляция Италии требовали быстрее согласования союзнической политики в отношении Франции. 26 августа 1943 г., в один и тот же день, правительства СССР, Великобритании и США сделали заявление о признании ФКНО. В то время как призна-

¹ «Правда», 15 июля 1943 г.

ния со стороны Англии и США содержали ряд оговорок, Советское правительство «решило признать Французский Комитет Национального Освобождения, как представителя государственных интересов Французской Республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании, и обменяться с ним полномочными представителями». Такая формула признания обеспечивала Французскому Комитету Национального Освобождения возможность защиты территориальной целостности французского государства от всяких аннексионистских поползновений, возможность представительства всей полноты государственных интересов и максимального напряжения усилий в борьбе против гитлеровской тирании. Благодаря поддержке со стороны Советского правительства Французский Комитет Национального Освобождения после капитуляции Италии смог ввести своего представителя в Военно-политическую комиссию союзных стран и тем самым укрепить своё международное положение.

Капитуляция Италии послужила сигналом к восстанию на острове Корсика. Приказ о восстании для освобождения от немецко-итальянских оккупантов и низвержения режима Виши дал местный комитет Национального фронта. При общей численности населения Корсики менее чем в 300 тыс. человек на призыв Национального фронта откликнулось более 15 тыс. вооружённых партизан и вольных стрелков. Находившимся на острове двум германским дивизиям был нанесён ряд жестоких ударов; итальянские войска заявили о своём нейтралитете; 9 сентября 1943 г. патриоты, заняв Аяччо, установили там республиканскую патриотическую власть. Когда в середине сентября войска ФКНО прибыли на остров, им осталось только довершить операции против немцев и союзных с ними французских реакционных сил. Корсика оказалась первым освобождённым департаментом метрополии.

События на Корсике укрепили положение ФКНО, а в нём группу де Голля и лиц, связанных с Движением сопротивления. Их положение стало ещё более твёрдым, когда 9 ноября 1943 г. в Алжире начала свои работы Консультативная ассамблея. Имея в своём составе сначала всего 84 члена, представлявших Движение

сопротивления, французские сражавшиеся группы в других странах, а также членов парламента, выделенных соответствующими партиями на основе соотношения сил в бывшем парламенте (7 представителей правых и право-центристских партий, 5 радикалов, 5 социалистов и 3 коммуниста), Консультативная ассамблея была как бы эмбрионом национального представительства. Не наделённая властью, призванная играть лишь совещательную роль, она в то же время была сильна авторитетом стоящих за ней организаций. Председателем Консультативной ассамблеи 9 ноября 1943 г. был избран Феликс Гуэн. Известный адвокат Феликс Гуэн с 1907 г. принадлежал к социалистической партии, а с 1924 г. неизменно выбирался депутатом от департамента Буш-дю-Рон. Во время памятного голосования французских парламентариев 10 июля 1940 г., похоронивших Третью республику и легализовавших вишійско-немецкий режим, Гуэн был среди тех, кто голосовал против передачи власти Петэну. В 1942 г. он был одним из защитников Блюма на Риомском процессе. С июля того же года он представлял французскую социалистическую партию при де Голле и вместе с представителем коммунистической и других фракций парламента входил во французскую парламентарскую группу в Лондоне.

Коммунистическую партию Франции в Консультативной ассамблее вначале представляли Гренье, Мерсье и Пуртале, а парламентарская фракция коммунистической партии была представлена Андре Марти, Флоримоном Бонт и Франсуа Бийу. Делегацию ВКТ в Консультативной ассамблее составляли Бюиссон, Амбруаз Круаза и Альбер Газье.

Резко выраженный последовательный антивишизм большинства членов Консультативной ассамблеи был несоместим с провишизмом многих членов ФКНО. Некоторое соответствие между этими организациями могло быть установлено только путём преобразования ФКНО: 9 ноября 1943 г. он был реорганизован. Де Голь стал его единственным председателем, а Жиро, несколько месяцев затем оставшийся во главе армии, ушёл в отставку. Кув де Мюрвиль, Абади, генерал Жоржи ряд других лиц были выведены из состава ФКНО, а в состав комитета введены: Френе, офицер,

находившийся ранее в контакте с Пюше; профессор Капитан, представлявший организацию сопротивления «Комба»; преподаватель Лионского университета, юрист Франсуа де Мантон, деятель христианско-демократической партии, связанный с организацией сопротивления «Комба»; д'Астье де ла Вижери; члены парламента Анри Кей и Мандес-Франс — от радикал-социалистической партии, ле Трокер — от социалистической партии и Жакино — от право-буржуазной партии «Демократический альянс».

Таким образом, после реорганизации ФКНО в нём оказалась непредставленной лишь одна, к тому же крупнейшая, партия Движения сопротивления — КПФ. Центральный комитет этой партии выразил готовность участвовать в ФКНО и даже разработал наказ своим возможным представителям в органе центральной французской власти. Этот наказ Центрального комитета французской коммунистической партии предусматривал: 1. Использование всех средств, которыми располагают Франция и империя для войны против гитлеровской Германии, вооружение патриотов, ведущих борьбу в метрополии. 2. Немедленное наказание предателей. 3. Демократическая и социальная политика, способная возродить энергию народа для войны. 4. Объединение всех французов и населения империи путём удовлетворения законных требований масс, которые необходимо без различия расового происхождения и религии вовлечь в борьбу против врага. 5. Усиление роли Франции в среде Объединённых наций на основе уважения независимости Франции и в целях восстановления её величия.

Против этого наказа, представлявшего собой чёткую программу борьбы за свободу, независимость и возрождение Франции, де Голль ничего не мог возразить, но потребовал, чтобы ему самому был предоставлен выбор представителей от коммунистической партии в ФКНО. Центральный комитет КПФ отверг это странное, явно рассчитанное на неприемлемость, домогательство, и партия осталась не представленной в ФКНО. В связи с этим укреплялось мнение о том, что де Голль, используя поддержку коммунистов во время борьбы с Дарпаном и Жиро, закрепив за собою власть, спешил отделиться от коммунистов.

Первый период деятельности реорганизованного ФКНО оказался мало удачным. Вступив в конфликт с правительством Ливана, ФКНО допустил в деятельности своих агентов применение империалистических, колонизаторских мер против местных деятелей и выраженной ими воли ливанского населения. Временное урегулирование вопроса не могло ликвидировать того отрицательного впечатления, которое оставляла дегоглевская политика в левантских делах.

Далеко не столь энергично, как того требовали обстоятельства и как позволяли возможности, Комитет занимался подготовкой национальных вооружённых сил к проведению операций во Французской метрополии. Критика недостаточно широкой деятельности Комитета по организации, вооружению и введению в действие мощной французской армии обычно сочеталась с упрёками по адресу Комитета в недооценке подпольных военных организаций, в отсутствии помощи им вооружением и боеприпасами, в отсутствии к ним доверия. Немало сожалений высказывалось по поводу излишней снисходительности Комитета в отношении провишийских элементов, всякого рода коллаборационистов и предателей, гнездившихся в администрации, армии, полиции. Хотя в конце декабря 1943 г. Фланден, Пейрутон и Буассон были подвергнуты аресту, а Пюше в марте 1944 г. судим и казнён, в целом комиссия по чистке, возглавлявшаяся де Мантоном, работала неудовлетворительно. Консультативная ассамблея в специально принятой 6 января 1944 г. резолюции отмечала медлительность в проведении чистки административного аппарата и выразила сожаление по поводу отсрочки наказания предателей, сотрудничавших с немцами.

В то же время весьма оживлённо протекала деятельность ФКНО в отношении разработки порядка управления Францией после её освобождения. Некоторые наблюдатели при этом указывали, что Комитет не столько был занят подготовкой освобождения страны, сколько, будучи убеждённым, что освобождение осуществят союзники, собирался использовать готовые плоды борьбы для установления своей власти во Франции. Из законодательных актов этого рода особое значение имели принятые ФКНО 21 апреля 1944 г. указ об организа-

ции государственной власти во Франции после её освобождения и указ о восстановлении республиканской законности.

Указ об организации государственной власти во Франции после её освобождения предусматривал ликвидацию ряда органов управления, созданных Виши; восстановление на своих постах членов муниципальных и генеральных советов, за исключением коллаборационистов; сотрудничество префектов с департаментскими комитетами освобождения, созданными в подполье организациями сопротивления. Центральным в рассматриваемом указе было решение о созыве после освобождения $\frac{2}{3}$ страны Национальной представительной ассамблеи в составе 300 депутатов, избранных на основе всеобщего и тайного голосования, при предоставлении избирательного права и женщинам; в задачу ассамблеи должно было войти избрание главы правительства, утверждение правительственной программы и подготовка порядка выборов в Учредительное собрание. Как видно, этот указ предполагал созыв Учредительного собрания и исключал всякую нужду в референдуме, незаконно навязанном стране деголлевцами в октябре 1945 г. Этим же указом устанавливался ряд категорий лиц, лишённых избирательных прав. К числу таких лиц в первую очередь были отнесены члены парламента, голосовавшие за передачу власти Пэтену в июле 1940 г.

В указе о восстановлении республиканской законности центральное место занимала статья, предусматривавшая как раз сохранение антиреспубликанской законности. Так, в указе говорилось, что в целях избежания «социальных беспорядков», могущих возникнуть в случае «немедленной отмены вишийского законодательства», законы Виши, не отменённые формально, временно, вплоть до отмены, остаются в силе. Нечего и говорить, что этот указ довольно выразительно обнаруживал народобоязнь, возвращавшуюся к буржуазным политическим деятелям по мере приближения освобождения Франции.

4 апреля 1944 г. под давлением общественности была проведена ещё одна реорганизация ФКНО: в его состав вошли два представителя французской коммунистической

партии, Бийу и Гренье, а также радикал Жакоби, которые заняли посты национальных комиссаров. Вступление представителей коммунистической партии в состав ФКНО, хотя и в количестве, совершенно не соответствовавшем удельному весу этой партии в борьбе за свободу, независимость и возрождение родины, укрепляло доверие к Комитету и придавало ему авторитет в глазах участников Движения сопротивления, борцов за освобождение Франции.

5. ПЕРЕД ОСВОБОЖДЕНИЕМ

Вооружённые рейды со стороны Англии через Ла-Манш на Сен-Назэр, Булонь и Дьеп, предпринимавшиеся в разное время, укрепляли во Франции надежду на то, что помощь союзнических армий не заставит себя ждать и позволит спасти тысячи и десятки тысяч жизней от гибели и угона в Германию, сохранить больше материальных ценностей и быстрее приступить к возрождению страны. Известие о каждой новой победе Красной Армии и приближении её к германской границе воспринималось с верой в то, что теперь уж наверно англо-американское командование решится на штурм ослабленной, стоящей под угрозой каждую минуту подвергнуться натиску народных антинацистских восстаний европейской «крепости» Гитлера. Но месяцы проходили за месяцами, германские дивизии одна за другой покидали Западную Европу и перебрасывались на советско-германский фронт, а союзники всё ещё оставались лишь на подступах ко второму фронту.

Горечь напрасных ожиданий угнетённых народов сменилась новой полосой надежд, когда весь мир узнал, что на конференции в Тегеране руководители трёх великих союзных держав «пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга».

В изменнических кругах Виши тогда началось настоящее смятение. Новые группы предателей, чтобы избежать кары за свою преступную деятельность, стали покидать официальные посты в вишийских учреждениях и искали случая оказать мелкое содействие кому-либо из участников Движения сопротивления, всячески мусси-

ровать слухи о своей «двойной игре». Старые прожжённые мастера политической кухни вроде де Монзи, Фроссара, Жоржа Боннэ усиленно завозились вокруг Петэна, соблазняя его планомерным, ими осуществляемым «возвращением» к республиканскому режиму.

Противоестественное «дружелюбие» к Движению сопротивления стали проявлять те элементы, которые составляли основную базу режима Петэна... Как это ни кажется неправдоподобным, среди «неофитов сопротивления» начали попадаться «столпы» «Комитэ де Форж». В конце 1944 г. состоялось заседание последнего с участием председателя «Комитэ де Форж» Ванделя, его заместителя Пейеримгофа и главного уполномоченного «Комитэ де Форж» Ламбур-Рабо. На заседании была выработана программа внешней и внутренней политики. Первая предусматривала установление контакта с командованием союзников с целью получить его поддержку. Вторая была направлена к тому, чтобы установить связи с Движением сопротивления в метрополии и незаметно наложить руку на его вооружённые силы. Вероятно, в развитие этих решений, в Алжир был направлен специальный «посол» «Комитэ де Форж» д'Эврикур, а в метрополии некоторые магнаты стали перекрашиваться и проявлять показное сочувствие Движению сопротивления. Впоследствии такие представители петэнизма изображали из себя героев Движения сопротивления, мучеников за родину и при помощи деголлевской администрации ловко избегали ответственности перед республиканской законностью.

В предвидении катастрофы и в стремлении отсрочить её приход гитлеровцы и вишийцы усилили свою террористическую деятельность, направленную к физическому истреблению демократических слоев населения. Отряды французской СС (существовали и такие) вместе с гестапо, вместе с немецкими СС чинили расправу над всеми «неблагонадёжными». Путём массовых облав они пытались разрешить двойную задачу: обезлюдить Францию и обеспечить Германию новыми полчищами рабов.

С другой стороны, люди Виши не жалели сил и средств для того, чтобы сохранить за собой и за своими хозяевами влияние хотя бы на самую небольшую

часть народа. Филипп Анрио, министр пропаганды у Лаваля, своего рода «французский Геббельс», в ежедневных выступлениях по радио восхвалял верность Германии и пытался изобразить бомбёжки союзнической авиацией различных военных объектов во Франции как политику, направленную к преднамеренному разрушению страны. С не меньшей демагогией Деа, бывший лидер французской социалистической партии, о котором берлинское радио сообщало, что он уже с 1924 г. связан с немцами, заняв пост министра труда и «национальной солидарности» в кабинете Лаваля, требовал помощи богатых несчастным жертвам союзнической авиации, Произносил речи о пользе создания рабочих кухонь и о всеспасающем характере «национального единения».

Но ничто не могло заставить лучшую часть французского народа примириться со своим положением.

Уклоняясь от отправки на немецкую каторгу, тысячи молодых людей уходили в горы, в леса, в чащи кустарника — «маки», где при поддержке местного населения отсиживались от оккупантов и их прислужников. Карательные экспедиции, предпринимавшиеся властями против уклонявшихся от мобилизации, вербовок и облавы, развязывали вооружённую войну. «Маки»¹ — лагеря, где укрывались преследуемые, — превращались зачастую в партизанские базы, нередко сливались с отрядами вольных стрелков и партизан.

Деятельность вольных стрелков и партизан причиняла немалый ущерб немцам. Как передавала Браззавильская радиостанция 13 апреля 1944 г., только в течение предшествовавших шести месяцев партизаны северной части Франции пустили под откос 183 германских воинских товарных эшелона, 29 эшелонов с германскими военнослужащими, уничтожили и повредили 357 локомотивов, 1 700 товарных вагонов, разгромили 18 германских военных отрядов, уничтожили 18 германских складов, совершили нападения на 28 телеграфных цент-

¹ Маки — наименование густых непроходимых зарослей корсиканского кустарника.

ров, убили 2 немецких генералов и т. д. За первые четыре месяца 1944 г. партизаны южной Франции провели ПО боёв, уничтожили около 1 100 немцев, разрушили 182 предприятия, работавших на немцев, спустили под откос 152 немецких эшелона, освободили из заключения 612 человек, истребили 311 предателей...

Вооружённая партизанская борьба передовых слоев французского народа становилась заметным фактором в освободительном движении народов Европы. Эта борьба, несомненно, оказалась бы ещё более значительной, если бы ей не пришлось сталкиваться с упорным стремлением со стороны некоторых антивишийских групп ограничить и затормозить её развитие. Представители радикал-социалистов, «Демократического альянса», «Республиканской федерации» и большинство социалистических лидеров, а также и де Голль настоятельно советовали участникам сопротивления избегать ввязывания в вооружённую борьбу, выжидать прибытия союзнических сил, открытия второго фронта в Европе, который и покончит с гитлеровской оккупацией Франции. Большинство членов Национального совета сопротивления до декабря 1943 г. тоже стояло на позициях аттан-тизма и лишь под воздействием развёртывавшейся массовой борьбы, опасаясь потерять влияние и оказаться вне рядов патриотов, стало склоняться к пересмотру тактических задач, выдвигаемых перед патриотическими организациями. Сдвиг в позиции Национального совета сопротивления был обусловлен укреплением сил Движения сопротивления, возраставшей уверенностью в скором конце гитлеровского «нового порядка». «Борьба против врага и против предателей, состоящих у него на службе, должна заключаться в действиях», — говорилось в одном из решений Национального совета сопротивления.

22 февраля 1944 г. Национальный совет сопротивления принял резолюцию, призывавшую к открытой борьбе вне зависимости от начала военных операций союзников. Решительная позиция Национального совета сопротивления вызвала даже осуждение в среде некоторых представителей Движения сопротивления в Консультативной ассамблее, оторвавшихся от патриотического подполья.

Помимо элементов атлантизма развёртывание вооружённой борьбы во Франции тормозилось недостатком оружия у организаций сопротивления и пренебрежительным отношением Французского Комитета Национального Освобождения к делу помощи силам, воевавшим против врага внутри страны.

Вооружаясь преимущественно за счёт врага, партизаны постоянно указывали на необходимость обеспечить их регулярным снабжением боеприпасами, радиостанциями, некоторыми видами оружия, медикаментами и т. п. Технически осуществление подобного рода снабжения не представляло особых трудностей. Но зарубежные французские органы не проявляли большого внимания к нуждам и требованиям внутренних вооружённых групп. Шарль Тийон, военный руководитель вольных стрелков и партизан, прямо обвинял начальника центрального бюро разведки и действий при канцелярии де Голля полковника Пасси (графа де Ваврэн) в саботаже борьбы вольных стрелков и партизан. В связи с этими обвинениями Тийона английский лейбористский орган «Трибюн» писал, что Пасси в прошлом был личным секретарём главы «кагуляров» генерала Делонкля, а затем, завоевав доверие де Голля, стал руководителем одного из важнейших органов Сражающейся Франции. Впоследствии Пасси был привлечён к уголовной ответственности за заговорщическую антиреспубликанскую деятельность. Помимо Пасси не мало других политических проходимцев и авантюристов подвизались в ближайшем окружении де Голля.

В тех случаях, когда всё же оружие извне забрасывалось во Францию, оно в первую очередь предоставлялось организациям, пассивно выжидавшим развития событий, и попадало в различные тайные склады. Выражая возмущение вольных стрелков и партизан подобной политикой, равно как и «заговором молчания», которым окружало их деятельность деголлевское радио, Марсель Кашен писал в нелегальной «Юманите» 15 ноября 1943 г.: «Во Франции мы видим, что вольные стрелки и партизаны, которые одни только сражаются, не получают оружия, в то время как оружие получают организации, которые ничего не делают. Это скандальный факт, и ему надо положить конец. Необходимо

покончить также с дикторами радио, которые боятся говорить о вольных стрелках и партизанах и ограничиваются речами о страданиях французского народа, советуя ему бездействовать».

По инициативе Фернана Гренье Консультативная ассамблея потребовала от Французского Комитета Национального Освобождения улучшения связи с организациями сопротивления и расширения помощи им оружием.

Ведущая роль в Движении сопротивления принадлежала Национальному фронту. Объединяя местные организации коммунистической партии, департаментские федерации профессиональных союзов, местные профсоюзные группы, большое число персональных членов, Национальный фронт насчитывал в своём составе к весне 1944 г. много сот тысяч членов. Хотя Национальный фронт являлся самой массовой организацией сопротивления, деголловцы пытались игнорировать самый факт его существования. Французский Комитет Национального Освобождения, в частности, не принимал мер к обеспечению представительства Национального фронта в Консультативной ассамблее. Но, несмотря на чинившиеся ему помехи со стороны разных недоброжелателей, направлявших деятельность алжирских учреждений, Национальный фронт продолжал непрерывно расти и крепнуть. Его воюющая часть — отряды вольных стрелков и партизан к весне 1944 г. имели в своих рядах не менее 125 тыс. бойцов. Главный штаб вольных стрелков и партизан превратился в командный орган, располагавший настоящей нерегулярной армией.

Газета «Франс д'Абор» («Франция — прежде всего») — орган главного штаба вольных стрелков и партизан — систематически освещала боевую деятельность патриотов и пропагандировала идею национального восстания. «Ни одной пули не в немца, ни одного немца без пули», «Ни одного отряда без определённых действий», «Да погибнут немцы, чтобы жила Франция» — таковы были лозунги вольных стрелков и партизан.

По почину организаций Национального фронта с декабря 1943 г. началось создание патриотической милиции рабочих и крестьян. В отличие от партизанских вооружённых сил, непрерывно участвовавших в борьбе

с врагом, патриотическая милиция, как правило, не располагавшая оружием, должна была составлять организованный резерв вооружённых групп и нести службу охраны жилищ рабочих и служащих, отдельных предприятий, домов или деревень. Группы патриотической милиции создавались обычно из рабочих одного и того же завода либо из соседей по одному кварталу и втягивали в борьбу новые толщи народа.

В феврале 1944 г. в Движении сопротивления во Франции произошли некоторые организационные изменения. Организации «Комба», «Либерасьон», «Франтирёр», «Лотарингия» и др., деятельность которых носила до известной степени локальный характер, объединились в организацию «Движение национального освобождения» («Мувэман либерасьон националь»). С созданием Движения национального освобождения наряду с Национальным фронтом появилась ещё одна организация, охватывавшая своей деятельностью почти всю страну. Если в Национальном фронте наряду с имущими слоями населения, с людьми науки, искусства, литературы, священнослужителями и офицерами в первую очередь был представлен рабочий класс, то в Движении национального освобождения, сложившемся под политическим руководством социалистов, христианских демократов, радикал-социалистов, преобладали средние слои: городская мелкая буржуазия, мелкие рантье, крестьяне, чиновники, бывшие офицеры и т. д. Движение национального освобождения имело свою вооружённую силу, так называемую «подпольную армию». Отдельные её группы причиняли немцам немало неприятностей ещё до высадки союзников. В октябре 1943 г. было положено основание третьему объединению организаций Движения сопротивления: двенадцать организаций молодёжи образовали федерацию под названием «Объединённые силы патриотической молодёжи». В эту федерацию вошли «Организация коммунистической молодёжи», «Молодые христианские (католические) борцы», «Молодые протестантские патриоты», «Крестьянский союз патриотической молодёжи», «Союз студентов-патриотов» и т. д. Представляя специальные интересы молодых французов, «Объединённые силы патриотической молодёжи» вписали не одну славную страницу в общее дело сопротивления.

Вместе с коммунистической партией наиболее заметную роль в Движении сопротивления играли профессиональные союзы, их местные и руководящие организации. Восстановленная в подполье ВКТ через свою печать — газеты «Ви Увриер» и «Муэман Уврие Франса» — призывала усилить борьбу вплоть до объявления забастовок и захвата предприятий. Она сыграла заметную роль в мощном забастовочном движении зимы 1943/44 г., в повсеместном развёртывании саботажа, направленного на срыв германских военных заказов французской промышленности, невыполнение сельскохозяйственных поставок и нарушение германских военных перевозок. Несмотря на многочисленные расследования, аресты, судебные приговоры, пытки, качество французской продукции, изготовлявшейся для немцев, систематически ухудшалось, а акты саботажа всё более в более умножались. Например, на патронном заводе в Тулузе из 35 тыс. патронов, изготовленных по одному немецкому заказу, только 5 тыс. оказались пригодными, в другой раз вместо затребованных в декабре 1943 г. 500 тыс. патронных гильз немцы получили лишь 53 тыс., на заводе Гном и Рон как-то одновременно было испорчено 80 авиационных моторов и т. д. Строжайший контроль со стороны немцев над французскими предприятиями, производившими по их заказам вооружение и боеприпасы, — а таких насчитывалось более тысячи, — изменническая политика заправил трестов и картелей и насаждённой ими петэновской администрации затрудняли саботаж и превращали его в дело, требующее своего рода мастерства. Но замедленным темпом работы, с помощью всякого рода ухищрений почти все работавшие на этих предприятиях пролетарии стремились причинить наибольший вред оборудованию и сырью и ухудшить свою продукцию.

Начиная с конца 1942 г., КПФ упорно добивалась от других группировок сопротивления совместной организации в департаментском, районном и местном масштабах единых комитетов освобождения. Однако другие группировки и партии сопротивления, опасаясь, что комитеты освобождения отстранят и заменят старые органы власти, отвергали предложение коммунистов. Лишь к осени 1943 г., после настойчивых требований

коммунистической партии, поддержанных профсоюзами и Национальным фронтом, другие организации вынуждены были изменить свою позицию и согласиться на создание единой сети местных органов Движения сопротивления. Национальный совет сопротивления вынес решение о создании департаментских комитетов освобождения. Эти органы были призваны играть роль руководителей восстания и после победы временно выполнять некоторые совершенно необходимые административные функции по поддержанию порядка, борьбе с диверсантами, предателями и т. д.

С созданием департаментских комитетов освобождения Движение сопротивления приобрело стройные организационные формы и создало сеть локальных органов, объединивших в своём составе в местных масштабах основные силы сопротивления. Роль Национального совета сопротивления соответственно возростала, и он, руководя многочисленными и различными организациями, направлял деятельность крупных вооружённых сил Движения сопротивления и, располагая местными органами, превращался в руководящий центр, по характеру и объёму своей деятельности выполнявший почти что правительственные функции. Учитывая это, некоторые профсоюзные деятели вообще полагали, что после освобождения страны именно Национальный совет сопротивления имеет все основания к тому, чтобы стать временным правительством и осуществить созыв Учредительного собрания. Хотя такова была и точка зрения ВКТ, но Национальный совет сопротивления, опасаясь возрастающего влияния левых кругов, отказывался рассматривать себя как возможное правительство Франции после освобождения, полагая, что будущее правительство будет пользоваться советами и помощью Национального совета сопротивления как руководящего центра всего патриотического движения.

В разной степени и в разных формах в патриотическом Движении сопротивления принимали участие миллионы французов и француженок. Они не были сторонниками какой-либо одной системы мировоззрения, расходились в ряде частных, симпатизировали различным партиям, но были единодушны в понимании

того, что Францию надлежит не только освободить, но и поставить в такие условия, которые исключили бы возможность повторения в дальнейшем измены правящей олигархии и возможность новой национальной катастрофы. Рядовые французы приходили к выводу, что жить по-старому, по-довоенному после освобождения нельзя будет. Поэтому Движение сопротивления, бывшее по преимуществу движением рабочего класса, поставило себе целью не только ликвидировать ненавистный гитлеровско-петэновский режим, но и произвести вслед затем глубокие структурные преобразования в экономической и политической жизни страны, диктуемые неразрывно связанными между собой интересами демократии и национальной безопасности.

Основные требования народа, основные мероприятия, необходимые для национального освобождения и возрождения Франции, не могли быть обойдены центральной инстанцией Движения сопротивления и нашли своё выражение в программе действий, опубликованной Национальным советом сопротивления 15 марта 1944 г. Этот документ, сохранивший и в дальнейшем первостепенное значение в политической жизни Франции, предусматривал проведение ряда мер политического, экономического и социального характера. Все эти меры должны были способствовать развитию демократии, повышению благосостояния народа и ликвидации основных очагов национальной измены. Первое место в программе Национального совета сопротивления, естественно, занимали задачи, связанные с наказанием предателей и коллаборационистов, чисткой общественных и частных учреждений, конфискацией имущества изменников, спекулянтов и всех нажившихся на несчастье народа. Одновременно предстояло обеспечить свободу демократической печати, свободу слова, совести, собраний и демонстраций. Далее, программа Национального совета сопротивления предусматривала: подчинение частных интересов общественным интересам, устранение эгоистической финансово-экономической олигархии, национализацию крупных средств производства, захваченных монополиями, источников электроэнергии, богатств земных недр, имущества страховых компаний и крупных банков, предоставление рабочим доступа

к управлению производством, улучшение условий труда, помощь крестьянству, обеспечение всех работой, планирование основных производственных усилий, демократизацию кадров администрации, расширение политических, экономических и социальных прав населения французских колоний и т. п.

Претворённая в жизнь программа Национального совета сопротивления обещала не только освобождение Франции, но и её обновление.

Программа Национального совета сопротивления была одобрена большинством группировок сопротивления и политических партий. Буржуазные круги Движения сопротивления также солидаризировались с этой программой.

Принятие единой программы для всего Движения сопротивления облегчило осуществление крупной организационной меры: в мае 1944 г. было произведено слияние отдельных групп вооружённых сил Движения сопротивления во французские силы внутреннего фронта, во главе которых было поставлено единое командование — Комитет военных действий. Насчитывая в своём составе около полумиллиона бойцов и командиров и располагая организованным резервом в виде патриотической милиции, французские силы внутреннего фронта — эта «армия без мундиров» — оказались серьёзным военным фактором, призванным сыграть немаловажную роль в освобождении страны. ФКНО принял решение считать их частью французской армии.

В правовом положении ФКНО тогда же произошло важное изменение: после того как в его состав вошли представители КПФ Фернан Гренье и Франсуа Бийю, ФКНО 2 июня 1944 г. принял наименование Временного правительства Французской республики.

6. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Решающей предпосылкой к освобождению Франции был победоносный ход войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Уничтожив основные силы немцев, заставив их оголить оборону юга и запада Европы и сконцентрировать войска на восточном фронте, Крас-

ная Армия дала время окрепнуть и подготовиться англо-американским войскам. Когда стало ясно, что Красная Армия в состоянии одна сокрушить Германию и освободить народы Европы от фашистского ига, США и Англия сочли необходимым развернуть крупные военные действия. Начав 6 июня 1944 г. высадку на западном побережье Франции, в Нормандии, союзнические войска вступили в борьбу с немецкой армией, уже более двух лет терпевшей поражения на советско-германском фронте, потерявшей отборнейшую часть своего людского состава, давно утратившей веру в свою непобедимость, морально и материально истощённой, стоявшей перед лицом неизбежного краха.

Десант союзных войск на нормандском побережье Франции послужил сигналом для всех французских сил внутреннего фронта о переходе к массовой открытой борьбе. По всей стране стали завязываться ожесточённые бои патриотических отрядов с германскими войсками, милицией Дарнана и другими предательскими формированиями.

Одно за другим вспыхивали национально-освободительные восстания в департаментах Франции. Обширные зоны, а в некоторых случаях целые департаменты оказались вскоре под контролем партизан. В департаментах Верхней Савойи, Эн, Дром, Ардеш, Авейрон, Дордонь, Изер, Верхние Альпы, Нижние Альпы, Канталь, Крез, Воклюз, Вьенна, Нижняя Бретань, Верхние Пиренеи французские патриоты нападали на немцев, уничтожали их опорные точки, склады, базы, освобождали города и сёла, создавали временные республиканские органы власти, подготавливали условия к восстановлению суверенной демократической государственности. В первые две недели боёв после начала всеобщих операций отряды вольных стрелков и партизан овладели департаментскими центрами Бур (департамент Эн), Прива (департамент Ардеш), Тюль (департамент Коррез) и др., освободили общины Сатонэ и Рилье на подступах к Лиону, создали опасное положение для немецких гарнизонов в Лиможе и ряде других крупных центров страны. Дезорганизуя коммуникации, перерезая железные дороги, автомобильные магистрали, реки и каналы, партизаны лишали немцев

возможности маневрировать резервами и притягивали на себя значительную часть сил, которыми гитлеровцы располагали во Франции: против партизан в середине июня 1944 г. действовало семь-восемь немецких пехотных дивизий, авиационные и танковые части.

Штаб экспедиционных сил союзников в специальном сообщении, опубликованном 17 июня 1944 г., дал высокую оценку действиям французских сил внутреннего фронта. «Операции партизан против врага, — говорилось в этом сообщении, — в полном разгаре. Французская армия внутри Франции установила полный контроль над некоторыми районами. В течение первой недели операций союзников на побережье Франции французские силы внутри Франции сыграли предназначенную им роль в битве за освобождение». Английский министр иностранных дел Антони Иден в обращении по радио к французскому народу признал: «Французские силы внутри Франции удивили союзников мужеством, смелостью и целеустремлённостью своих операций. На французской земле, установив связь с гражданским населением, мы нашли людей, которые героически и решительно выполняют свою роль в борьбе за поражение общего врага».

К удивлению французских патриотов, высокая оценка со стороны союзнических органов освободительной борьбы французского народа не сопровождалась усилением помощи партизанам. Не только упускалась возможность координирования операций внутри Франции с действиями союзнической авиации, но, как заявлял национальный комиссар авиации Фернан Гренье, нельзя было добиться «от союзников разрешения на то, чтобы французская авиация поддерживала партизан». Даже в радиопередачах из Алжира, Браззавиля и Лондона часто по адресу партизан раздавались советы и предложения уменьшить активность, выйти из борьбы. Уполномоченный комиссариата информации Временного правительства через лондонскую радиостанцию просил партизан не заниматься освобождением сёл и городов, а бить врага на коммуникациях. Это будет «полезнее и лучше, чем устанавливать контроль над тем или иным городом и селом», — пояснял он своё предложение.

Но большинство призывов людей, явно испугавшихся народной активности и размаха национально-освободительного движения во Франции, не доходило до занятых смертельной борьбой партизан. В то же время герои-патриоты с горечью чувствовали, что и в решающий час борьбы за родину им не оказывают поддержки, ими пренебрегают, их опасаются и предоставляют самим себе.

Безучастное отношение руководящих кругов Лондона и Алжира к освободительной борьбе французского народа вызывало осуждение в печати. Даже английская консервативная газета «Обсервер» взывала к командованию экспедиционных сил: «Оружие французским патриотам!» Не менее консервативная газета «Дейли мейл» писала в статье «Франция требует оружия, а не гувернантки»: «Мало кто знает, что во Франции есть более 500 тыс. обученных и дисциплинированных солдат, ведущих партизанскую войну с небывалым до сих пор успехом, не говоря, конечно, о России. Новые тысячи примыкают к ним... В некоторых секторах группы партизан сковывают целые германские дивизии. Они освободили некоторые районы и управляют ими... Но эти солдаты не имеют медикаментов. Для борьбы, которую они ведут сегодня, им помимо ружей и другого оружия мелкого калибра нужно ещё кое-что. Они нуждаются также в миномётах. Если партизаны получат помощь от союзников, они, безусловно, спасут жизнь тысячам солдат союзников на плацдарме и сократят срок войны, может быть, на ряд месяцев. Если партизаны не получают большой помощи, то они будут либо уничтожены в результате контрмер немцев, или, если уцелеют, будут презирать «друзей», у которых были тысячи и тысячи самолётов для бомбардировок и ни одного для оказания помощи, когда они в ней нуждались».

Предоставленные самим себе, французские патриоты упорно и настойчиво, самоотверженно и смело продолжали участвовать в великой борьбе. Они, говорил один из дикторов лондонского радио, «повседневно чувствуют поддержку, какой является для них существование по ту сторону Германии дружественного советского исполина». Воодушевлённые победами Советского Союза и надеждой на завоевание свободы и независимости,

патриоты добивались выдающихся успехов. Высадка союзников на средиземноморском побережье Франции была новой фазой борьбы за освобождение Франции. Изолируя отдельные немецкие группировки, блокируя крупные опорные пункты, парализуя переброски войск и вооружений, партизаны освободили многие департаменты и большие города: Пасси, Экс-ле-Бен, Перпиньян, Монтобан, Каркассон, Тулузу, Гренобль, Лимож, Шартр...

Борьба приближалась к Парижу.

С первых чисел июня 1944 г. в столице Франции стали учащаться уличные сходки и демонстрации, нападения на гестаповцев, дориотистов, чинов дарнановской милиции. Пуля патриота настигла и оборвала преступную жизнь одного из крупнейших сподвижников Лавала — вишийского министра пропаганды Филиппа Анрио.

Отдалённость фронта, значительная концентрация немецких сил в Париже, исключительные меры предосторожности, принятые оккупантами и предателями, подсказывали патриотам столицы, что с массовым вооружённым выступлением следует несколько повременить.

В день национального праздника — 14 июля на улицах Парижа вышло свыше 45 тыс. человек, демонстрировавших свою готовность к борьбе. На ряде предприятий пролетарских районов Бельвиля, где в уличных шествиях участвовало около 20 тысяч человек, Монружа, Батиньоля, на части предприятий городского транспорта произошли забастовки. В этот день впервые на отдельных улицах столицы открыто появились небольшие группы вольных стрелков и партизан.

Обстановка в городе делалась всё более напряжённой. 10 августа забастовали железнодорожники на линии Вильнёв — Сен-Жорж и в некоторых депо. Перекинувшись на другие линии, забастовка в последующие дни охватила всех железнодорожников Парижского района. К железнодорожникам начали присоединяться работники почт и телеграфа. За отсутствием подвоза сырья и топлива начали останавливаться промышленные предприятия. Деловая жизнь города была парализована. Непрерывно пополнялись

ряды вольных стрелков и партизан, и росла их боевая деятельность. Ещё 10 августа отряд «Робеспьер» захватил немецкий продовольственный транспорт и роздал народу 10 т зерна; 11 августа отряды «Габриель Пери» и «Боден» захватили у немцев 10 лёгких митральез и другое оружие; в тот же день другие отряды партизан разбили один отряд СС... Число убитых в Париже немцев за время с 11 по 15 августа достигло почти 500 человек.

Парижский народ готовился к восстанию. «Юманите» 15 августа вышла с призывом: «Все на борьбу!» В опубликованном в газете обращении Морис Торез писал: «Теперь, когда союзники приближаются к Парижу, все французы должны вооружиться и принять участие в освободительной борьбе». В этом коротком указании вождя КПФ была заложена программа ближайших непосредственных действий.

18 августа Парижский комитет освобождения решил дать сигнал к восстанию. Руководство национальными вооружёнными силами в Париже и в департаментах Сены, Сены и Марны, Сены и Уазы Парижский комитет освобождения возложил на 36-летнего полковника Роль-Танги. Рабочий-металлист, комсомолец, затем член КПФ, Роль-Танги был одним из тех французов, которые первыми вместе с Андре Марти поспешили на помощь испанским республиканцам. Участвуя в войне против фашизма в Испании, Роль-Танги постиг военное искусство и командование взводом сменил на командование ротой, а затем и полком. Когда в дни катастрофы 1940 г. немцы вступили в Париж, Роль-Танги немедленно принял участие в вооружённой борьбе против них, а спустя некоторое время стал лучшим организатором партизанской войны во всём Парижском районе. Теперь ему предстояло возглавить битву французских патриотов за освобождение столицы от ненавистного врага.

Депутаты и муниципальные советники-коммунисты Парижского района и Парижский комитет освобождения призвали народ Парижа к освободительному восстанию. Вальдек Роше, коммунистический депутат от департамента Сены, огласил через лондонское радио приказ верховного командования вольных стрелков и

партизан. Объявляя о мобилизации всех мужчин в отечественную милицию, этот приказ звал патриотов на решительный бой: «Пробил час мщения! Пусть везде звучит набат, вся страна должна вступить в бой! Пусть везде поднимаются армии Франции! Все трудоспособные мужчины, даже старики, способные держать винтовку, все женщины и дети должны быть мобилизованы для вступления в бой. На освобождение Франции — все мужчины и женщины, вперёд!»

В ночь на 19 августа отряды вольных стрелков и партизан Парижа и его окрестностей, руководствуясь приказами командования и единым планом действий, приступили к занятию указанных им объектов. Захват мэрий, общественных зданий и помещений, занятых врагом, вылился в ожесточённые крупные уличные бои. В районе между площадью Сен-Мишель и Пантеоном и между Орлеанскими воротами и университетским городком, а также на линии, проходящей между площадью Республики и Восточным вокзалом сражение носило особенно упорный характер. При помощи полицейских, перешедших на сторону народа, повстанцы заняли здания полицейской префектуры и городской ратуши. В освобождённую префектуру прибыл комиссар Временного правительства, который от имени правительства подтвердил назначение Роль-Танги командующим вооружёнными силами Парижа и окружающих департаментов и солидаризировался с восстанием.

С занятием ратуши и префектуры два важных центра столицы были освобождены от врага. Потеряв более тысячи человек одними пленными — а пленных в горячей схватке уличного боя берут весьма немного, — свыше 60 пулемётов и 10 танков, немцы оказались в весьма тяжёлом положении. Заря следующего дня сулила столице Франции полное освобождение.

Но за спиной у руководителей восстания некоторые деятели, опиравшиеся на авторитет Временного правительства, установили связь с германским командованием в Париже. Немцы, опасаясь быть отрезанными и истреблёнными в восставшем городе и весьма нуждаясь в выигрыше времени, через посредство швед-

ского консула предложили представителям Временного правительства договориться о перемирии. Эти представители тотчас же выразили согласие принять немецкие предложения. Уже вечером 19 августа на здании мэрии Ванв, а затем и в других местах было вывешено сообщение, в котором указывалось, что вследствие обещания немецкого командования не атаковать общественные здания, занятые французскими войсками, и обращаться с пленными согласно военным законам, «Временное правительство Французской республики и Национальный совет сопротивления предлагают прекратить действия против оккупантов до их эвакуации из Парижа». В конце извещения имелась рекомендация населению сохранять полное спокойствие и не собираться на улицах.

Соглашение о перемирии, заключённое помимо органов, руководивших восстанием, и обманным образом прикрытое ссылкой на Национальный совет сопротивления, представляло собой по существу изменнический акт. Парижский комитет освобождения, органы КПФ, Национальный совет сопротивления со всей резкостью выступили против перемирия и призвали продолжить восстание. Но некоторое время было потеряно, и немцы, которые вовсе не собирались без упорного противодействия оставлять Париж, успели перегруппироваться, подтянуть резервы, укрепиться и в лучших для себя условиях возобновить борьбу. Попытка сделки с немцами, продиктованная рецидивами народобоязни, уже погубившей однажды Францию, отняла у парижан много жизней.

20 августа бои возобновились с новой силой и охватили весь Париж. Немцы, использовав несколько подаренных им часов, сумели пустить в дело большое число танков и тяжёлых орудий. Но им пришлось столкнуться со всем Парижем — городом четырёх революций, и никакое превосходство в технике не могло превозмочь то превосходство в сознании правоты своего дела, которое воодушевляло повстанцев. После многочасовых боёв повстанцы заняли Елисейский дворец, Дворец правосудия, Дом инвалидов, здания министерств промышленности, юстиции, финансов, земледелия, здания военного министерства, Восточного вокзала, помещение

Центрального рынка, ряд мэрий, телефонных станций и типографий. Крупнейшие бои происходили в районе улиц Ле Пелетье и Лафайет, где до войны помещались Центральный и Парижский областные комитеты КПФ. Утром 21 августа в бывшей типографии фашистского листка «Пти Паризьен» был открыто отпечатан номер боевого органа французского народа «Юмани́те» — газеты, созданной Жоресом, прославленной Каше́ном, Торезом, Вайан-Кутюрье... 21, 22, 23 августа борьба продолжалась с прежним ожесточением. Отряды вольных стрелков и партизан при поддержке патриотической милиции и всего народа прикрывали освобождённые районы мощными баррикадами и штурмовали опорные пункты немцев. К 25 августа немцы держали в своих руках только Люксембургский дворец (помещение сената), за который вели бои отряды под командованием молодого героя Фабиана, воспитанника комсомола, полковника внутренних вооружённых сил, отель «Мажестик», комендатуру у здания «Оперы» и казарму «Принц Евгений» на площади Республики. Париж был освобождён. Он был освобождён в августе, а не в октябре, как то планировало союзническое командование. «Париж освободился сам, столицу освободили французские внутренние вооружённые силы, отборные части их, состоящие из вольных стрелков и партизан и из бойцов отечественной милиции», — говорил Жак Дюкло, один из руководителей парижского восстания.

Когда 25 августа в столицу Франции прибыли американские солдаты и дивизия регулярной французской армии, их торжественно встречали победившие рабочие Парижа. Вечером 25 августа вслед за союзническими воинскими частями в освободившийся Париж прибыл де Голль. Он тотчас был принят в здании префектуры представителями Национального совета сопротивления и командования французских сил внутреннего фронта.

Освобождение Парижа послужило мощным толчком к расширению освободительной войны на занятых немцами территориях. Французскими силами внутреннего фронта было освобождено свыше тридцати департаментов страны и восстановлено знамя национальной

независимости в Лионе, Бордо, Нанте, Лилле и десятках других крупных городов.

К середине сентября у немцев оставалась часть территории Франции на севере и северо-востоке страны и ряд портов и крепостей на западном побережье.

Демократические круги французского народа не сомневались в том, что достигнутые условия позволяют без промедления приступить к решению неотложных задач в деле полного освобождения и возрождения Франции.

Создание национальной армии, возрождение и перестройка экономики, чистка государственного и общественного аппарата от врагов народа, наказание виновников катастрофы, демократизация политической жизни, защита интересов трудящихся — таковы были требования и пожелания, выраженные французским народом в период частичного освобождения страны. Эта программа непосредственных действий, отражавшая волю народа, целиком соответствовала программе Национального совета сопротивления, была утверждена многочисленными организациями сопротивления и поддержана Центральным комитетом КПФ, собравшимся 31 августа 1944 г. на первый пленум после освобождения.

Переезд Временного правительства из Алжира в Париж не мог не сопровождаться изменениями в его составе. Действительно, 10 сентября 1944 г., де Голль произвёл преобразование в составе Временного правительства. В новом кабинете явно преобладали люди из числа «приближённых» де Голля: Катру — министр по делам мусульман и Французской Северной Африки, Дьетельм — военный министр, Плевен — министр колоний, Тиксье — министр труда и социального обеспечения, Рене Мейер — министр труда и общественных работ, ле Перк — министр финансов, вскоре погибший при автомобильной катастрофе и заменённый Плевеном. Старые политические деятели: Жаннене, бывший председателем сената до ликвидации республиканской конституции в 1940 г., государственный министр, Жакоби — министр снабжения, Мандес-Франс — министр национальной экономики, Лоран — министр почт, телеграфа и телефона, не могли

считаться выразителями народных чаяний. За членами коммунистической партии было сохранено два портфеля: министра авиации, которым стал Шарль Тийон, и министра здравоохранения, которым был назначен Франсуа Бийу. Впервые в истории Франции в состав правительства вошёл представитель ВКТ — Лакост, один из руководителей профессионального союза государственных служащих, назначенный министром производства. Движение сопротивления было представлено в правительстве рядом лиц (те же Тийон и Бийу и др.), но большинство из них (де Мантон — министр юстиции, Капитан — министр просвещения, Френе — министр по делам военнопленных и репатриированных и др.) только по некоторым формальным моментам могли быть охарактеризованы как представители организаций сопротивления. Министром освобождённых территорий был назначен Анри ле Трокер, министром по связи между Временным правительством и Консультативной ассамблеей — Андре Филипп, министром информации — Пьер-Анри Тетжен, земледелия — Пьер Танги-Прижан, внутренних дел — Андриан Тиксье. В качестве министра иностранных дел в новый состав Временного правительства вошёл Жорж Бидо. Ведущий сотрудник католической газеты «Об», издававшейся Франсиском Гэ, Бидо был одним из немногих французских буржуазных журналистов, разоблачавших катастрофический характер мюнхенской сделки и борющихся за изменение курса внешней политики Даладье. После возвращения в 1941 г. из немецкого плена, откуда он был освобождён как участник первой мировой войны, Бидо выступал в нелегальной печати против оккупантов и Виши. Занимая видное место в среде народно-демократической (католической) партии, он в качестве фигуры, до известной степени приемлемой и для правых и для левых кругов сопротивления, был избран председателем Национального совета сопротивления после того, как при обстоятельствах, бросавших тень на органы разведки де Голя, без вести пропал первый председатель этого совета Жан Мулэн.

7. «ДЕЛО НЕ ИДЁТ НА ЛАД»

Освобождение большей части Франции позволяло Временному правительству использовать раскрепощённые силы народа для полного изгнания немцев и быстрейшего возрождения страны. Огромный политический подъём, охвативший французский народ, создавал широкие возможности для быстрого формирования национальной армии, осуществления чистки и проведения экономической политики, соответствующей интересам и требованиям масс. Но деятельность кабинета де Голля в первые же месяцы после переезда правительства в Париж и его реорганизации зародила сомнения в желании правительства действовать в интересах нации.

Центральной проблемой, разрешение которой должно было предопределить очень многое в будущем Франции, была роль, какую она возьмёт на себя в завершении войны Объединённых наций против гитлеровской Германии. Возвращение Франции в число великих держав мира могло быть только результатом её усилий, направленных к разгрому общего врага. Патриоты Франции ясно отдавали себе отчёт в том, что их победа не будет прочной, пока немцы не будут принуждены капитулировать; а победоносный мир не будет для французов почётным, если Франция не разделит с другими нациями бремя борьбы против германского империализма. Поэтому передовые круги французского народа и такие его организации, как КПФ, ВКТ и др., требовали немедленного создания сильной национальной армии. Казалось вполне естественным, что костяком такой армии должны быть французские силы внутреннего фронта, сыгравшие выдающуюся роль в освобождении страны. Включённые в регулярные французские воинские части, созданные в Северной Африке и прибывшие во Францию вместе с войсками союзников, отряды и соединения партизан могли не только во много раз увеличить численность французских вооружённых сил, но и внести в них дух горячего патриотизма, приверженности к демократии и ненависти к угнетению. Несомненно, что все эти блестящие качества французских партизан в сочетании

с их боевым опытом в глазах руководящих деголле-ских деятелей и составляли их главный недостаток. Им казалось опасным и невозможным допустить соединение регулярных частей с вооружёнными силами сражавшегося народа.

Под предлогом нехватки вооружения и обмундирования органы военного министерства выступили против включения французских сил внутреннего фронта в состав армии.

Вопрос о составе армии и судьбе внутренних вооружённых сил приобрёл исключительную остроту. Сами партизаны и вольные стрелки, все бойцы «армии без мундиров» настоятельно требовали от правительства использования их в составе регулярных войск. Они не представляли себе возможности оставить оружие до полной победы над внутренними и внешними врагами и ни на минуту не прекращали борьбы, в то время как части регулярной армии по преимуществу распределялись для несения гарнизонной службы. Именно партизаны, а не регулярные французские войска или войска союзников осаждали немцев в Лориане, Сен-Назере, Ля Рошели, у устья Жиронды и в других местах атлантического побережья Франции, где немцы ещё продолжали упорно держаться. Даже де Голль, выступив на пресс-конференции в конце октября 1944 г., отметил, что против немцев, присутствие которых на западе является чрезвычайно стеснительным, действуют в основном силы внутреннего фронта. Но силы внутреннего фронта не только на крайнем западе продолжали занимать передовые позиции — они рвались и к восточным рубежам Франции, они спешили в логово германского империализма: в конце сентября 1944 г. 1-й Парижский полк вольных стрелков и партизан под командованием героического юноши, члена Национального комитета КСМ Франции, Фабиана, занял участок фронта у Мозеля.

Соединение внутренних вооружённых сил с частями, сформированными вне Франции, могло быть основным способом установления единства народа и армии и основным залогом сохранения величия и славы Франции. Под давлением широких общественных кругов Временное правительство, не решаясь на открытый антипатриотический акт роспуска внутренних воору-

женных сил, проводило политику отсрочек и колебаний. В конечном счёте, выразив в принципе согласие на включение формирований Движения сопротивления в регулярную армию и на присвоение командирам партизанских отрядов офицерских званий, оно всячески тормозило осуществление этих мероприятий, оберегало кадровые части от проникновения в их состав бывших партизан и препятствовало выдвижению талантливых и преданных своему делу партизанских командиров. С другой стороны, военные власти охотно пользовались услугами бывших вишийских офицеров и заполняли ими сильно раздутые штаты всевозможных штабов и военных учреждений.

Ни тотчас после освобождения, ни в дальнейшем за время пребывания де Голля у власти французская армия не подвергалась чистке от бывших капитулянтов. В ней свили прочные гнёзда лица, сознательно саботировавшие создание новой демократической армии. Благодаря их усилиям даже допущенные в армию бойцы и командиры французских вооружённых сил внутреннего фронта подвергались всякого рода стеснениям и ограничениям и при каждом удобном случае увольнялись в запас. Засорённость руководящих кадров армии чуждыми элементами была предметом постоянного беспокойства в демократических кругах. Газеты пестрели сообщениями о конкретных проявлениях саботажа национальных интересов со стороны значительных групп офицеров, но де Голль и военный министр всячески изолировали армию от народа и попустительствовали противонародным тенденциям.

Благодаря упорным стараниям министра Тийона авиация была в основном освобождена от реакционных элементов.

Стремясь сохранить разрыв между народом и армией, Временное правительство настойчиво оттесняло от участия в политической жизни органы народного представительства, сложившиеся в процессе сопротивления, и отделялось от основных организаций сопротивления.

В первое время после освобождения Парижа гегемония в политической жизни страны принадлежала организациям сопротивления. Облечённые народным

доверием, вынесшие на себе основную тяжесть организации борьбы за свободу и независимость страны, они пользовались непререкаемым авторитетом. Между тем завершение в общих чертах основной национальной задачи освобождения страны отмечалось распадом патриотического единства в Движении сопротивления и выдвиганием на первый план частных интересов отдельных социальных групп.

После вступления Бидо в правительство председателем Национального совета сопротивления был избран Луи Сайян. Профсоюзный деятель, бывший до войны секретарём союза деревообделочников, он в 1942 г. был привлечён к руководству нелегальной ВКТ и вскоре стал её секретарём. Глубоким патриотизмом, приверженностью делу демократии и интересам рабочего класса Сайян снискал уважение широких кругов народа. Помимо Сайяна в состав Национального совета сопротивления входили представители других демократических организаций — Пьер Виллон от Национального фронта, Огюст Жилло от КПФ, Даниэль Мейер от социалистической партии, а также Гастон Тиксье от ВКТХ, Поль Бастид от партии радикалов и радикал-социалистов и др.; но в то же время членами Национального совета сопротивления были представители небольших, а к тому же иногда и реакционных группировок, которые, принимая известное участие в борьбе за освобождение страны и в своё время даже выразив одобрение программе возрождения Франции, считали её не более, как обычной политической декларацией, от которой стараются отделаться тотчас же после того, как она сослужила известную службу. Поэтому, когда пришло время заняться претворением в жизнь программы Национального совета сопротивления, она встретила противников в самых недрах этого Совета в лице бывшего дележароковца Андре Мюттер, одного из руководителей «Альянс демократию», друга бывшего премьер-министра Поля Рейно — Жозефа Ланиеля, представителя «Гражданской и военной организации» — банковского деятеля Максим Блок-Макар и др.

Используя расхождения во взглядах между организациями сопротивления и внутри самого Националь-

ного совета сопротивления, Временное правительство, которое в первые дни по переезде в Париж не предпринимало никаких шагов без предварительного выяснения мнения Национального совета сопротивления, начало всё в большей степени отделяться от организаций сопротивления, а в ряде важных вопросов и противопоставлять мнению Национального совета свою политику. Программные заявления правительства и особенно его главы в ту пору не отличались определённою.

Временное правительство добивалось создания государственного аппарата, отвечающего его интересам. На освобождённых территориях роль властей, установленных народом, играли департаментские комитеты освобождения. Они вскоре почувствовали, как Временное правительство сокращает их сферу деятельности и под предлогом восстановления демократии и законности возвращает к власти бывших муниципальных чиновников, мэров и советников, а также членов генеральных советов, которые если и не были соучастниками изменнического режима Петэна, то в то же время и не проявили никакой патриотической доблести и утратили уважение сограждан. На почве ограничения функций департаментских комитетов освобождения между этими последними и правительством возникли серьёзные трения. Министр внутренних дел социалист Тиксье для получения какого-либо материала, порочащего членов комитетов, не останавливался даже перед использованием всякого рода полицейских донесений, сохранившихся от предшествующего режима.

Серьёзным ударом по департаментским комитетам освобождения явилось решение правительства о роспуске патриотической милиции. Вооружённые граждане, составлявшие патриотическую милицию, вылавливали шпионов и предателей, участвовали в обысках, боролись со спекулянтами. Когда правительство, не посоветовавшись с Национальным советом сопротивления, приняло решение о разоружении и роспуске патриотической милиции, то подавляющее большинство комитетов сошло во мнении о том, что эта мера окажется благоприятной только для изменников и коллаборационистов.

Идя дальше и нарушив собственный указ об организации государственной власти во Франции после освобождения, которым было предусмотрено, что вопрос о местной администрации Парижа и департамента Сены будет определён только по соглашению с Консультативной ассамблеей, Временное правительство 27 октября 1944 года взамен Парижского комитета освобождения создало временные органы управления Парижем и департаментом Сены. При этом Парижский комитет освобождения, весьма успешно справившийся с организацией жизни столицы, был не распущен, а расформирован в составе новых членов местной администрации.

Некоторые антидемократические круги убеждали правительство в том, что было бы вообще неплохо сразу покончить со всеми выросшими в сопротивлении институтами путём незамедлительного проведения всеобщих выборов.

Со своей стороны демократические круги, относившиеся неодобрительно к проектам проведения всеобщих выборов в обстановке войны и в условиях, когда свыше 3 млн. французов-избирателей находилось в плену или было угнано в Германию, считали возможным допустить выборы одних только муниципальных органов. Не предвещая вопроса о составе руководящих учреждений страны, эти выборы могли содействовать приведению низовых представительных звеньев государственного аппарата в соответствии с волей населения и избавить его от необходимости повиноваться назначенцам правительства.

На съезде представителей департаментских комитетов освобождения, происходившем в декабре 1944 г., обсуждалось положение в стране и было признано возможным проведение муниципальных и кантональных выборов. Съезд высказался за выставление на предстоящих выборах единых списков, содержащих общие кандидатуры всех организаций сопротивления.

Идея национального единства французского народа как важнейшего условия победы над фашизмом и возрождения Франции пользовалась признанием среди масс. Народ понимал, что прежде всего необходимо сосредоточить общие усилия на главных, узловых за-

дачах и не допустить развязывания взаимных конфликтов и столкновений. Подлаживаясь под соответственные стремления народа к единству перед лицом внешних и внутренних врагов, отдельные общественные круги, наиболее тесно связанные с коллаборационистами и мюнхенцами, под предлогом укрепления «единства нации» пытались добиться отказа от преследования предателей и прислужников немцев. В правительственных сферах также весьма охотно говорили о «французском единстве душ».

В связи с подобного рода настроениями влиятельная гренобльская газета «Аллоброж» писала: «Едва немцы были изгнаны из одной части нашей территории, как поднялся робкий, но многоголосный шопот в пользу «священного союза» между всеми французами. Кто требует этого? Люди, которые делали ставку на поражение и в июньской кампании 1940 г. получили реванш за избирательную кампанию 1936 г... Нужны ли нам для строительства новой Франции люди, которые на протяжении многих лет пытались уничтожить нашу родину? Республика, которую мы построили, — утверждала демократическая газета, — не может пойти на «священный союз», объединяющий Францию и анти-Францию и смешивающий воедино патриотов и предателей, идеалы и министерские портфели».

Рассуждения о «единстве нации», «священном союзе» и т. п. служили не только целям оправдания предателей и преступников, но также и изоляции КПФ, которая непрестанно требовала усиления чистки государственного аппарата и армии, наказания изменников и общего оздоровления политической жизни страны. Французские коммунисты были горячими приверженцами национального единства, но для них всегда вне нации и против неё стояли круги, эксплуатирующие и продающие народ. Продолжая политику борьбы за подлинно народное, национальное единство, начатую ещё на заре их политической деятельности, коммунисты выразили своё понимание задач в коротком, чётком лозунге: «Объединиться, сражаться, трудиться!» Они звали не к примирению, а к объединению во имя уничтожения фашизма путём борьбы и труда. «Сражаться и работать — таков наш закон, закон всех

французов и француженок, — говорил в январе 1945 г. на пленуме Центрального комитета КПФ Морис Торез. — Сражаться и работать, чтобы ускорить разгром гитлеровской Германии, обеспечить как можно скорее торжество демократии, подготовить возрождение демократической и независимой Франции, Франции, которую мы хотим сделать свободной, сильной и счастливой».

Моральный авторитет КПФ непрерывно возрастал. Первая в борьбе против фашизма, она была первой и в борьбе за возрождение страны, за общенародные интересы. «Мы, коммунисты, — говорил Торез на пленуме Центрального комитета КПФ, — не выдвигаем в настоящее время требований социалистического или коммунистического характера... Мы заявляем откровенно, что нашей заботой является только одно, потому что это одно является заботой народа: *как можно скорее выиграть войну*, сделать так, чтобы в наши очаги вскоре вернулась радость, а вместе с нею вернулись мир и свобода, чтобы вернулись те, кто отсутствует, и чтобы у нас снова было молоко для наших малышей, хлеб для наших стариков и стакан вина для всех».

Всё более широкому кругу простых людей становилось ясно, что КПФ является носителем величайших идей служения народу и воплощением его лучших творческих сил. Окрепшая в подполье, окружённая ореолом неуязвимой славы «партия расстрелянных», как звали в народе КПФ в память о жертвах, понесённых ею в борьбе, непрерывно и бурно росла. Вместе с рабочими и крестьянами в её ряды шли люди науки и искусства, такие, как великий учёный академик Ланжевэн и знаменитый художник Пабло Пикассо... Деятельность коммунистов, охватывавшая все стороны и сферы политической, производственной, культурной жизни страны, вдохновляла широкие круги народа. Всюду и везде коммунисты вносили выдающуюся творческую инициативу, неиссякаемую энергию, упорное трудолюбие. Естественно, что в организованных кругах рабочего класса росла и усиливалась тяга к единству, к единой партии пролетариата. Все эти процессы не могли не сказаться на тактике восстанавливавшейся социалистической партии.

Социалистическая партия в годы оккупации не понесла сколько-нибудь значительных потерь среди своих функционеров. Подавляющее большинство из них сумело отсидеться, некоторые приняли участие в сопротивлении, многие перешли на службу к Петэну — Лавалю. После освобождения большей части страны началось собирание отдельных организаций и восстановление членского состава социалистической партии. Существенное значение для укрепления позиций социалистов имело то обстоятельство, что их партию представляли в правительстве пять лиц: ле Трокер — министр освобождённых территорий, Андре Филипп — министр по связи между Временным правительством и Консультативной ассамблеей, Адриен Тиксье — министр внутренних дел, Лоран — министр связи и Танги-Прижан — министр земледелия.

В ноябре 1944 г. партийный съезд социалистов согласился с требованиями национализации и чистки государственного аппарата, исключил из состава партии группу ренегатов (Поля Фора, Спиноса и др.) и в соответствии с пожеланиями партийных низов высказался за обсуждение с коммунистами вопроса о создании единой рабочей партии. Руководящий комитет, избранный на съезде, выбрал генеральным секретарём партии Даниэля Мейера. В состав секретариата партии вошли преимущественно новые люди, в довоенное время не принадлежавшие к руководству партии. Некоторое обновление руководящих кадров социалистической партии внушало надежду на то, что партия избегнет повторения довоенной тактики и не отвернётся от интересов рабочего класса.

4 декабря 1944 г. в Париже, в помещении КПФ, начались официальные переговоры между делегациями социалистов в составе старого лидера Венсена Ориоля, Анри ле Трокера, Андре Филиппа и Рене Блюм и коммунистов в составе Жака Дюкло, Раймонда Гюйо, Этьена Фажона и Артюра Раметта. Странников сближения партий удивило, что социалистические делегаты состояли из людей с репутацией завзятых антикоммунистов. Но и эти последние, находясь под давлением партийных низов, высказались за установление

сотрудничества между обеими партиями в целях подготовки создания единой партии. На совещании было решено, что каждая из партий назначит своих представителей в особый согласительный комитет, который изучит вопрос о единой партии и будет поддерживать контакт между КПФ и социалистами.

Но наряду с тенденцией к сближению с коммунистами многие социалистические деятели были непрочь вернуться к политике изоляции коммунистов и углубления раскола рабочего класса. Пользуясь определённым влиянием в некоторых организациях сопротивления, они на съезде Движения национального освобождения 23—27 января 1945 г. ополчились против предложения Национального фронта о создании единой массовой непартийной патриотической организации и попытались превратить Движение национального освобождения в своего рода антикоммунистический оплот. Некоторые социалисты договорились о слиянии организации «Либерасьон» северной зоны, в которой они играли заметную роль, с «Гражданской и военной организацией» в единый «Трудовой союз». Инспираторы этого странного симбиоза рабочей по преимуществу группировки сопротивления с одной из реакционнейших его ветвей не скрывали своего желания создать новую партию, которая объединит «всех немарксистских социалистов». В январе 1945 г. «Трудовой союз», социалистическая партия и христианско-демократическое народно-республиканское движение заключили соглашение о координации действий. Таким образом, социалисты, с одной стороны, через согласительный комитет поддерживали связь с коммунистами, а с другой — вступали в сотрудничество с антимарксистскими группами, в том числе с католической партией христианских демократов.

Коммунисты издавна были сторонниками политики протянутой руки в отношении массовых католических организаций. Но единство действий с ними они допускали только в интересах народа, в интересах рабочих и крестьян. Социалисты же свои отношения к католикам строили на почве расчётов и комбинаций, серьёзных уступок в принципах.

Партия христианских демократов, сотрудничество с которой некоторые социалисты предпочитали единству действий с КПФ, до войны была мало влиятельной организацией, возглавлявшейся Шампателье де ля Риб. Занимая позиции на правом фланге «умеренных» партий, она была враждебна идеям социализма, но не чуждалась некоторых прогрессивных реформ. От других клерикальных организаций христианских демократов отличало умение использовать социальные проблемы и проявить достаточно гибкости для обеспечения влияния на религиозно настроенные группы рабочих.

Хотя в июле 1940 г. почти вся парламентская группа христианских демократов голосовала за установление режима Виши, трудящиеся католики в большинстве своём осудили политику измены и предательства. Постепенно вокруг христианских демократов объединилась часть некапитулянтских кругов буржуазии, принимавшей пассивное или активное участие в сопротивлении. Это обстоятельство наряду с антимюнхенскими настроениями многих христианских демократов привело к тому, что их партия оказалась единственной буржуазной партией, сохранившей и даже расширившей свои позиции. Немалое значение при этом имело и то, что отдельные христианские демократы играли видную роль в деголлевском движении. Несмотря на то, что сам де Голль и оставался вне партии, христианские демократы постепенно приобрели репутацию основной деголлевской партии. В кабинете де Голля, составленном после освобождения Парижа, они были представлены Бидо на посту министра иностранных дел, де Мантоном на посту министра юстиции, Тетженом на посту министра информации.

После освобождения большей части Франции христианские демократы объединились с некоторыми клерикальными группами в единую политическую организацию — Народно-республиканское движение («Мувэман републикэн популер» — МРП), в состав которой привлекли некоторые умеренные группировки сопротивления, лидеров христианских профсоюзов, старые политические группировки католического направления «Силлон», «Жен Републик» и др. Официальным органом МРП стала принадлежащая Франсиску Гэ и

выходящая с 1932 г. газета «Об». Сам Франсиск Гэ, участник группы «Силлон» и руководитель издательской фирмы с широкими связями в романских и латино-американских странах, занял видное место в руководстве МРП. Среди других деятелей этой партии надлежит упомянуть имена Мориса Шумана, до освобождения занимавшегося пропагандой для Франции через лондонское радио и ставшего фактическим руководителем газеты «Об»; Андре Колена, Робера Шумана, Мориса Герэна, Ферман Сульта, а также руководителей ВКТХ — Марселя Пуамбефа, Гастона Тиксье и др.

МРП всегда афишировала своё согласие с программой Национального совета сопротивления, но в трактовку каждого её пункта вносила своё собственное содержание.

Первостепенное дело чистки государственного аппарата и армии от «коллаборационистов» проходило так поверхностно, что многие изменники и предатели, преодолев первоначальный страх, открыто вернулись к антиреспубликанской деятельности. Министр юстиции де Мантон, на котором лежала вся ответственность за чистку, по мнению некоторых органов печати, проявлял больше заботы о подозрительных, чем рвения к выполнению возложенных на него задач. В результате из министерства внутренних дел, например, было уволено всего только 20 коллаборационистов, из министерства информации — 296 наиболее скомпрометированных предателей и т. д. Многие арестованные преступники и среди них бывший вишыйский премьер Фланден, фашист Тетенже, назначенный Петэном председателем парижского муниципалитета, и др. неожиданно оказывались на свободе.

В области экономической политики правительство ничего не сделало для наступления на крупный капитал. Даже организационные комитеты, созданные Петэном для укрепления монополий, сохранили своё существование. Вместо национализации крупнейших банков правительство заключало у них займы и тем самым впадало в зависимость от крупного капитала, К концу декабря 1944 г. было конфисковано всего немногим больше 5 млрд. фр. незаконных прибылей, полученных от торговли с врагом и от спекуляций,

тогда как французские предприниматели выполнили немецких заказов более чем на 800 млрд. фр. Национализация, проведённая в отношении нескольких предприятий и обществ, свелась лишь к установлению государственного контроля над работой этих предприятий и заведений.

Восстановление хозяйства происходило крайне медленно. Ряд важнейших отраслей производства стал давать меньше продукции, чем во время работы на немцев. Выплавка стали в декабре 1944 г. упала до 55 тыс. *t* в месяц, что соответствовало размеру производства стали в 1860 г. и было в 14—15 раз меньше довоенного уровня производства и в 3—4 раза меньше, чем при правительстве Виши. Сотни предприятий закрывались из-за недостатка сырья и топлива. Правительство объясняло развал экономики обстоятельствами военного времени и в первую очередь тем, что транспорт, находившийся во временном управлении союзного командования, почти не занимался перевозками для нужд Франции.

Действительные причины катастрофического состояния французской промышленности крылись в систематическом саботаже национальных интересов со стороны заправил крупных трестов. Срывая восстановление экономики, они рассчитывали показать, что любая попытка покушения на их привилегии бросит страну в пучину хаоса. Преступно игнорируя усилия трудящихся классов, финансисты и заводчики проводили политику нажима на (правительство, требовали от него антинародных мероприятий.

Само правительство не имело чёткой программы экономической деятельности. Министр экономики Мандес-Франс, радикал-социалист, был сторонником дефляционного курса, рассчитанного на укрепление франка, требовал контроля над прибылями, установления твёрдой заработной платы; министр финансов Плевен, деголлевец, предпочитал допущение умеренной инфляции как способа расширения производства путём возложения его издержек на потребительские круги и обесценения заработной платы. Не решаясь возложить тяготы восстановления на подлинных виновников несчастий Франции и на тех, кто сумел их использовать в целях обогащения,..

сохранив в частности установленные Петэном субсидии профессиональным школам, Временное правительство, задыхаясь от недостатка средств и растущего дефицита, пошло на увеличение цен на хлеб вдвое и тем самым ещё более ухудшило положение трудящихся.

Во многих случаях инициатива и организационные способности народных масс содействовали разрешению проблем, которые официальными органами считались неразрешимыми. Металлисты лионского завода Берлие, добившись заключения владельца предприятия в тюрьму, сумели сломить саботаж и наладить выпуск грузовых автомобилей. Завод, который управляется администратором, опирающимся на совет в составе одного представителя от общественных властей, одного представителя от инженеров и техников и двух рабочих делегатов, стал давать продукции на 25% больше, чем до войны, хотя персонал по сравнению с 1939 г. сократился на 10%.

В том же Лионе рабочие нашли огромные запасы сырья для текстильной промышленности, припрятанные саботажниками. В Тулузе рабочие сумели возобновить строительство самолётов, в Монлюсоне — производство вооружения; горняки упорно боролись за каждую новую тонну угля... С помощью рабочих организаций была разоблачена не одна махинация банков, закрывавших счета работающих предприятий, препятствовавших выдаче зарплаты; был раскрыт саботаж в Национальном обществе железных дорог, в течение длительного времени срывающий ответственные перевозки, и т. д. Но инициатива народа не получала поощрения властей.

Сравнительно холодная зима при отсутствии топлива, продовольствия и работы сделала невыносимо тяжёлым положение трудящихся классов. В одном только Париже ввиду закрытия заводов оказалось свыше 600 тыс. безработных. Голод и холод косили детские жизни. По продуктовым карточкам прекратились почти всякие выдачи, кроме хлеба. Зато организаторы народного голода на легализированном «чёрном рынке» по баснословным ценам свободно приобретали всякие деликатесы, устраивали пиршества в ресторанах, весёлые прогулки в Булонский лес.

Убедившись в своей безнаказанности, саботажники и реакционеры стали открыто выступать с притязаниями политического порядка. 15 февраля 1945 г. 200 бывших парламентариев из числа тех, кто в июле 1940 г. голосовал за установление диктатуры Петэна, собрались в помещении палаты депутатов и потребовали от Временного правительства отмены указа ФКНО о лишении их политических прав. Эти наглые претензии могильщиков Третьей республики, замышлявших поскорее похоронить возрождающуюся французскую демократию, нашли поддержку не только у части прессы, но даже в среде тех 80 депутатов, которые в июле 1940 г. были против отмены старой французской конституции. Подавая сигнал к наступлению на демократию, братья Вандель, заправили крупнейшего объединения французских металлопромышленников «Комитэ де Форж», разоблачённые журналом «Аксьон» в преступных связях с Герингом и активном содействии отторжению Лотарингии от Франции, предъявили в судебном порядке иск редакции журнала в размере 3 млн. франков в возмещение ущерба, причинённого им разоблачениями. Так как суд не только не пошёл по следам разоблачительных материалов «Аксьон», но обнаружил готовность заняться восстановлением репутации матёрых капитулянтов и коллаборационистов, то ещё восемь капиталистических компаний, примыкавших к «Комитэ де Форж», предъявили редакции «Аксьон» дополнительный иск общей суммой на 10 млн. фр.

Поощряемые терпимостью, активизировались фашистские круги. Известная фашистско-монархическая группировка «королевских молодчиков» возобновила открытую кампанию против республики. Им вторили всякие лавалевские и дориотистские подголоски, сколачивавшие партии и группировки и вербовавшие сторонников.

Опасная деятельность разворачивалась и за кулисами открытой политической сцены. В подполье опять зашевелились кагуляры, возобновились акты террора против демократов. В провинции, особенно в южных департаментах, бесчинствовали «коричневые банды» из остатков дарнановской милиции и «антибольшевистского легиона». Министерство внутренних дел в

течение зимних месяцев 1945 г. дважды сообщало о раскрытии крупных заговоров против республики.

Народом овладевало глубокое беспокойство за судьбу Франции. Трудящиеся массы города и деревни справедливо негодовали на принесение в жертву их насущных интересов в угоду окопавшимся изменникам и предателям. Они с волнением следили, как растрачиваются плоды их борьбы и победы. «Дело не идёт на лад», — говорили в среде рабочих и крестьян, перефразируя известное выражение времён Великой французской революции конца XVIII века, когда победоносные санкюлоты пели о том, что «дело идёт на лад» — *Ca ira*. «Дело не идёт на лад, — писал секретарь ВКТ Бенуа Фрашон, — потому что здесь упорствуют а недоверии ко всему, что исходит от народа. Ответственные посты доверяют «избранным», многим из них место в тюрьме, а не на той вышке, где они могут саботировать...» «Правительство всё более и более собирает вокруг себя всё, что отражает порядок вещей, осуждённый историей», — с горечью констатировал «Аксьон».

Недовольство политикой Временного правительства находило некоторое отражение в Консультативной ассамблее. В значительно расширенном составе она возобновила свои работы в Париже в ноябре 1944 г. Вскоре Ассамблее пришлось обратиться к вопросам, вызывавшим наибольший интерес со стороны общественности. Но Временное правительство, будучи независимым от Ассамблеи, не реагировало на её рекомендации. В феврале 1945 г., после трёхдневных прений по вопросу о чистке, большинство депутатов Ассамблеи выразило неудовлетворение действиями правительства. Экономическая политика правительства также не раз была предметом обоснованной критики с трибуны Ассамблеи. Эта критика стала особенно острой после того, как 2 марта 1945 г. Центральный комитет КПФ и руководящий комитет социалистической партии опубликовали совместный манифест с требованием осуществления программы Национального совета сопротивления и проведения национализации.

Серьёзное беспокойство в демократических кругах Франции вызывала и внешняя политика Временного

правительства. Деголлевы непрерывно утверждали, что они проводят политику «престижа» и добиваются укрепления независимости и возвеличения Франции. Но они явно не оценивали того обстоятельства, что величие Франции, как и всякой другой державы, могло явиться только производным от степени монолитности её внутренних сил и её вклада в общее дело войны против Германии.

Неразрешённость основных вопросов внутренней жизни служила серьёзным препятствием к укреплению международного положения Франции. Обозначившийся разрыв между Временным правительством и широкими кругами французского народа поощрял политику некоторых правительств, направленную к умалению интересов Франции и оттеснению её на позиции второразрядной державы. Этим тенденциям противостояла политика Советского Союза, который стремился видеть Францию сильной, независимой, демократической державой. Общность советско-французских интересов по коренным вопросам европейской политики, равно как и глубокие духовные связи, объединяющие русскую и французскую культуры, чувства взаимной симпатии и уважения, испытываемые в отношении друг к другу французским и русским народами, — всё это обеспечивало Франции сочувствие, понимание и поддержку со стороны СССР. По настоянию советского правительства три великие державы — СССР, Великобритания и США — 23 октября 1944 г. заявили о полном дипломатическом признании Временного правительства Французской республики.

Признание Временного правительства Французской республики было важным фактором укрепления внешнеполитического положения Франции. Но французская общественность справедливо считала, что сделан только первый шаг к возвращению Франции в среду великих держав. Она понимала, что положение Франции не будет устойчивым и прочным до тех пор, пока Франция на время войны и на послевоенный период не установит тесных связей с теми из стран мира, политика и интересы которых наиболее близки к интересам и нуждам французской безопасности. Неизмеримо возросший за годы войны вес Советского Союза в

международных делах, его решающая роль в спасении европейской цивилизации, беспримерный героизм советского народа и последовательная приверженность Советского Союза идеям прогресса, мира и демократии делали подавляющую часть французов глубокими сторонниками союза Франции с СССР. К тому же горькой ценой купленный опыт показывал, что как раз пренебрежение к дружбе с СССР, саботирование договора о взаимопомощи с ним и попустительство агрессии в надежде, что она минет Францию и обрушится именно на Советский Союз, оказались катастрофическими. Поэтому все прогрессивно настроенные французы, способные понять подлинные интересы своей родины, безоговорочно и настойчиво требовали исправления ошибок прошлого и подведения прочного фундамента под международное положение Франции путём заключения советско-французского союза. Типичное для большинства французов отношение к идее советско-французского союза было удачно выражено неким генералом Дассо в статье, опубликованной в газете «Патри». «Французский солдат, — писал Дассо, — стоит немецкого солдата. Это — факт, который был доказан в сражении у Иены, в битве на Марне и в войне, которую мы теперь выигрываем. Почему же на нас обрушилось поражение в 1939—1940 гг.? Причин много, но одна из них совершенно несомненна. Это — отсутствие эффективного союза с Россией. Чтобы стремиться к союзу с Россией, не надо быть коммунистом, достаточно быть честным французом». Под давлением различных политических кругов де Голль и Бидо совершили поездку в Советский Союз. Переговоры французских представителей с Председателем Совета Народных Комиссаров И. В. Сталиным и народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым подтвердили наличие общих интересов у обеих стран. В результате этих переговоров, 10 декабря 1944 г. в Москве произошло подписание договора о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской республикой.

Советско-французский союзный договор констатировал решимость обеих стран совместно вести до победоносного конца войну против Германии и заложить прочные условия для поддержания мира в течение наи-

более длительного периода. В тексте договора отмечалось, что его заключение отвечает чувствам и интересам народов СССР и Франции и находится в полном соответствии с общими целями Объединённых наций. Предусматривая продолжение войны до окончательной победы над Германией и исключая какие-либо переговоры с ней без взаимного согласия договаривающихся, а также предусматривая совместные действия обеих стран для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, советско-французский договор, заключённый на двадцать лет, создавал прочные условия сотрудничества Франции и СССР в обуздании германской агрессии. Значение договора выходило за рамки установления совместной политики в отношении Германии, так как обе страны обязались не заключать каких бы то ни было союзов и не принимать участия в каких бы то ни было коалициях, направленных против одной из них.

Во Франции советско-французский договор о союзе и взаимной помощи приветствовался как выдающееся событие, способствующее возрождению и укреплению страны и возвращению её в число подлинно великих держав.

Проводя последовательную политику союза с Францией, СССР добился благоприятных для Франции решений на Крымской конференции руководителей трёх великих держав. В частности по инициативе советского правительства руководители СССР, США и Великобритании договорились о привлечении Франции к предстоящей по окончании войны оккупации Германии войсками союзных держав, а также решили предложить Временному правительству Французской республики принять участие в приглашении других Объединённых наций на международную конференцию в Сан-Франциско.

Но французское правительство и после заключения советско-французского союза продолжало вести политику, мешающую Франции извлечь все выгоды из союза с СССР. Вступив в сношения с Польским Комитетом Национального Освобождения и обменявшись с ним представителями, французское правительство продолжало сохранять отношения с лондонским польским эмигрантским правительством и оказывать

покровительство его профашистской деятельности на территории Франции. Осложнения, вытекавшие для Франции из этой непринципиальной политики, усиливались всякого рода дезинформацией о Советском Союзе и сто политике, которая находила своё место даже на страницах официальных изданий и в сообщениях официальных учреждений. То равнодушие к союзным отношениям с СССР, которое проявлялось де Голлем, вдохновляло различные антисоветские круги на пропаганду взглядов, прямо противоположных советско-французскому союзу. По мере приближения конца войны усилилась пропаганда об «опасности», которую якобы таит победа над Германией, и о необходимости для Франции проведения политики сближения со странами, не составляющими «славянскую общность».

Не могло способствовать укреплению позиции Франции и то, что она отклонила честь выступить в числе держав-участниц конференции в Сан-Франциско; на самой же конференции французская дипломатия не способствовала привлечению в организацию Объединённых наций демократической Польши — естественного союзника Франции.

Недовольство народа внешней политикой Временного правительства наряду с серьёзным разочарованием, вызванным его внутренней политикой, нашло своё выражение на муниципальных выборах 29 апреля и 13 мая 1945 г. Выборы происходили по мажоритарной системе, согласно которой избранным считается кандидат, получивший абсолютное большинство голосов. В тех же случаях, когда ни один из кандидатов не получает абсолютного большинства голосов, проводится второй тур выборов, после которого избранным считается кандидат, получивший относительное большинство. Следует иметь в виду, что при мажоритарной системе выборов теряются голоса и не получает никакого представительства значительная часть избирателей и большое значение приобретает практика избирательных блоков, заключаемых ради получения большинства голосов.

Несмотря на то, что выборы муниципальных советов — органов местной власти, наделённых весьма ограниченными правами, — не могли иметь решающего влияния на дальнейшее развитие Франции, они превра-

тились в крупнейшее событие в политической жизни страны. Значение их заключалось в том, что на этих выборах — первых после освобождения — должно было обнаружиться настроение населения и должен был проявиться «политический климат» Франции. Все партии и группировки принимали деятельное участие в предвыборной кампании. Никогда до тех пор Франция не знала такого обилия организаций, выставивших собственных кандидатов и пытавшихся отстаивать собственные программы. В отдельных округах Парижа было зарегистрировано до 22 списков кандидатов, а в целом выставлено около полутора тысяч кандидатов на 90 мест членов столичного муниципалитета. Было ясно, что реакционные круги, не имея возможности рассчитывать на успех реставрированных партий довишнейской поры, пытались уловить голоса избирателей в пользу многочисленных новых образований, стремились усилить распылённость политических сил, увеличить расхождение между демократическими партиями и усилить позиции переживших и размножившихся антинародных групп. В этих условиях серьёзнейшее значение приобретало установление единства между демократическими партиями и группировками.

В вопросах избирательной тактики социалисты, несмотря на существование согласительного комитета с КПФ, отклонили предложение об общих списках со всеми последовательными антифашистскими партиями и договорились о единстве действий лишь с некоторыми умеренными и даже реакционными группировками. В оправдание своей тактики лидеры социалистов говорили, что составление общих списков с КПФ могло бы толкнуть «мало подготовленную массу избирателей вправо». Как раз стремясь оградить избирателей от маневров реакции, значительное число департаментских федераций социалистической партии не согласилось с решениями своего руководства и выступило на выборах совместно с организациями КПФ.

Всюду, где это представлялось возможным, КПФ выступала организатором блока всех республиканских антифашистских организаций в единый «Патриотический республиканский и антифашистский союз». Кандидатские списки, выставленные КПФ, включали

представителей всех прогрессивных слоев населения. В первом секторе Парижа, например, среди кандидатов «Патриотического союза» были: секретарь Центрального комитета КПФ Леон Мовэ, профессор Поль Ланжевен, учительница Мариа Рабат, торговка Франсуаз Флажолла, профессор Ивет Ниф, столяр Андре Барр и др., во втором секторе Парижа — член Центрального комитета КПФ, главный контролёр почт, телеграфа и телефона Анри Гурдо, шофёр Летер, доктор Пьер Рук, бывший директор Академии изящных искусств Жозеф Бийэ, работница-металлистка, член Парижского городского комитета КПФ Симона Ренар и др. В Марселе, Тулузе, Бордо, Дижоне, Ницце и многих других местах по спискам «Патриотического союза» проходили и социалистические кандидаты. В двадцати семи коммунах департамента Сены и в ряде других мест социалисты блокировались с христианскими демократами против «Патриотического союза». Особенно резкую антикоммунистическую позицию заняли руководители лионских социалистов во главе с Андре Филиппом. В то же время в Лионе в списках «Патриотического союза» заметное место принадлежало деятелям радикал-социалистской партии.

Возобновившая свою деятельность после освобождения Франции радикал-социалистская партия выступала как непрочная коалиция нескольких немногочисленных фракций. Лучшие её традиции, восходившие к Народному фронту, представляли группы, возглавляемые Пьером Кот, Альбером Байе и др. Группа Поля Бастида, связанная с газетой «Орор», во многих актуальных вопросах смыкалась с правобуржуазными партиями — «Демократическим альянсом» и «Республиканской федерацией». Христианские демократы в большинстве случаев также не выступали самостоятельно и практиковали самые причудливые блоки с различными умеренными и правыми группами, а также с социалистами. Из новых формирований, участвовавших на выборах, наиболее заметным была партия «республиканского обновления». Оформившаяся только 16 апреля 1945 г., она объединила значительную часть кадров деляроковской «французской социальной партии»; её лидерами выступали Андре Мюттер и Барашэн.

Непосредственно перед муниципальными выборами гитлеровцы предприняли попытку активизировать сохранившиеся фашистские силы и испытать уступчивость и прочность французской демократии: во Францию через Швейцарию добровольно прибыл первый изменник Петэн. О том, что его приезд был результатом политической диверсии, разработанной где-то в недрах нацистских центров, говорило хотя бы то, что для проводов Петэна на германо-швейцарскую границу явился сам пресловутый Абец. На франко-швейцарской границе Петэна ожидал специальный поезд, в котором на положении почти что почётного гостя он был доставлен в Париж и помещён в форте Монруж.

Хотя прибытие Петэна и оживление вишийских элементов внесли серьёзные осложнения в политическое положение Франции, муниципальные выборы прошли в обстановке спокойствия. Между первым и вторым турами выборов произошли величайшие события: Красная Армия овладела Берлином, и гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала. Тот самый Кейтель, который летом 1940 г. продиктовал Франции от имени Гитлера условия Компьенского перемирия, теперь подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. Присутствие представителя Франции при учинении этого акта символизировало её возвращение в среду великих держав.

Второй тур муниципальных выборов, проходивший в дни, когда Европа вступила в период мирного развития, как бы вводил Францию в новую полосу политического развития. Тем самым муниципальные выборы, начатые в дни войны и закончившиеся в первые дни мира, приобрели особое политическое значение. Их результаты сводились к следующему: из 957 общин (с населением в каждой свыше 4 тыс. человек), в которых проживала большая часть населения страны, коммунисты получили большинство в 171 муниципалитете (вместо 90 после муниципальных выборов 1935 г.), социалисты — в 153 (вместо 169), коммунисты и социалисты совместно — в 134 общинах, организации сопротивления — в 137 общинах, христианские демократы — в 24 общинах (вместо 9), радикал-социалисты — в 55 (вместо 222), «Демократический альянс» — в 27

(вместо 146) и т. д. Таким образом, если в результате муниципальных выборов 1935 г. коммунисты и социалисты располагали большинством в 279 больших коммунах, а крайние правые партии — в 484 больших коммунах, то муниципальные выборы 1945 г. дали коммунистическо-социалистическое большинство в 458 и в 110 крупных коммунах большинство правым.

Оценивая народное волеизъявление, агентство Франс-Пресс писало: «Результаты муниципальных выборов вызвали некоторое удивление в правительственных кругах. Серьёзные успехи коммунистов и провал бывших умеренных партий — вот два факта, которые вытекают из этой народной консультации. Создаётся впечатление, что страна больше всего желает выразить своё доверие партиям и людям, которые в рядах сопротивления вели энергичную борьбу против немцев и режима Виши». Несомненно, выборы оказались серьёзным предостережением для тех, кто хотел вернуться к старому, и показывали, что широкие круги французского народа, осуждая политику бездействия и проволочек, преисполнены стремления обновить страну в демократическом духе.

8. РЕАКЦИЯ ПОКУШАЕТСЯ НА НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Окончание войны и устранение внешней опасности привели к распаду общности интересов, связывавших различные социальные и политические группы Франции в период сопротивления и борьбы за освобождение страны. Расхождения во взглядах по вопросам ведения войны, занимавшие центральное место в политической жизни предшествующего периода, перестали играть роль, и на первый план выдвинулись задачи, связанные с осуществлением и закреплением целей, во имя которых шла многолетняя кровавая война. Несмотря на формальное единство задач, провозглашённых в период испытаний и катастроф всеми антивишійскими кругами, подлинные интересы различных классов и партий резко расходились между собой. Одни из них добивались восстановления довоенного положения или состояния близкого к нему, другие

стремились к коренным, структурным изменениям в политическом строе и экономическом положении Франции.

Народ полагал, что победоносное завершение войны Объединённых наций против фашистского блока агрессивных стран позволяет заняться преобразованием Франции на основах прогресса, демократии, благосостояния и мира. Буржуазные круги даже из числа прогрессивных элементов в своих планах не шли дальше признания необходимости ликвидировать некоторые порочные черты Третьей республики и в Четвёртой республике собирались не только сохранить свои привилегии, но и укрепить гарантии своего господства. Народ же хотел видеть в Четвёртой республике государство трудящихся и свободных граждан. Столкновение интересов в борьбе за будущее Франции между демократизмом народных масс и псевдодемократией буржуазии становилось неизбежным.

Политическую обстановку во Франции осложняли два весьма важных обстоятельства: 1) доминирующей военной силой в стране являлись британские и американские войска; 2) опираясь на свои союзнические связи и поддержку капиталистов, господствующее положение в стране занимали деголлевские элементы, объединявшие людей разной партийной принадлежности; особенностью деголлизма того времени являлось то, что свой консерватизм он прикрывал заявлениями о готовности к крупным реформам, использовал свои связи с Движением сопротивления.

Муниципальные выборы, происходившие на переломном этапе от войны к миру, показали, что, несмотря на расхождения в существенных частностях, подавляющее большинство избирателей отдало свои голоса партиям, выразившим согласие с программой Национального совета сопротивления. Ловко маневрируя, Временное правительство и генерал де Голль, который под благовидным предлогом военного времени препятствовал осуществлению этой программы, в глазах широких кругов продолжал оставаться её сторонником. Такое двусмысленное положение не могло долго продолжаться. К тому же временный режим не удовлетворял ни имущие классы, ни трудящихся города и деревни.

31 мая 1945 г. де Голль заявил, что, поскольку война окончилась и работа по репатриации военнопленных и высланных приближается к успешному завершению, ему представляется необходимым произвести всеобщие выборы в стране до конца текущего года. Одобренное советом министров заявление главы Временного правительства умалчивало о том, что будет собою представлять орган, избранный на основе всеобщего голосования, и будет ли он обладать конституционными правами. По мнению демократических элементов, не могло быть сомнений в том, что для установления прочной государственной власти необходим созыв Учредительного собрания. Но правая печать, весьма разросшаяся за недели, следующие по окончании войны, частью выступала вообще против созыва Учредительного собрания, а частью настаивала на ограничении его функций и на сведении его до роли совещательного органа при правительстве.

О том, что Временное правительство не собиралось прислушиваться к мнению народных масс, говорило упорное противодействие де Голля предложениям о реорганизации кабинета в соответствии с результатом муниципальных выборов. После длительной проволочки, 31 мая 1945 г. министр информации Тетжен получил портфель министра юстиции вместо де Мантона, а выбывших из кабинета де Мантона и министра снабжения Рамадье заменили: на посту министра снабжения — Кристиан Пино, социалист, бывший заместитель генерального секретаря ВКТ, и министра информации — Жак Сустель, один из старейших сотрудников де Голля, в своё время заведывавший центральной службой информации при Комитете Свободной Франции в Лондоне. Откликаясь на эти назначения, Политбюро КПФ констатировало, что «изменения в составе правительства не отвечают ожиданиям народа...»

Не считаясь с ожиданиями народа, Временное правительство проявляло внимание и заботу к коллаборационистам. Многие из них продолжали пополнять непомерно разбухавший государственный и военный аппараты и усиливали в них дух паразитизма, отчуждённости от народа, ненависти к демократии. При поощрении властей активную политическую деятельность

смогла возобновить целая плеяда «могильщиков Франции». Даладьё тотчас же по возвращении из немецкого концентрационного лагеря возобновил превозношение своей катастрофической политики; Поль Рейно, бесстыдно отрицаая, что только случайные обстоятельства воспрепятствовали приобщению его к правящему лагерю вишійской клики, стал носиться с планами создания сильной реакционной партии, а Леон Блюм вернулся к своей повседневной борьбе против марксизма и инсинуациям по адресу КПФ. Поощрение виновников катастрофы и прислужников врага зашло так далеко, что имели место скандальные случаи награждения лиц, служивших предателям.

Сам первый изменник Петэн получал возможность из призрачного заключения использовать радио и столбцы правых органов печати для своих гнусных статей, которыми он мобилизовал своих сторонников. Нашлись газеты, взявшие на себя защиту Петэна. Когда же в конце концов начался судебный процесс над Петэном, то совместными усилиями защиты, подсудимого и суда он был превращен в трибуну антиреспубликанской пропаганды. Несмотря на все уловки, суд не смог уклониться от вынесения Петэну смертного приговора. Тем большим вызовом демократии и патриотизму явилось решение де Голля о помиловании первого изменника и о замене ему смертной казни пожизненным заключением. «Не приведённый в исполнение приговор, — писал выдающийся французский писатель Жан-Ришар Блок, — означает воскрешение политики двойной игры, означает амнистию вишійцам, означает успехи фашизма, возможность для «пятой колонны» поднять голову».

Всё глубже забираясь в органы управления, коллаборационистские круги особенно прочно держались в экономической сфере. Сохранив вишійские «производственные комитеты», деголлисты обеспечили неизбежность положения крупнейших монополий и трестов. Их оружием борьбы против демократии и программы преобразования Франции явился саботаж производственных усилий рабочего класса, создание финансовой неурядицы и углубление товарного голода. Несмотря на ограбление Франции, немцы нанесли относительно

небольшой ущерб основным отраслям французской промышленности. Угольные шахты и их оборудование сохранились. Крупная металлургическая промышленность потеряла менее 10% своего довоенного потенциала. Рабочие организации проявляли чудеса инициативы, добиваясь возобновления производства и борясь против экономического упадка. Федерация металлистов, например, ещё 17 апреля 1945 г. представила в министерства производства и труда план восстановления и пуска 38 домен и 5 коксовых заводов. Но эти и другие предложения рабочих, равно как и план восстановления, разработанный КПФ, не были приняты во внимание.

Рабочий класс Франции прекрасно отдавал себе отчёт в том, что его судьбу и судьбу его родины решает самоотверженный труд. По призыву коммунистов, бывших первыми в сопротивлении и ставших первыми в возрождении, рабочие налаживали работу транспорта, добычу угля, выпуск готовых изделий. «Величие Франции надо воссоздать, — говорил Торез, — и величие Франции будет измеряться размерами и качеством нашего промышленного производства». 20 мая 1945 г. Центральный комитет КПФ выпустил манифест, призывавший к сплочению французских сил ради возрождения родины под знаком демократии и прогресса.

Срывая промышленное возрождение Франции, реакционные силы не останавливались перед прямым вредительством, портили оборудование и сырьё, уничтожали целые предприятия, как это случилось с реквизированными по требованию министра авиации Тайона авиадвигательными заводами «Гном э Рон». Тяжёлый груз хозяйничанья монополий и солидарности с ними многих звеньев администрации толкал Францию в пропасть экономической катастрофы. В августе 1945 г., много месяцев спустя после освобождения большей части страны, вместо ПО доменных печей, работавших до войны, и 38 домен, намеченных рабочими к пуску, ещё в апреле 1945 г., действовало только 12 домен; производство стали, чугуна и проката составляло соответственно 25%, 21% и 32% от довоенного уровня, производство тканей — 26% и т. д. С полным основанием Бенуа Франшон, один из руководителей ВКТ, писал в распространённой парижской газете «Се суар», ре-

дактируемой Луи Арагоном: «При нынешнем положении вещей экономическое возрождение ни в коей мере не зависит от огромного большинства французов и их усилий. Несколько всемогущих ростовщиков, многие из которых были ревностными прислужниками захватчиков, могут затормозить работу миллионов патриотов...»

Особенно тяжёлым было положение в угольной промышленности. Несмотря на значительные запасы угля в недрах Франции, своекорыстная политика трестов, заинтересованных в создании постоянного напряжённого положения с топливом, приводила к тому, что довоенная Франция импортировала почти $\frac{1}{3}$ потребного ей количества угля. Как в период окончания войны, так и в послевоенные месяцы импортные возможности оказались совершенно минимальными и французскому хозяйству пришлось ориентироваться всецело на уголь отечественного происхождения. Но среднесуточная добыча, которая до оккупации страны составляла 160 тыс. *t*, а при немцах колебалась вокруг 130 тыс. *t*, в течение последних месяцев 1944 г. и первых пяти месяцев 1945 г. не поднималась выше 97—98 тыс. *t* в сутки. Зависимость промышленности, транспорта и бытовых нужд от угля принудила правительство ещё в конце 1944 г. прибегнуть к такой необычной для него мере, как национализация угольной промышленности департаментов Нор и Па-де-Кале. По условиям проведения этой меры бывшие собственники сохранили гарантированные государством доходы и оказались в состоянии и в дальнейшем влиять на положение в углепромышленности, которая продолжала оставаться самым узким местом французской экономики.

Состояние сельского хозяйства также было таково, что продовольственный баланс страны продолжал непрерывно ухудшаться. По основным продуктам (зерно, мясо, молоко и пр.) производительность сельского хозяйства сократилась примерно на 25%, по производству сахара — даже на 50%, а по вину — на 15—20%. Сельскохозяйственное оборудование изнашивалось и устарело, из-за недостатка удобрений почва истощилась, урожайность катастрофически падала. К тому же крестьяне, связанные в своей деятельности контролем вишийских учреждений, сохранённых и после освобождения

Франции, не видели стимулов для увеличения производства. На городских рынках неизменно господствовали перекупщик и спекулянт. О том, каким социальным бедствием стала спекуляция, можно судить хотя бы по тому, что в 1945 г. органы экономического контроля составили 302 213 протоколов о нарушениях в области торговли и наложили на 1 779 млн. фр. штрафов; кроме того, судами за спекуляцию было вынесено 5 109 приговоров к тюремному заключению и 9 950 приговоров к штрафу на сумму 2 030 млн. фр., конфисковано товаров на 62 млн. фр. Кроме того, префектуры закрыли 3 300 магазинов и запретили 622 торговцам заниматься торговлей. Но все эти меры не меняли того положения вещей, что городской потребитель, нерегулярно и не в полном размере обеспечиваемый лишь ничтожными нормированными выдачами, всецело находился в зависимости от чёрного рынка. Тяжёлое продовольственное положение порождало недовольство и беспорядки даже в летние и осенние месяцы относительного изобилия.

Экономическое состояние Франции было таково, что задача хозяйственного восстановления могла быть решена только путём наступления на позиции трестов и монополий и мобилизации капиталов, находящихся в частных руках. В то время как неотложные потребности промышленности требовали капиталовложений в 5—6 млрд. золотых франков, золотой запас Французского банка составлял до 6,5 млрд. золотых франков, а золотые запасы, находящиеся в частных руках, исчислялись не менее чем в 4 млрд. золотых франков. Но возложение тягот восстановления на капиталистические круги было чуждо политике правительства де Голля. Другая возможность — переложение тягот по ликвидации последствий немецко-вишийского господства и предпринимательского саботажа на трудящиеся массы, к чему упорно подталкивали де Голля люди «200 семейств», — была чревата серьёзными политическими потрясениями и полной потерей доверия к кабинету со стороны широких масс. Поэтому, избегая нажима на крупный капитал и опасаясь завинтить процесс, давящий на трудящееся население, Временное правительство предпочитало стать на путь получения иностранных займов и усиления зависимости Франции от американского

и английского капиталов. Для того чтобы оправдать эту политику, чреватую потерей экономической независимости страны и сохраняющую значительные позиции за отечественной финансовой олигархией, еженедельник «Экономи», орган финансовых воротил, развязно утверждал: «Без посторонней помощи Франция не может подняться из развалин. Она нуждается в помощи Америки и Англии».

Ещё в феврале — марте 1945 г. Франция заключила ряд важных торговых и финансовых соглашений с США и Англией, а также с Бельгией, Голландией и Люксембургом. Сыграв известную роль в преодолении внутреннего кризиса недопроизводства, эти соглашения не смогли оздоровить экономику Франции, так как коренные причины её застоя и развала заключались во внутривнутриполитическом положении страны. В (поисках дополнительной помощи де Голль в августе 1945 г. совершил поездку в США. Но американцы, вовсе не настроенные альтруистически, выставили такие условия компенсации за свою поддержку, что де Голлю не удалось достигнуть никакого существенного соглашения. О характере американских контрпредложений можно догадаться по тому исключительному интересу, который был проявлен на пресс-конференции де Голля в Вашингтоне к вопросу о дальнейшем положении Индо-Китая и ряда военно-морских баз. Позднее газета «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм» писала: «Если Франция предоставит нам несколько солидных морских и воздушных баз, мы, пожалуй, сможем с ней договориться». Неудачный заокеанский визит де Голля вновь оживил планы создания «западного блока». Проекты политического и экономического объединения ряда западноевропейских государств, восходящие к старым планам Соединённых Штатов Европы, Пан-Европы и прочих аналогичных образований, неоднократно возбуждались печатью почти всех европейских стран как в годы войны, так в особенности по её окончании. Особенное единодушие в этом вопросе демонстрировала английская пресса, усиленно развивавшая идею блока Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии, Италии, Испании, Португалии и некоторых других стран. Во Франции также многие влиятельные группы время от

времени высказывались за политико-экономическое объединение Западной Европы.

Обострившиеся летом и осенью 1945 г. франко-английские разногласия по ближневосточным делам более резко определили внешнеполитическую ориентацию различных французских политических партий. Наиболее уступчивую позицию по отношению к британскому империализму обнаружили верхи социалистической партии. Рассчитывая на поддержку лейбористов, они признали руководящую роль Англии в послевоенной Европе и охотно отводили Франции подчинённое положение. В органе Андре Филиппа «Сите ле суар» Гарольд Ласки, председатель исполнительного комитета лейбористской партии, неоднократно излагал английские взгляды на «западный блок». Он выражал надежду на то, что Франция и Англия «установят общую единую монету, создадут единую сеть коммуникаций, торговую авиацию, торговый флот, железные дороги» и в конечном счёте создадут «своего рода сообщество и в политической области». Словом, по меткому замечанию «Юманите», речь шла о том, чтобы сделать Францию «первым доминионом другой великой державы».

Со времени избирательной победы лейбористов французские социалисты усилили свои попытки приспособить французскую политику к британской политике. Леон Блюм всячески расписывал те прелести, какие Франции может принести «западный блок» или «западная семья», как он иногда стыдливо выражался. При этом социалисты без стеснения придавали антисоветскую окраску своей пропаганде англо-французского альянса. Игнорируя союз Франции с СССР и весь печальный опыт французской предвоенной политики, «Попюлер» утверждала: «Франция останется в изоляции до тех пор, пока она не заключит союзного договора с Англией». В стремлении во что бы тонн стало привязать Францию к изрядно потрёпанному бурями кораблю Британской империи лидеры французских социалистов обнаруживали готовность жертвовать национальными интересами Франции. Ложно информируя французский народ о политике Советского Союза по отношению к Франции, они умалчивали о той поддержке, которую Франция встречала у советского правительства, и даже попытались скрыть от

читателей своей печати высокую оценку, которую И. В. Сталин дал действиям французской авиационной части «Нормандия — Неман» в связи с её возвращением из СССР во Францию.

Значительная часть правых кругов относилась к планам «западного блока» гораздо сдержаннее, чем социалисты, и не закрывала глаза на те серьёзные опасности, которые таит для Франции подобный курс на признание английской гегемонии. Что касается МРП, то эта партия ставила своё отношение к «западному блоку» в известную связь с разрешением вопроса о Германии. Если социалистические лидеры выступали против присоединения к Франции каких-либо пограничных районов Германии и за интернационализацию её естественных ресурсов в плане, наиболее благоприятном для английских интересов, то МРП считала необходимым обеспечить децентрализацию Германии, добиться возвращения Франции Саарского бассейна, учредить контроль над Рейнско-Вестфальской областью, включая Рурский каменноугольный бассейн, и отделить их от остальной Германии, а также провести в пользу Франции существенные изменения на франко-германской границе. Позиция МРП в отношении Германии расходилась с линией Англии на сохранение германского империализма. Несомненно также, что взгляды лидеров МРП на германский вопрос находились в полном противоречии с их же политикой во французской оккупационной зоне Германии, где оккупационная администрация рьяно поддерживала германские реакционно-империалистические элементы, особенно католического направления. Таким образом, практически расхождения между французской и английской политикой в Германии были не столь уж значительны.

Когда комиссия по иностранным делам Консультативной ассамблеи приняла резкую резолюцию против испанского фашиста Франко и против сохранения с ним дипломатических отношений, руководители французской политики поспешили тогда официально известить франкистское правительство о неизменности своих отношений к Мадриду.

Помимо политической антипатии к народным режимам, недоброжелательное отношение к восточно-

европейским демократиям отражало взгляды крупного французского капитала, проявлявшего серьёзный интерес к румынской нефти, польскому углю и польским железным дорогам, югославским рудникам, чехословацкой военной промышленности. Согласно сведениям еженедельника «Марсейез», до войны во главе административного совета общества заводов Шкода стояли три крупных французских дельца — Шнейдер, ле Перк и граф де Буасье. Шнейдер продолжает находиться среди воротил «200 семейств», ле Перк умер, будучи министром финансов в кабинете де Голля, а граф де Буасье породнился с главой правительства, женив своего сына на его дочери. Мало того, заводы Шкода контролировались банком «Юнион эропеен индустриэль э финансьер», который входит в систему банка «Юнион паризьен»; заместителем же директора этого банка является Пьер де Голль, родственник главы правительства. «Таковы французские интересы, — заключает «Марсейез», — уступленные Герингу во время Мюнхена и официально предъявленные теперь, когда возрождающаяся Чехословакия национализировала заводы Шкода».

С критикой внешнеполитических взглядов МРП, являвшихся, как правило, отражением правительственного курса, выступали некоторые группы радикал-социалистов. Они упрекали Бидо и других в непонимании реальной международной обстановки и тенденций общественного развития и в увлечении системами, грозящими Франции. Не будучи едиными, радикалы расходились в оценке текущих задач французской внешней политики, но в большинстве своём тогда осуждали планы создания «западного блока».

Французские коммунисты, равно как и другие последовательно-демократические круги, решительно выступили против планов создания «западного блока», как втягивающих Францию в политику раскола единства между великими державами, угрожающую французскому суверенитету и отношениям Франции с СССР и США. «Наша страна, — писал Конью в «Юманите», — нуждается во внешней политике, основанной на мире и постоянстве, скреплённых дружбой между тремя великими державами. Не понимать этого — значит ничего не

понимать в нашей национальной политике». Требуя для Франции политических, территориальных и экономических гарантий безопасности, коммунисты считали лучшим выражением её национальной политики тесное сотрудничество с Англией и США и прочный франко-советский союз, дополненный союзом с Польшей, Чехословакией и другими странами и обеспечивающий создание железного кольца против угрозы возрождения германского империализма.

Растущие разногласия между французскими политическими партиями по внешнеполитическим проблемам были только частью той постепенной поляризации сил, которая выявлялась во Франции в связи со всем комплексом стоящих перед ней сложных вопросов. Одним из проявлений обостряющегося политического положения в стране явился раскол, произошедший в начале июня 1945 г. в организации Движения национального освобождения. Большинство членов этой организации, издавна противопоставлявшей себя подлинно республиканско-патриотическим объединениям, пошло на федерирование с ОСМ и с «Либерасьон» северной зоны и с некоторыми другими группами и создало «Демократический социалистический союз сопротивления» («Юнион демократа к социалистик де ла резистанс» — ЮДСР). Организаторы ЮДСР — Клодиус, Бомель и др. — заявили о своей готовности сотрудничать с христианскими демократами и социалистами, но только не с другими партиями. К ЮДСР тотчас присоединились многие министры, тесно связанные с де Голлем, — Жак Сустель, Френе, Капитан, Пароди, Дьетельм, Лакост. Руководящий комитет социалистической партии со своей стороны одобрительно отнёсся к созданию ЮДСР. Было ясно, что новая организация пытается играть роль постоянного прочного моста между социалистами и МРП и противопоставляет себя массовым организациям, группирующимся вокруг КПФ.

Меньшинство Движения национального освобождения, руководимое Эмануэлем д'Астье, Альбером Байе, Пьером Эрве, обратилось к подлинно республиканским патриотическим организациям сопротивления с предложением об объединении на основе борьбы за осуществление программы Национального совета сопротивления..

После обсуждения этого предложения руководящими инстанциями Национального фронта, постоянно выступавшего за единение на принципиальной демократической основе, Организацией бывших военнопленных и угнанных в Германию, КПФ, ВКТ, Союзом французских женщин, а также части радикал-социалистов и некоторых других групп было образовано «Объединённое движение возрождения Франции» («Муэман юнифие де ля ренессанс франсез» — МЮРФ). Таким образом, организации, вышедшие из Движения сопротивления в целом, разделились на два больших лагеря, представлявших две основные тенденции в политической жизни Франции.

Формально руководящей инстанцией всех организаций сопротивления продолжал оставаться Национальный совет сопротивления. Организации, входившие в оба объединения, приняли участие в Генеральных штатах французского возрождения, заседавших в Париже 11—14 июня 1945 г.

Идея о созыве Генеральных штатов из представителей Движения сопротивления зародилась ещё осенью 1944 г. и была горячо поддержана в демократических кругах. Созыву Генеральных штатов предшествовала обширная работа по разработке наказов, отражавших мнение населения по актуальным вопросам современности.

Собравшись в составе 2 044 депутатов, Генеральные штаты составили нечто вроде краткосрочного парламента, представлявшего различные течения политической мысли. Следуя пожеланиям наказов, Генеральные штаты французского возрождения потребовали серьёзной чистки, борьбы против стяжателей и пособников немцев; возвращения к правам свободы; уважения прав человека; свободы государства и государственной школы от влияния церкви; упразднения трестов; социальных реформ в метрополии, колониях и протекторатах; перестройки и обновления старого управленческого аппарата. Делегаты Генеральных штатов резко осудили позицию некоторых членов Национального совета сопротивления, высказывавшихся против национализации, т. е. отказавшихся от программы Национального совета сопротивления. Генеральные штаты решили учредить Центральный совет французского возрождения в соста-

ве 17 членов Национального совета сопротивления и 18 делегатов департаментских комитетов освобождения.

Как раз во время работ Генеральных штатов, 12 июля 1945 г., де Голль выступил по радио с речью, посвященной конституционным проектам кабинета. Из этой речи явствовало, что глава правительства предполагает поставить на всенародное голосование вопрос о созыве Учредительного собрания и считает, что в случае его созыва оно должно быть ограничено в своих правах и в сроках своей деятельности и лишено права контролировать правительство. Речь де Голля вызвала энергичное осуждение со стороны делегатов Генеральных штатов. На заключительном заседании Генеральных штатов был принят текст «Воззвания и клятвы Генеральных штатов французского возрождения», в котором наряду с другими положениями указывалось, что «национальный суверенитет облекает народ правом избирать своих представителей, а представителей народа — правом избирать и контролировать несущее ответственность правительство...»

Конституционный вопрос, ввиду его особой важности для определения судеб страны, вскоре же после окончания войны стал занимать всё большее место в политической жизни Франции. Одни партии прямо и без всяких оговорок, другие осторожными намёками, гибкими и неустойчивыми формулами заявляли о своём отношении к вопросам конституционного характера. Коммунисты считали, что государственный строй Франции может быть определён только волей суверенного народа, выраженной посредством созыва Учредительного собрания. Ещё 23 июня 1945 года согласительный комитет социалистической и коммунистической партий выпустил декларацию, высказывавшуюся за избрание суверенной Ассамблеи, наделённой одновременно конституционной и законодательной властью. Однако единство двух партий в этом вопросе не могло считаться устойчивым, так как, солидаризируясь с коммунистами, лидеры социалистов в то же время поддерживали ЮДСР, который, равно как и МРП, считал, что функции будущего Учредительного собрания должны быть ограничены только разработкой конституции, без права принятия законов и контроля над правительством.

26—30 июня 1945 г. в Париже состоялся X съезд КПФ. К своему первому после освобождения родины съезду французские коммунисты пришли мощной, сплочённой партией, насчитывавшей более 900 тыс. членов. Героическая роль коммунистов в борьбе за независимость Франции, их трудовые подвиги в деле возрождения страны снискали им признание большинства французов. Коммунисты собирались на свой съезд, чтобы подытожить пройденное и определить текущие задачи. Крупнейшая партия страны, КПФ, воплощала надежды Франции, её величественное прошлое и счастливое будущее. В ярком шестичасовом докладе о всех сторонах деятельности и программе действий КПФ Морис Торез подчеркнул, что «возрождение Франции не является задачей какой-либо одной партии и тем менее задачей нескольких государственных деятелей. Это — задача миллионов французов и француженок, это — задача всей нации...» Осуществление этой задачи, указывал Торез, настоятельно диктует необходимость единства, создания великой французской рабочей партии. Напомнив политическую линию коммунистической партии, которая при условии поддержки её другими группами, предотвратила бы катастрофу 1940 г. и обеспечила бы Франции подлинный союз с СССР, обрисовав картину современного положения в стране и условия её возрождения, вождь коммунистической партии указал, что будущая конституция должна обеспечить народу: 1) нерушимость власти избранников народа, могущих быть отозванными в любой момент и образующих единую ассамблею; 2) пропорциональное представительство во всех выборах, право голосования с 20 лет для всех граждан, в том числе и солдат; 3) широкую финансовую и политическую автономию для коммун и департаментов, отмену должностей префектов и субпрефектов; 4) действительные гарантии свободы общественного мнения, убеждений, собрания, свободы слова и т. д.; 5) полное равенство прав без всякого различия пола, религии, расы или национальности; 6) подчинение республиканской армии высшей власти Национальной ассамблеи; 7) выборы судей на всех ступенях, бесплатную юстицию; 8) уважение законов об отделении церкви от государства и отделение школы от церкви; 9) право образо-

вания для всех детей народа; 10) национализация монополий.

В манифесте, с которым X съезд КПФ обратился к французскому народу, подводились итоги политики коммунистической партии и намечались условия, способные, перестроив Францию административно, политически и духовно, превратить её в страну свободы и прогресса. Призывая разбить дьявольский план тех, кто угрожает экономической, финансовой и политической независимости Франции, защитить материальные, социальные, политические интересы рабочих, крестьян, интеллигенции, манифест призывал: «Производить! таков первый и самый повелительный долг...»

Решения X съезда КПФ, намеченная им линия развития французской демократии вызвали новое напряжение производственных усилий французского народа и нацелили его на борьбу за полноту своих политических прав. Буржуазная печать пыталась умолчать о работе съезда и его решениях, правительство не разрешило транслировать по радио хотя бы одно только заключительное заседание, но через мощную сеть местных партийных организаций, через партийную печать и печать подлинно демократических организаций решения съезда доводились до широчайших народных масс и породили огромную волну трудового подъёма и вооружали народ сознанием опасности, грозящей Франции, и того, как с ней надо бороться.

Вскоре французская демократия столкнулась с открытыми попытками навязать ей систему, подозрительно схожую с диктаторскими фашистскими режимами, обставленными псевдо-суверенными учреждениями. Чтобы придать своим планам благопристойную форму, дегольлевские мастера политической игры решили прибегнуть ко всенародному опросу — референдуму и в нём отыскать легальный источник права на осуществление своих антидемократических планов. В середине июля стал известен правительственный проект проведения во Франции референдума и установления временного порядка управления вплоть до окончательного принятия конституции. Согласно правительственному проекту одновременно с проведением выборов избирателям предлагалось ответить на два вопроса.

Первый вопрос: «Желаете ли вы, чтобы Ассамблея, избранная сегодня, была Учредительным собранием?» Положительный ответ на этот вопрос должен был означать, что избиратели уполномочивают Собрание разработать новую конституцию. Отрицательный же ответ означал бы, что избиратели не считают нужным изменять конституцию 1875 г.; тогда избранная Ассамблея превратилась бы в палату депутатов, действующую согласно этой конституции, а через два месяца была бы составлена вторая палата — сенат, антидемократический характер которого неоднократно подвергался осуждению со стороны французского народа.

Второй вопрос референдума гласил: «Одобряете ли вы, чтобы впредь до вступления в силу новой конституции государственная власть была организована в соответствии с прилагаемым при сем законопроектом, разработанным правительством?» Правительственный законопроект о временной организации власти предусматривал существенное ограничение прав всенародно избранного Учредительного собрания. По законопроекту взаимоотношения между Собранием и правительством складываются следующим образом. Собрание избирает председателя правительства, но правительство никакой ответственности перед Собранием не несёт. Министры ответственны только перед главой правительства. Собрание не имеет права разрешать или контролировать расходы. Отклонение им кредита или каких-либо правительственных решений не влечёт за собой отставки правительства. Деятельность самого Собрания ограничивается сроком в 7 месяцев; если в течение этого времени оно не выработает конституцию, правительство проведёт новые выборы; если оно выработает конституцию, то её проект будет передан на утверждение посредством референдума; в случае отклонения конституции должны иметь место выборы нового Учредительного собрания, действующего на тех же условиях, что и первое Учредительное собрание. Таким образом, по существу было запроектировано лишение Учредительного собрания суверенности и свободы действий; принятие закона означало бы, что Временное правительство облекается всей полнотой власти и ограждается от контроля народных представителей. С точки зрения антидемократических кругов пра-

вительственный проект по крайней мере на семимесячный срок работы Учредительного собрания должен был обеспечить сохранение власти, не зависящей от народного представительства, а кроме того, в случае создания в Учредительном собрании демократического большинства, оставлял возможным методами проволок и обструкций воспрепятствовать Собранию выработать конституцию в семимесячный срок, установленный законом, и затем повторить всю игру в выборы.

Правительственные предложения вызвали бурю возмущения в общественных кругах Франции. Коммунисты, социалисты, радикалы заявили о его полной неприемлемости. Правда, позитивные программы этих партий не совпадали, и радикалы, например, высказывались просто за восстановление старой конституции 1875 г. Другие партии либо без оговорок, как МРП, либо с оговорками одобряли правительственный проект референдума и временной организации власти.

Таившаяся в правительственном проекте угроза народному и национальному суверенитету, связанная с проектами «западного блока», равно как и угроза экономическому возрождению, вытекавшая из попустительства властей саботажу трестов, картелей, банков, развязали острую политическую борьбу, в авангарде которой во главе прогрессивных кругов шла КПФ. Её непримиримость и последовательность в борьбе с мнимыми «друзьями народа» из деголлевских кадров, из ЮДСР, МРП и др. усиливала тягу к единству с КПФ со стороны некоммунистических групп рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Многие низовые организации социалистической партии и КПФ, не ожидая указаний руководства социалистов, объединили, согласно предложению X съезда КПФ, свою публичную пропаганду и начали устраивать регулярные совместные собрания для обсуждения общей линии поведения и совместной борьбы за интересы народа и демократии, против поползновений реакции. Среди социалистов росло стремление к органическому слиянию с КПФ, и на конференциях департаментских организаций партии весьма внушительные группы требовали немедленного создания единой рабочей партии. Подобное положение внутри социалистической партии создавало препятствие

антикоммунистическим замыслам некоторой части социалистических лидеров.

Многие социалистические вожди были напрочь открыто поддержать правительственные планы. Учитывая смертельный страх некоторых социалистических лидеров перед единством рабочего класса и их готовность всячески содействовать ослаблению КПФ, деголлевыцы тотчас за опубликованием правительственного проекта проведения референдума затеяли с социалистами строго секретные переговоры (о которых, однако, писала почти вся парижская печать) о реорганизации правительства и удалении из его состава коммунистов. Авантюристические планы отстранения от руководящей роли в жизни страны крупнейшей и наиболее заслуженной партии не встретили особых возражений в среде социалистического руководства. Во всяком случае газета «Вуа де Пари», тогда бывшая органом левого крыла радикал-социалистов, сообщала, что «умеренные» социалисты Андре Филипп и другие не отказались бы в случае удаления коммунистов из состава правительства занять их места, но в то же время ни они, ни социалистическое руководство не решались на открытый блок с реакционными группами нового толка, опасаясь раскола в собственной партии и потери доверия её членов. Интриги и нечистоплотные маневры руководства социалистической партии, благоприятствовавшие антинародным планам правительственного большинства, весьма красочно проявились во время дебатов в Консультативной ассамблее. Консультативная ассамблея давно уже не играла никакой практической роли, но она попрежнему оставалась до известной степени рупором общественного мнения и выявляла тактическую линию отдельных партий и группировок. 29 июля 1945 г. правительственные предложения по конституционному вопросу были внесены на обсуждение Ассамблеи. После бурных прений, в которых даже сторонники правительственного проекта не могли найти для него серьёзного оправдания, этот проект был отклонён 210 голосами против 19. Затем Консультативная ассамблея отклонила 195 голосами против 91 контрпроект, внесенный Стэгом, Дельбосом, Анксьюном и другими радикал-социалистами. Вслед за тем, неожиданно от имени социалистической фракции

выступил Венсан Ориоль. Вопреки тому, что Согласительный комитет социалистов и КПФ одобрили проведение общей линии в отношении правительственных проектов, Ориоль выдвинул предложения, весьма близкие к тем, которые отстаивал де Голль. Сам де Голль поспешил заявить о том, что считает предложения социалистов приемлемыми. Однако, несмотря на поворот в тактике социалистов, коммунисты решительно разоблачили их предложения, как совпадающие с антидемократическими предложениями большинства правительства, и 108 голосами против 101 проект социалистов Ассамблеей был отклонён.

6 августа Консультативная ассамблея закончила свои работы, а 8 августа на чрезвычайном заседании совета министров под председательством де Голля при возражениях министров-коммунистов были утверждены и получили силу закона положения о проведении референдума и указ, устанавливающий порядок проведения выборов. Так Временное правительство навязало Франции свою систему. Коротко резюмируя отношение к ней со стороны французской демократии, председатель федерации металлистов Круаза заявил: «Мы уже столкнулись с личной диктатурой».

Промежуток времени между принятием Временным правительством антидемократических законов и референдумом и выборами, назначенными на 21 октября 1945 г., был заполнен напряжённой политической борьбой. КПФ, поддержанная ВКТ, МЮРФ и рядом других организаций, добивалась пересмотра правительственных решений. Но позиция демократических кругов была ослаблена переходом социалистов на сторону де-Голлевцев в основном конституционном вопросе. В то же время руководители социалистов, оставаясь верными своей политике колебаний и манёвров, стремясь сохранить доверие части рабочих избирателей, в другом важном вопросе — об избирательном законе — выражали готовность сотрудничать с КПФ.

В избирательном законе самым неприемлемым для демократических элементов являлось нарушение равенства путём разделения страны на избирательные округа с неодинаковым числом избирателей. Например, в 3-м избирательном округе Парижа один депутат избирался

более чем 100 тыс. жителей, а в департаменте Нижние Альпы — 44 тыс. жителей; в департаменте Сены один депутат приходился на 60 тыс. избирателей, а в Бельфоре — на 24 тысячи и т. д. Избирательный закон нарушал также принцип пропорциональности выборов.

Специальная делегация в составе представителей коммунистической, социалистической и радикал-социалистической партий, Лиги прав и ВКТ, возглавлявшаяся генеральным секретарём последней Леоном Жуо, пыталась вступить с генералом де Голлем в переговоры по вопросу об избирательном законе. Де Голль отказался принять делегацию под тем предлогом, что профсоюзы не должны вмешиваться в решение политических вопросов. Трудно было бы придумать более неубедительный довод в отношении ВКТ, сыгравшей огромную роль в борьбе против немецких оккупантов и объединяющей в своих рядах 5,2 млн. человек. Под влиянием народного недовольства Временное правительство сделало небольшие поправки в избирательной системе и частично перераспределило мандаты между департаментами. Однако характер этой системы в целом остался прежним. Демократические круги оценивали избирательный закон, принятый правительством, как «не-loyальный и несправедливый» и попрежнему настаивали на проведении честных и справедливых выборов в полномочное Учредительное собрание Франции.

Особую остроту избирательной кампании придавало то обстоятельство, что она должна была увенчать многолетнюю борьбу народа за свободу и независимость и определить будущее развитие Франции на многие годы. В неразрывном единстве с вопросами о суверенитете народного представительства выступали проблемы, связанные с развитием социальных завоеваний народа, осуществления программы ликвидации монополий и трестов, демократизации всего государства, создания национальной армии, роста благосостояния населения, возвеличения роли Франции в международных отношениях, оздоровления связей Франции с её заморскими территориями и сотни других вопросов, касающихся определения судеб всей страны и каждого француза и француженки в отдельности. Все партии и организации направляли весь свой агитационный аппарат, исполь-

зовали все свои возможности для получения поддержки избирателей. Глава правительства, не выставивший своей кандидатуры на выборах, также принимал деятельное участие в избирательной кампании и склонял избирателей оказать поддержку МРП. В предвыборную пору закончился процесс Лавая, и суд приговорил его к смертной казни; де Голль отклонил ходатайство этого изменника о помиловании. Незадолго до выборов, в целях популяризации своей политики, де Голль объявил об отмене нормированного снабжения хлебом. Это была демагогическая мера, рассчитанная на получение большего количества избирательных голосов и совершенно не соответствовавшая катастрофическому состоянию французской экономики. Всё, вплоть до международных связей и иностранного влияния, было использовано для того, чтобы заманить французский народ в сети деголлевской политики.

Основная тяжесть борьбы за принципы демократии и интересы народа против угрозы маскировавшейся реакции выпала на КПФ. Обливаемая потоками клеветы, травимая буржуазной прессой и её подголосками из социалистической печати, КПФ призывала французских избирателей при проведении референдума отвечать утвердительно на первый вопрос, об Учредительном собрании, и отрицательно — на второй вопрос, об ограничении прав собрания в пользу правительства. По вопросу о референдуме позицию КПФ разделяли ВКТ, Союз республиканской молодёжи Франции, Союз французских женщин и др. Во время избирательной кампании число членов КПФ превысило 1 миллион.

Что касается социалистической партии, насчитывающей около 250 тыс. членов, то её руководство в вопросах внутренней политики после ряда манёвров высказалось за утвердительный ответ на оба вопроса референдума. Отвергнув на съезде партии в августе 1945 г. предложения КПФ о создании единой рабочей партии и став на путь злонамеренных выпадов против коммунистов, руководство социалистической партии не только ослабило позиции рабочего класса по отношению к буржуазным кругам, но вызвало весьма острую внутрипартийную борьбу и кризис в собственных рядах. Следствием этого был серьёзный разлад между верхами и

низами социалистической партии. Верные принципам социализма, низы социалистической партии с опасением прислушивались к ревизионистским высказываниям Леона Блюма, тянувшего партию к домарксовым учениям. Пытаясь объяснить историческую неизбежность социализма, Блюм выводил его из потребностей человеческой морали и отказывался признать борьбу классов законом развития всякого антагонистического общества. Эклектически соединяя материализм и идеализм, отбрасывая основное в учении Маркса, Блюм теоретически пытался оправдать политику и тактику руководителей социалистической партии и в первую очередь — их враждебное отношение к КПФ.

Вопреки позиции лидеров партии, около четверти департаментских организаций, и в том числе столичная организация социалистической партии, высказались за осуществление единства между коммунистами и социалистами; социалистическая организация департамента Майенна заключила избирательный блок с местной организацией КПФ и, несмотря на распоряжение руководящих инстанций, отказалась расторгнуть его; социалистическая организация департамента Ардеш предложила своим членам при проведении референдума давать ответы, рекомендовавшиеся КПФ; ряд функционеров социалистической партии в Лионе, Марселе и др. вышел из её состава и перешёл в ряды КПФ. Особенное недовольство в социалистической партии вызвало сотрудничество её руководителей с антикоммунистическим ЮДСР и выдвижение деятелей ЮДСР в общих списках социалистических кандидатов на выборах. В ряде случаев разногласия между лидерами социалистов и их местными организациями достигли такой остроты, что решениями руководящего комитета партии были распущены федерации социалистической партии департаментов Буш-дю-Рон (главный город департамента — Марсель), Сарта (главный город департамента — Де-Ман) и др. Потеря социалистами доверия в некоторых кругах рабочего класса сопровождалась в то же время обрастанием их партии мелкобуржуазной «периферией», в частности за счёт радикал-социалистов. «Мы имеем много друзей. Пожалуй, даже слишком много, — как-то признался Леон Блюм, характеризуя новых сторонни-

ков социалистов. — Те самые люди, которые в 1936 г. представляли нас ив качестве врагов родины, видят в нас: спасителей буржуазного капитализма».

Классическая партия буржуазной демократии — радикал-социалисты — после освобождения Франции не сумела очиститься от промюнхенских группировок и превратилась в весьма непрочный блок нескольких фракций. Это обстоятельство нашло своё выражение и в том, что если один из соавторов Мюнхена — Даладьё был избран почётным председателем партии, то председателем партии стал Эдуард Эррио, противник Мюнхена, слывший сторонником советско-французского сотрудничества. Отказавшись принять за основу своей текущей деятельности программу Национального совета сопротивления, выступая против созыва Учредительного собрания и за восстановление конституции 1875 г., партия радикал-социалистов обнаружила непонимание насущных требований тех слоев крестьянства, городской мелкой буржуазии, интеллигенции, поддержка которых составляла её силу. Исключив из своих списков известных антимюнхенцев — Жюстена Годара, Мориса Роллана, бывшего министра авиации Пьера Кот и др., официально поддержав кандидатуру Даладьё, радикал-социалисты оттолкнули от себя значительную группу избирателей. Что касается референдума, то эта партия призывала отвечать отрицательно на оба его вопроса.

Безоговорочную поддержку всем правительственным начинаниям оказывала МРП. Но разоблачение этой партии затруднялось тем, что она всячески раздувала связи части своего состава с Движением сопротивления, а в период предвыборной кампании беззастенчиво утверждала о своей приверженности к главным положениям программы Национального совета сопротивления. Сохранив влияние в среде верующих кругов рабочего класса, крестьянства, чиновничества и офицерства, эта партия оказалась единственной буржуазной партией, имевшей шансы рассчитывать на определённый избирательный успех. Надев на себя маску радетелей народных интересов, в состав МРП пробралось много завязтых сторонников «твёрдой власти», готовых отдать Францию во власть какого-либо «отмеченного судьбой» человека. Рассчитывая как-нибудь променять свой

фальшивый демократизм на режим генеральской диктатуры, МРП старалась создать своего рода культ личности де Голля. В свою очередь де Голль, а также верхи католической церкви всячески содействовали МРП и её кандидатам. МРП призывала своих сторонников ответить утвердительно на оба вопроса референдума.

Такую же позицию в отношении референдума занял «Демократический альянс» (левые республиканцы) — одна из «классических» партий буржуазной реакции. Лидерами этой партии выступали бывший премьер-министр Поль Рейно, морской министр в составе Временного правительства Луи Жакино, Ланиель и др. Открыто требуя усиления исполнительной власти и свёртывания буржуазной демократии, выступая против всяких попыток государственных органов регулировать капиталистическую экономику, эта партия не могла рассчитывать на избирательные победы. Поль Рейно, опасаясь забаллотирования, даже не выставил своей кандидатуры.

Позицию, весьма близкую к «Демократическому альянсу», занимает другая крайняя правая партия — «Республиканская федерация».

Вместе с двумя вышеназванными партиями крайний правый фланг французской политической системы составляла партия «Республиканского обновления», руководимая Мюттером и Барашэном. Кроме того, на арене политической жизни во Франции подвизался и ряд других мелких партий, союзов, группировок. Большинство из них вело самую трескучую, шумную пропаганду, не скупилось ни на какие посулы, но не имело никакого реального значения.

Всем посулам и запугиваниям реакции, всем фальшивым увёрткам мнимых демократов французский избиратель мог противопоставить свой огромный и тяжкий опыт, опыт народа, прошедшего через школу Мюнхена, через ужас капитуляции, ярмо оккупации, пережившего надежды и разочарования освобождения. Своего рода генеральной репетицией к выборам в Учредительное собрание и к референдуму были кантональные выборы 23—30 сентября 1945 г. Подводя предварительный итог этим выборам, комментатор парижского радио Барталу говорил: «Коммунисты завоевали значительный успех, между тем как правые партии понесли полное поражение».

К 21 октября 1945 г.—дню референдума и «выборов в потёмках», как назвал Флоримон Бонт эти выборы, при которых до выяснения результатов избиратели были лишены возможности знать, какой орган они избирают, — французский народ подходил с твёрдой волей отстаивать свои суверенные права и увидеть Францию подлинно свободной и возрождённой.

9. РЕФЕРЕНДУМ И ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ

На всеобщих выборах 21 октября 1945 г. французским избирателям предстояло избрать 586 депутатов: из них 522 от Франции и 64 от её заморских владений (исключая Индо-Китай, где, ввиду национально-освободительного движения и провозглашения независимости, выборы во французское собрание, естественно, не могли иметь места). Всего было зарегистрировано 24 477 209 избирателей. В колониях Франции избирательное право было предоставлено небольшой горстке туземного населения: в Алжире, например, при 7 млн. жителей правом участия в выборах пользовалось только 80 тысяч туземцев. Среди избирателей женщины составляли 53%. Женщин-избирательниц, впервые в истории Франции принимавших участие во всеобщих выборах, многие клерикальные и консервативные круги рассматривали — и, как оказалось, весьма необоснованно — как свой политический резерв.

Об остроте избирательной борьбы можно судить по тому факту, что на 522 депутатских места в метрополии было выставлено свыше 2 500 кандидатов, т. е. в среднем каждый депутатский мандат оспаривало 5 кандидатов. В департаменте Сены, включая Париж, на 58 депутатских мест было выставлено 378 кандидатов. Несомненно, что число кандидатов было бы ещё больше, если бы не установленная правительством система, при которой за каждого кандидата надлежало вносить залог; в 20 тыс. фр., причём этот залог зачислялся в пользу государства, если кандидат не собирал 5% общего числа голосов в избирательном округе. Перспектива потери довольно крупной суммы, понятно, воспрепятствовала многим безнадёжным претендентам выставить свою кандидатуру. В то же время система денежного залога создавала определённые трудности для массовых

партий. В целях создания избирательного фонда коммунистическая партия провела сбор средств, который дал в её распоряжение около 20 млн. фр. Почти по 200 тыс. фр. пожертвований собрали в свои избирательные фонды социалистическая партия и партия «Народно-республиканского движения».

Коммунистическая партия и партии социалистическая, радикал-социалистов и МРП выставляли своих кандидатов почти повсеместно. «Демократический альянс» выступил с самостоятельными списками только в 12 избирательных округах, и в 23 избирательных округах он выставил списки совместно с «Республиканской федерацией». В Париже и в департаменте Сены крайние правые («Республиканская федерация», «Демократический альянс», «Республиканское обновление» и др.) составили избирательный блок, присвоивший себе обманчивое название «Республиканского союза в защиту свободы и социального прогресса». В Париже выставила своих кандидатов группа троцкистов, «Союз монархистов» и несколько других совершенно беспочвенных организаций. Деголлевские министры Пароди, Френе, Дотри, Жаннене вскоре после начала избирательной кампании сняли свои кандидатуры как безнадёжные.

В выборах участвовало 19 476 874 избирателя — 79,5% всего числа зарегистрированных избирателей. Из них 15 652 321 голосовал за кандидатов четырёх основных политических партий: КПФ, социалистической, радикал-социалистов и МРП. Кривая движения голосов избирателей может быть представлена в следующей таблице:

	Выборы 1936 г.	Кантональ- ные выборы 23 сентября 1945 г.	Изменения по сравне- нию с пре- дыдущим	Всеоб- щие вы- боры 21 октября 1945 г.	Изменения по сравне- нию с пре- дыдущим
--	-------------------	--	--	--	--

(в тысячах)

Коммунистическая партия	1502	3 830	+ 2 328	5 004	+ 1 174
Социалистическая партия	2 000	3 700	+ 1700	4 561	+ 861
Радикал-социалисты	1422	2 000	+ 578	1306	- 694
«Народно - республиканское движение» (бывш христианские демократы)	374	1800	+ 1 426	4 780	+ 2 980

Необходимо отметить, что сравнение между 1936 и 1945 гг. весьма условно, так как в 1936 г. женщины, составлявшие более половины избирателей в 1945 г., избирательным правом вообще не пользовались. Быть может, в целях анализа следовало бы данные 1936 г. условно увеличивать вдвое. Тогда бы можно было установить, что социалистическая партия, не удвоив числа своих избирателей, на кантональных выборах понесла известное поражение по сравнению с 1936 г., но сумела компенсировать себя на всеобщих выборах. Систематически теряла голоса радикал-социалистическая партия и столь же систематически росли голоса коммунистической партии и МРП. Эти выводы подкрепляются сравнительными данными о распределении мест в палате депутатов 1936 г. и в Учредительном собрании 1945 г.

Партийная принадлежность депутатов

	Палата депутатов 1936 г.	Учредительное собрание
Коммунистическая партия	74*	151
Социалистическая партия	156**	139
Радикал-социалисты	115	24
Социалистический республиканский союз	26	—
Независимые социалисты	9	3
«Народно-республиканское движение» (бывшие христианские демократы) .	23	141
Крайние правые	213	67
Неопределённые	—	61

* Считая с дополнительными выборами 1937 г.

** Считая с поупистами, присоединившимися к социалистической партии в 1937 г.

Следовательно, КПФ как по числу поданных за нее голосов, так и по числу депутатских мест заняла первое место на выборах 1945 г. Списки КПФ получили большинство голосов по сравнению со списками других партий в 28 департаментах. Кандидаты КПФ одержали избирательную победу в ряде колониальных округов (в Алжире, на острове Реньюон, на острове Мартиника и др.) и сельскохозяйственных департаментов, в частности в департаментах Об, Воклюз, Шарант, Ланд и др., где до сих лор коммунистам не удавалось проводить

своих кандидатов. Таким образом, наряду с успехами в индустриальных центрах политика КПФ получила одобрение и поддержку значительной части избирателей-крестьян. Среди депутатов-коммунистов (по данным на 150 человек) было избрано 10 крестьян, 51 рабочий, 21 служащий, 10 профессоров, 19 учителей, 13 железнодорожников, 3 инженера и т. д. В отдельных округах сторонники КПФ, следуя директиве ЦК КПФ, голосовали за списки патриотов-демократов с целью способствовать провалу завязых реакционеров. В некоторых избирательных округах по инициативе коммунистов выставлялись кандидатуры видных деятелей демократического лагеря, которые, не являясь коммунистами, выступали солидарно с КПФ по основным вопросам внешней и внутренней политики. Как правило, эти кандидаты, в том числе Пьер Кот, Вальримон и др., одержали победу над своими противниками. Представление об избирательной победе коммунистов станет ещё более внушительным, если будет учтено, что в ряде случаев с целью провала коммунистической кандидатуры правые партии призывали своих сторонников голосовать за социалистических кандидатов. По подсчётам Конью, если бы руководство социалистической партии пошло на избирательное сотрудничество с КПФ, то обе партии располагали бы в Учредительном собрании не менее чем 350 местами, т. е. абсолютным большинством.

Но руководство социалистической партии провело избирательную кампанию в антикоммунистическом духе. Результатом этого было то, что партия растеряла часть избирателей из рабочих, но одновременно приобрела голоса мелкобуржуазных кругов. Соответственно изменилось географическое распределение округов, пославших депутатами социалистов: уступив ряд индустриальных центров коммунистам, социалисты выиграли ряд округов у радикал-социалистов. Совершенно прав был Леон Блюм, когда заявил: «Мы поднимаемся и опускаемся одновременно с двух сторон».

Радикал-социалисты потерпели на выборах сокрушительное поражение. Оно явилось неизбежным результатом происходившей в выборах поляризации сил и разочарования избирателей в партии, цепляющейся за

обанкротившиеся элементы и за изжившую себя конституцию 1875 г.

Судьбу радикал-социалистов разделили крайние правые партии — они получили менее трети мест по сравнению с 1936 г. Ни одного кандидата не смогли провести троцкисты, монархисты и другие аналогичные группы.

Значительный успех, выпавший на долю МРП, объясняется тем, что обещанием в своей последующей деятельности руководствоваться программой Национального совета сопротивления партия укрепила своё влияние в клерикальных рабочих кругах. Не менее важной причиной этого успеха является и то, что партия располагала поддержкой духовенства, государственного аппарата и лично генерала де Голля. Кроме того, значительное число крайних правых, отказавшись от безнадёжной попытки провести открыто своих кандидатов, сгруппировалось вокруг «народно-республиканского движения». Отмечая этот факт, парижский корреспондент лондонского радио Кадетт говорил, что многие из сторонников правых «пришли к заключению о том, что у их кандидата нет ни малейших шансов на успех, и поэтому они голосовали за меньшее для них зло, а именно за «народно-республиканское движение». Аналогичную оценку успехов этой партии дал в «Юманите» и Марсель Кашен: «Реакция, выражающая интересы трестов и «200 семейств», приказала своим сторонникам покинуть прежние, изжившие себя формации Луи Марена и прочих с тем, чтобы следовать за «народно-республиканским движением» и попытаться сохранить контакт с французской демократией, с французским народом».

Результаты референдума показали, что 96,4% голосовавших высказались за то, чтобы избранное собрание было учредительным, т. е. отвергли конституцию 1875 г.; в то же время 66,3% избирателей одобрили разработанный Временным правительством законопроект об организации власти на период до вступления в силу новой конституции.

10. МЕСЯЦ, ПОТЕРЯННЫЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Выборы 21 октября 1945 г. ясно показали, что французский народ оказал доверие только партиям, обещавшим перестройку Франции на основе программы Национального совета сопротивления. Такой барометр политической жизни, как биржа, ответил на выборы понижением курсов ценных бумаг на 20%. Успокоения биржевым кругам не принесло и сообщение о том, что тотчас после обнародования итогов выборов «комиссия, составленная из представителей левых организаций — ВКТ, Лиги прав, социалистической и коммунистической партий, разработала проект правительственной программы на основе уточнения и дополнения программы Национального совета сопротивления.

Избирательная победа коммунистов вызвала тем большее возбуждение в правом лагере, что допустить образование правительства без участия коммунистов представлялось почти невыполнимым. Дело в том, что в результате выборов ни одна из партий не располагала самостоятельным большинством в Учредительном собрании. Депутатские мандаты распределились таким образом, что теоретически сделалось возможным создание двух антагонистических блоков: коммунистов совместно с социалистами и социалистов совместно с МРП. Следовательно, «осью» любого большинства оказывались социалисты. Но, независимо от политических тенденций своего руководства, социалисты в современных условиях не могли открыто и прямо отказаться от блока с (коммунистами и пойти на враждебный им блок с МРП без реальной угрозы раскола партии. «Управлять без коммунистов, — писала газета «Либерасьон», — это значит осуществлять руководство, направленное против них. Принимая во внимание настроение рабочего класса Франции, такого рода руководство было бы непрочным и несерьезным». Поэтому, пытаясь приспособиться к создававшемуся положению таким образом, чтобы сохранить политический капитал и в то же время затруднить реализацию своих предвыборных обещаний, лидеры социалистов, всегда проводившие тактику раскола рабочего движения, вдруг прикинулись сторонниками национального единства в самом широком

смысле слова и выдвинули лозунг создания правительства «большой тройки» партий с участием КПФ, социалистов и МРП.

Пленум Центрального комитета КПФ, заседавший в начале ноября 1945 г., считал, что нельзя не учесть волю избирателей и не составить коммунистическо-социалистического правительства, опирающегося на большинство Учредительного собрания и нации. Но руководители социалистов в своих частных переговорах с коммунистами продолжали настаивать на трёхпартийном правительстве. Много признаков говорило за то, что социалисты были бы рады изобразить неуступчивость коммунистов как препятствие к созданию кабинета национального единства, якобы вынуждающее их на блок только с МРП. Вновь, как и в других случаях, задачей реакции становилась изоляция КПФ.

Своего рода директивное указание на желательное разрешение правительственного вопроса во Франции попытался дать государственный департамент США. По сообщению Браззавильского радио, сделанному со ссылкой на государственный департамент США, «победа коммунистов вызвала большое удивление в Вашингтоне, где общественное мнение предполагало, что триумф выпадет на долю «народно-республиканского движения» и социалистической партии. Тем не менее американские наблюдатели полагают, что между этими двумя последними партиями будет образован блок, что позволит Франции не менять своей позиции». Но не для того 26% французских избирателей отдали свои голоса КПФ, чтобы всё осталось по-старому. Коммунисты прекрасно понимали, что, упорствуя в требовании трёхпартийного правительства, социалистические лидеры выполняют социальный заказ, рассчитанный на неуступчивость коммунистов, на их отказ от участия в правительстве совместно с МРП и переход в оппозицию. Подобного рода развитие событий грозило превратить Францию в игрушку таившейся в недрах МРП реакции. Во имя интересов нации и демократии коммунисты не могли позволить оставить себя вне правительства.

6 ноября 1945 г. вновь избранное Национальное Учредительное собрание Франции начало свою работу. Председателем собрания был единогласно избран

бывший председатель Консультативной ассамблеи Феликс Гуэн, а вице-председателями — Лади (умеренный), Андре Мерсье (КПФ), Жак Дюкло (КПФ), Поль Бакон (МРП) и Анри Тетжен (МРП). В первые же дни работ собрания сформировались основные партийные фракции: коммунистическая — под почётным председательством Марселя Кашена и председательством Жака Дюкло, МРП, избравшая председателем Шумана и вице-председателями де Мантона и Тетжена, «республиканского единения», объединившая под председательством мэра Бордо, Рамарони, правые группы и т. д.

Согласно мнению коммунистов, лицо, избранное главой правительства, должно было следовать программе действий, разработанной участниками большинства, обеспечившего его избрание. Этот вопрос также стал предметом острых разногласий, так как представители МРП, действуя в полном согласии с де Голлем, считали, что большинство, избирающее главу (правительства, должно доверить ему управление в соответствии с его собственной программой. 8 и 9 ноября 1945 г. делегации социалистов, коммунистов и МРП обсуждали этот процедурный вопрос, а также действия будущего правительства в вопросах национализации, внешней политики, государственных субсидий религиозным школам и отношения к церкви. Выступая 10 ноября 1945 г. с речью в Иври-сюр-Сен, Морис Торез, как бы подводя итог всем предварительным переговорам, с огорчением отметил, что социалисты, «видимо, больше заботятся о своём согласии с МРП, чем о защите нашей совместной программы».

12 ноября 1945 г., накануне заседания Учредительного собрания, на котором предстояло избрание главы правительства, делегация социалистической партии вручила Жаку Дюкло письмо за подписью Даниеля Мейера — генерального секретаря партии. После того как социалисты и МРП окончательно договорились о кандидатуре де Голля на пост главы правительства, это письмо, в котором предлагалось сообщить, за кого коммунисты собираются голосовать, являлось не больше, как ещё одной попыткой сделать невозможным участие коммунистов в коалиционном кабинете. В своём ответном письме, выбивая оружие из рук интриганов, сек-

ретариат Центрального комитета КПФ писал: «Уважая народные решения на выборах и согласно с решениями нашей партии, принятыми ранее, понятно, что мы не можем чинить препятствия к осуществлению национального единства вокруг кандидатуры, которая сама собой разумеется...»

13 ноября 1945 г. Учредительное собрание большинством всех голосов против одного избрало де Голля главою правительства. В тот же день близкая к генералу газета «Комба» писала, что, «несмотря на все предосторожности, генерал вынужден в конце концов играть роль, подобную той роли, которую играл в 1932 г. в Германии Гинденбург». Ближайшие же дни показали справедливость этого суждения.

Начав переговоры о составе кабинета, де Голль попытался поставить коммунистов в такое положение, которое бы вынудило их либо подчиниться воле главы правительства, либо отказаться от вхождения в кабинет. Когда в личной беседе с де Голлем 15 ноября 1945 г. Морис Торез указал, что коммунистам следовало бы предоставить портфель министра внутренних дел, которым мог бы стать Лоран Казанова, или иностранных дел, которым мог бы стать Флоримон Бонт, или военного министра, которым мог бы стать генерал Жуанвилль, глава правительства ответил ему, что сохраняет за самим собой право распределения министерских портфелей. Последовавший в тот же день обмен письмами между де Голлем и Торезом обострил конфликт. В этом конфликте коммунисты руководствовались не узко партийными соображениями, а выступали против антидемократического режима личной власти.

Рассчитывая, видимо, теперь добиться изоляции коммунистов и укрепить своё положение не призрачным единодушием при избрании, а поддержкой в конфликте с коммунистами, де Голль решил апеллировать к Учредительному собранию и возвратил в распоряжение собрания возложенные на него полномочия.

Вся французская реакция, все скрытые «кагуляры», вишийцы и люди банков и трестов одобряли действия де Голля и поддерживали его разрыв с коммунистами.

Стремясь быстрее образом содействовать разрешению кризиса, вызванного антидемократическими

поползновениями де Голля, коммунисты 17 ноября вступили в переговоры с социалистами и МРП и предложили, чтобы в соответствии с демократическими республиканскими традициями представителю коммунистической партии, как крупнейшей в Учредительном собрании, было поручено формирование правительства. Но деятели МРП продолжали настаивать на кандидатуре де Голля, а социалисты приняли хитроумное решение, в котором выразили согласие поддержать правительство, возглавляемое коммунистом, если... это не встретит возражений со стороны МРП. Продолжая переговоры, коммунисты предложили социалистам возвратиться к идее двухпартийного кабинета и назвали его возможным главой Феликса Гуэна, социалистического лидера, единогласно избранного председателем Учредительного собрания. Социалисты же продолжали цепляться за «национальное единство» с антидемократическими кругами и делали невозможным разрешение кризиса без участия МРП. Используя это обстоятельство, МРП продолжала упорно навязывать кандидатуру де Голля в главы правительства.

После нескольких совещаний делегаций трёх партий Учредительное собрание 19 ноября 1945 г. вторично избрало главой правительства де Голля. Но в отличие от первого избрания на этот раз де Голлю было недвусмысленно дано понять, что народные представители ожидают от него действий, соответствующих чаяниям масс. В одном из обзоров, переданных английским министерством информации, прямо говорилось, что Учредительное собрание потребовало от де Голля «найти приемлемый компромисс с коммунистами». Вынужденный считаться с невозможностью удержать власть без привлечения в правительство коммунистов, де Голль 22 ноября 1945 г. сформировал кабинет, в который на равных началах вошли 5 коммунистов, 5 социалистов, 5 членов МРП и 6 лиц из числа особо близких сотрудников де Голля. Посты вице-премьеров заняли Морис Торез, Венсан Ориоль, Франсиск Гэ (МРП) и Жакино («Демократический альянс»). Коммунисты возглавили: министерства вооружения — Тийон, экономики — Бийу, промышленного производства — Марсель Поль и труда — Круаза. В новом кабинете сохранили портфели

министра иностранных дел Бидо, министра финансов Плевен, министра реконструкции и городского благоустройства Дотри, министра земледелия Танги Прижан, а также остались из состава предшествующего правительства, но в новых должностях Жакоби, Жак Сустель и др.

Правильная политика КПФ сорвала ещё одну вылазку французской реакции и не только предотвратила установление режима личной диктатуры, но и обеспечила солидное представительство в правительстве подлинных сынов народа. Приветствуя приход к власти пяти министров-коммунистов, «Юманите» с удовлетворением писала: «Это значит, что многое изменилось в нашей стране, как и во всём мире... Сейчас создаётся положение, при котором рабочий класс сможет смело идти навстречу прогрессу, культуре и благосостоянию...»

II. ДЕМОКРАТИЯ ТЕСНИТ РЕАКЦИЮ, РЕАКЦИЯ ПЕРЕГРУППИРОВЫВАЕТ СИЛЫ

Компромиссное разрешение правительственного вопроса не остановило попыток реакции сокрушить французскую демократию методами экономического саботажа, финансовых махинаций и политических заговоров и интриг. Продолжая игру на понижение стоимости франка, на уменьшение производительности промышленности, на обострение продовольственных затруднений, реакция, однако, встречала возрастающее противодействие демократии. Представленные в правительстве министрами-коммунистами трудящиеся Франции считали, что пришло время безотлагательных преобразований. Под свежим впечатлением выборов и демократического подъёма в стране лидеры социалистов и МРП также видели себя вынужденными к действиям, способным удержать за ними доверие их избирателей.

Для всех трёх основных правящих партий общим было то, что программа Национального совета сопротивления была признана планом возрождения страны. В этой программе важнейшими по значению были требования национализации святая святых финансового капитала — банков. Поэтому естественно, что одним из первых вопросов, поставленных перед новым кабинетом,

оказался вопрос о претворении в жизнь этого единого требования народа. Первые же дебаты в совете министров, а также в финансовой комиссии Учредительного собрания по этому вопросу обнаружили резкое расхождение в понимании задачи различными партиями правительственной коалиции. Чтобы эти разногласия не помешали хотя бы частичной национализации банков и не оказались лишь наруку финансистам, коммунисты согласились на ограниченный проект частичной национализации, предложенный Плевеном. Во время обсуждения законопроекта в Учредительном собрании крайние правые устроили обструкцию и даже сорвали заседание. Однако это не помешало тому, что закон о национализации банков был одобрен Учредительным собранием 3 декабря 1945 г. Согласно этому закону с 1 января 1946 г. национализации подлежало пять крупнейших банков, сосредоточивших 65% всех вкладов (на сумму в 207 млрд. фр.). В остальные банки предстояло назначить особых правительственных комиссаров, наделённых правом вето в отношении всех банковских операций. Кроме того, решено было создать под председательством министра экономики особый Национальный кредитный совет для контроля над всем кредитным делом во Франции. Совместно с ранее принятыми постановлениями о хранении казначейских бон и об уничтожении анонимности акций закон о национализации банков являлся известным шагом вперёд в деле ликвидации всевластия банков и мог быть отнесён французской демократией в свой актив.

Конечно, эффективность закона о национализации пяти крупнейших банков значительно снижалась от того, что в промежуток времени между принятием закона и его вступлением в силу финансистам была предоставлена возможность перевести свои средства в ненационализируемые банки. Наконец, практические меры по реализации закона, предпринятые Плевеном, показали, что со стороны министра финансов банковским воротилам попрежнему не угрожает опасность. Так, Плевен поощрял назначение руководителями национализируемых банков бывших директоров или членов административных советов этих же или других банков. Например, генеральный директор отдела учёта во

французском банке получил назначение на руководящий пост в национализируемом Лионском кредите, директор эмиссионного отдела во французском банке Фор был назначен в Генеральное общество развития торговли и промышленности и т. д. Совершенно понятно, что такого рода явления свидетельствовали о нежелании Плевена руководствоваться духом закона о национализации и проводить политику, способную оздоровить французские финансы.

Между тем финансовое положение Франции становилось почти катастрофическим. Расходы по бюджету 1945 г. были лишь на 39% покрыты поступлениями налогов, а на 61 % покрывались путём займов и чрезвычайных поступлений. Количество денег, находившихся в обращении (в том числе помещённых в сберегательных кассах), увеличилось с 168 млрд. фр. в 1938 г. до 941 млрд. фр. в ноябре 1945 г. Покупательная способность франка непрерывно падала. Реальная заработная плата изо дня в день снижалась. В то же время министерство финансов выплачивало поставщикам ряда товаров первой необходимости огромные субсидии, благодаря которым из средств государства в кассы только одних углепромышленников перекочевало в 1945 г. около 45 млрд. фр. Финансовая политика де Голля — Плевена вела Францию к государственному банкротству и закабалению иностранными капиталистами.

Пытаясь наметить черты финансовой политики деГоллевцев, газета «Ви Франсез», выступавшая против национализации банков, с удовлетворением писала, что Плевен «сумел определить основные вехи политики, рассчитанной на эффективную помощь США и Великобритании...» Действительно, министерство финансов к 1 января 1946 г. довело свой внешний долг до 1 282 700 тыс. долл., т. е. примерно до 154 млрд. фр. по современному курсу; из общей суммы долга на старые долгосрочные долги приходилось лишь 184 700 тыс. долл. 4 декабря 1945 г. в Вашингтоне было подписано новое франко-американское соглашение, по которому для финансирования французских закупок в США, проводимых по соглашению с американским правительством, экспортно-импортный банк США предоставлял французскому правительству кредит в 550 млн. долл.

Растущая экономическая зависимость Франции от США и Англии приводила ко всё большему росту иностранных влияний на её внешнюю политику. Все коллективные акты трёх великих держав встречали со стороны французской дипломатии крайне неприязненное отношение, и её ответные действия, по существу своему направленные к осложнению международной обстановки, показывали, что руководители французской внешней политики были тогда непрочь поспособствовать расколу мира на враждебные, антагонистические блоки.

Торгуясь в Лондоне и Вашингтоне по вопросу о положении прирейнских территорий Германии, французские ответственные круги в унисон с реакционными силами Англии, США и Ватикана развивали аргументы в пользу пересмотра некоторых основных решений, принятых в Потсдаме. Газета «Монд», считающаяся официозом министерства иностранных дел, повторяла иностранные предложения об отказе от изъятия в Германии оборудования и сырья и о получении репараций в виде готовой продукции германской индустрии; ей вторила «Фигаро», которая предлагала оставить немцам их заводы и фабрики, утверждая, что демонтаж, переброска и монтаж германских предприятий обойдутся вдвое дороже, чем сама стоимость этого оборудования; та же «Монд», столь снисходительная к Германии, считала возможным выдвигать предложение о правах Франции на репарации с Австрии, Румынии, Болгарии и Финляндии; а Луи Марен в «Насьон» пытался доказывать, что «глубокая признательность», которую Франция питает к России в связи с её «изумительным участием в победе союзников», вполне совместима с возобновлением требований об оплате царских долгов и процентов по ним...

Несмотря на острую нужду буквально во всём, французское правительство ещё в сентябре 1945 г. заключило с Испанией крайне невыгодный для Франции торговый договор, обязывавший её поставить Испании большое количество лошадей, мулов, бокситов, фосфатов, медикаментов, семенного картофеля, а торговому договору с СССР, заключённому в декабре 1945 г., не придало серьёзного значения.

Практические последствия зигзагообразного, недемократического курса французской внешней политики были весьма значительны и всё в большей степени превращали любимые рассуждения де Голля о величии Франции в фарс.

Одновременно де Голль продолжал усиливать вооружённые силы. В условиях несомненной безопасности и при наличии страшных ран в экономическом и финансовом положении страны обременение бюджета огромными расходами на армию и отрыв от производительного труда более чем 800 тыс. человек представляли собой выражение определённой политической системы, чуждой интересам народа. Демонстративное увольнение в запас в День Победы генерала Жуанвилля, одного из выдающихся руководителей вооружённых сил внутреннего фронта, роспуск 1-й армии, в значительной части состоявшей из бывших франтирёров и партизан, при одновременном насыщении войск всякими подозрительными элементами, вишийцами, дориотистами — доказывало, что особое благоволение де Голля к вооружённым силам порождалось вовсе не заботой о величии страны. Недаром во Франции тогда говорили, что, не изведав ещё Четвёртой республики, Франция может познакомиться с режимом Третьей империи...

Реальность угрозы, нависавшей над французской демократией, усиливалась по мере того, как в Учредительном собрании подвигалась разработка новой конституции.

23 ноября 1945 г., тотчас же вслед за тем как разрешился правительственный кризис, в бюро Учредительного собрания был представлен подписанный всеми депутатами-коммунистами проект конституции Французской республики. Не будучи похожим на классические буржуазные образцы, этот проект в то же время не являлся по своему существу и социалистическим, а исходил из задачи утвердить и закрепить победу демократии над фашизмом. Руководствуясь уроками недавнего прошлого и насущными потребностями национального развития и процветания Франции, коммунистический проект конституции предусматривал, что экономической основой Французской республики должно быть уважение и гарантия частной собственности, приобретённой

путём труда, и уничтожение монополий, существование которых стало несовместимым с интересами национальной безопасности и установлением подлинной демократии.

В соответствии с этими положениями в статье 42 проекта конституции, предложенного депутатами-коммунистами, указывалось, что «собственность, являющаяся плодом личного труда, объявляется неприкосновенной», а статья 43 устанавливала, что «безопасность и национальная независимость Франции требует устранения и запрещения всякого предприятия, носящего монополистический характер. Следовательно, предприятия монополистического характера, существующие в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, банках, страховых обществах и на транспорте, подлежат экспроприации в пользу государства без вознаграждения...» Такие предприятия должны были перейти в управление комитетов, составленных из представителей государства и выборных представителей инженерно-технического персонала и рабочих. Для бывших акционеров экспроприированных предприятий, против которых не выдвинуто никаких обвинений в антинациональных деяниях, предусмотрена была компенсация.

В части, касающейся политического устройства, проект конституции предусматривал полный суверенитет нации, осуществляемый через Национальное собрание, депутаты которого могут быть отозваны их избирателями. Однопалатное Национальное собрание образует ответственное перед ним правительство, объявляет всеобщую или частичную мобилизацию и состояние войны, истолковывает действующие законы, утверждает назначение и смещение верховного командующего вооружёнными силами, через своё непрерывно заседающее бюро осуществляет свои права и контроль над правительством в период между сессиями и т. д. Особое значение имела статья, направленная на демократизацию управленческого аппарата и не допускающая превращения его в машину, служащую интересам врагов народа. Эта статья гласила: «С выполнением выборного мандата несовместимы следующие функции: директора, администратора, управляющего или представителя, члена наблюдательного совета или всякой иной функ-

ции, предусматривающей участие в управлении, в наблюдении и в руководстве общественными предприятиями и учреждениями, пользующимися, на особом основании, под видом гарантированных интересов, субсидиями или всякими иными эквивалентами, преимуществами, обеспеченными государством. Не могут быть избраны также лица, осуществляющие подобные функции в обществах, предприятиях, торговых, финансовых и промышленных учреждениях, которые находятся или находились под прямым или косвенным влиянием частных предприятий, имеющих монополистический характер. К вышеозначенным функциям приравниваются лица, выполняющие в этих обществах обязанности юридического или технического советника».

Отдельные статьи проекта конституции предусматривали гарантию таких прав граждан, как право на труд и гарантию трудового соглашения, право на отдых, право на бесплатное образование и т. д.

Учредительное собрание не стало обсуждать проект, внесённый депутатами-коммунистами, а образовало специальную конституционную комиссию для разработки проекта новой конституции. В состав комиссии вошло 42 депутата— 12 коммунистов, 11 членов МРП, 10 социалистов и 9 членов других партий. Председателем комиссии был избран Андре Филипп (социалист), вице-председателями: Этьен Фажон (коммунист) и Пьер Кот (левый радикал), а генеральным докладчиком — Франсуа де Мантон (МРП). Конституционная комиссия начала свои работы 4 декабря 1945 г. Состав этой комиссии вновь делал социалистов «осью» большинства. Но в отличие от Учредительного собрания, где социалисты старались сохранять единство и с коммунистами, в более интимной обстановке конституционной комиссии при разработке основного закона государства они во всех решающих вопросах шли на сделки и соглашения с МРП.

В течение первых трёх-четырёх недель своей деятельности конституционная комиссия приняла почти три десятка основных конституционных положений, большинство из которых было осуждено и отвергнуто коммунистами, а также ВКТ, Лигой прав и радикалами. Положения, одобренные социалистами и членами МРП,

стремились обеспечить государственный контроль над партиями, установить опеку правительства над будущим парламентом, аннулировать свободу голосования, создать систему, обеспечивающую регулирование выборов. Достигались эти антидемократические цели следующими положениями, одобренными большинством конституционной комиссии: во-первых, в конституцию подлежал внесению статут политических партий, содержащий в себе указание на присоединение каждой партии к принципам Декларации прав человека, описание внутреннего устройства партий и признание права контроля над их финансами; во-вторых, предусматривалось, что в случае вторичного выражения парламентом недоверия правительству не правительство обязано подать в отставку, а парламент считается автоматически распущенным; в-третьих, под угрозой материальной и моральной ответственности устанавливалось обязательное голосование для всех граждан, достигших 20-летнего возраста; в-четвёртых, имелось в виду образовать специальный, не подчинённый парламенту орган для разрешения конфликтов, возникающих во время выборов, и т. д.

Конституционный проект, предложенный большинством конституционной комиссии, нарушал основные принципы демократии. Демократические круги подняли тревогу. Левая печать клеймила предложения большинства конституционной комиссии как неонацистские. «Мы находимся перед угрозой установления нового тоталитарного режима», — писал Пьер Эрве в «Франс нувель». Массы почувствовали, что на Францию вновь пала тень «кагуляров», нацистов, Виши, «200 семейств». Огромное возбуждение охватывало рабочих, крестьян, интеллигентов. Вне зависимости от партийной принадлежности или частных симпатий они гневно реагировали на поползновения кучки политиканов, собиравшихся в интересах трестов и монополий законодательным путём удушить демократию. Горячий дух народного возмущения проник в стены Учредительного собрания. На заседании социалистической фракции многие рядовые депутаты прямо обвинили своих лидеров в сговоре с врагами народа и потребовали созыва чрезвычайного партийного съезда. Среди депутатов — членов МРП — также раздались голоса протеста и предостережения.

Коммунисты и все честные демократы указывали на западню, которую расставляют народу, Франции, её настоящему и будущему.

Тем временем политический кризис, переживавшийся Францией, принял ещё более острые формы: народ, который, не жалея усилий, по примеру коммунистов старался производить как можно больше, узнал, что страна находится перед угрозой голода.

Располагая всего двухмесячным запасом зерна, де Голль и министр снабжения Пино (социалист) в период предвыборной кампании из чисто агитационных, соображений провели отмену хлебных карточек и установили свободную, ненормированную продажу хлеба. Этот авантюристический шаг был сделан в расчёте на завоевание избирательной победы и на последующую помощь со стороны США. Но так как путём апелляции к желудку избирателей де Голлю не удалось сколотить требуемое ему большинство, так как, — вероятно, в результате этого американская поддержка оказалась весьма ограниченной, то вскоре стала явственно вырисовываться перспектива продовольственной катастрофы. Вместо мер, направленных к улучшению положения, глава правительства, опасаясь уронить свой авторитет и показать себя в крайне невыгодном освещении, допускал преступное расточительство последних запасов зерна и муки. Только в самом конце декабря Франция узнала, что она поставлена на грань голода и что с 1 января 1946 г. предстоит восстановление отпуска хлеба по карточкам по нормам более низким, чем в период до их временной отмены.

Взрыв возмущения и протеста прокатился по стране. К тому же вскрылись скандальные факты, что на вооружённые силы с личным составом в 800 тыс. человек отпускалось около 2 млн. рационов. Преступный характер этого разбазаривания продуктов питания был несомненен.

В такой обстановке в ночь на 1 января 1946 г. Учредительному собранию пришлось принимать новый бюджет, по которому предполагаемый дефицит должен был составить по крайней мере 200 млрд. фр. С неожиданно резкой критикой бюджета и требованием сокращения военных расходов на 20% выступили представители

социалистов, в частности Андре Филипп. Но занятая ими позиция представляла собой простой жест, рассчитанный на некоторое восстановление доверия к партии, утраченного вследствие её постоянных уступок и соглашений с МРП. Критика социалистов вызвала бурные прения, продолжавшиеся почти 36 часов. Бросая резкие упреки де Голлю, социалисты полагали использовать поток гнева и возмущения в стране, который вызвал глава правительства. Рассчитывая на то, что коммунисты не рискнут пойти на правительственный кризис и не будут голосовать вместе с ними против бюджета, социалисты, несомненно, собирались заставить солидным аргументом, оправдывающим их уклонение от единства действий с коммунистами. Но перед самым голосованием Жак Дюкло сообщил Учредительному собранию, что в интересах единства рабочего класса депутаты-коммунисты будут голосовать вместе с социалистами. Испугавшись этой неожиданной для них поддержки, социалисты потребовали перерыва в заседании, а затем отказались от своих предложений.

Игра социалистических лидеров в оппозицию де Голлю не только поставила их в смешное положение, но резко обострила внутрипартийную борьбу. Рядовые члены партии, партийные функционеры и многие депутаты и члены руководящих органов упрекали лидеров социалистической партии в том, что они проводят линию, отклоняющую партию от коренных принципов социализма, навязывающую партии тактику сотрудничества с врагами рабочего класса, саботируют единство французской демократии, оказывают поддержку внешней политике, противной интересам Франции.

В условиях разраставшегося политического кризиса и всяких антинародных махинаций особенно рельефно выделялась большая созидательная деятельность коммунистов, их постоянное пребывание на страже народных интересов, их самоотверженная служба родине и демократии. Поставленные в неблагоприятные условия в составе правительства, ограниченные сферой выделенных им ведомств, министры-коммунисты за короткий срок показали, чего можно добиться в преодолении трудностей и возрождении страны, если идти вместе с народом, опираться на него и действовать во имя его блага.

Вице-премьер Торез провёл огромную работу, подготовившую административную реформу, в результате проведения которой Франция должна была получить дешёвое правительство, простую структуру органов управления, чиновников, близких к народу. Его непрестанной заботой как государственного деятеля являлась борьба за изжитие топливного голода, за создание энергетической базы для возрождения французского хозяйства. Неутомимая деятельность Тореза, его повседневная связь с шахтёрами и оказываемая им помощь в деле преодоления саботажа и улучшения материального положения дали исключительные результаты: угледобыча стала возрастать изо дня в день, в конце декабря 1945 г. приблизилась к довоенному уровню, а с января 1946 г. начала превышать довоенные размеры. Так рабочий класс Франции под руководством коммунистов одержал большую победу на фронте хозяйственного возрождения.

Министр промышленности Марсель Поль, недавно бывший узником Бухенвальда, представил проект закона о национализации производства и распределении электроэнергии; благодаря этому топливная и энергетическая база страны должна была быть окончательно вырвана у трестов. Марсель Поль начал подготовительные работы к составлению 6-летнего плана электрификации. Им же был разработан статут для горняков, обеспечивающий преимущества для рабочих, занятых на подземных работах, предусматривающий выдачу премий за высокую производительность труда и т. д. Указом министра промышленности Поля и министра национальной экономики Бийу 800 тыс. мелких торговцев были освобождены от ряда обременительных взносов. По предложению Бийу, готовившего реорганизацию системы французского хозяйства, совет министров согласился создать «Плановый совет по модернизации и оснащению страны» и «Генеральный плановый комиссариат». Министр труда и социального обеспечения Круаза добился увеличения пособий престарелым трудящимся, многодетным и кормящим матерям, добился увеличения платы за работу в воскресные дни, в ночное время и т. д.

Народ, привыкший видеть коммунистов в авангарде борьбы за свободу и независимость, впервые увидел свою

коммунистическую партию получившей возможность заняться широкой правительственной деятельностью и убедился, что он не обманулся в своих надеждах.

Когда 18 января 1946 г. собрался Согласительный комитет коммунистической и социалистической партий, социалистам ничего другого не оставалось, как вернуться к политике сотрудничества с КПФ, в частности по вопросу о создании конституции. Восстановление единства действий было сильным ударом по реакции. В тот же день генеральный секретарь ВКТ Бенуа Фрашон заявил в резиденции профсоюза металлургов Парижского района: «У нас нет правительства, которое мы желаем иметь. У нас есть друзья в этом правительстве, но это не то правительство, которое может провести в жизнь нашу программу. Мы не сомневаемся в том, что рабочие убеждены в необходимости создания решительного правительства, опирающегося на солидное парламентское большинство».

Решения Согласительного комитета коммунистов и социалистов, продиктованные требованиями народа, были встречены реакцией с неприкрытым беспокойством: сотрудничество социалистов и коммунистов, единство рабочего класса существенно подрывали почву под ногами противников демократического возрождения Франции. 19 января 1946 г. антикоммунистическая газета «Эпок» вышла с аншлагом: «Правительство в опасности. Неожиданное сближение между социалистами и коммунистами».

Народ требовал реорганизации правительства на основе единства рабочего класса. Политика де Голля завела его в тупик. Как писала английская газета «Обсервер», «генерал де Голль добивался того, чтобы новая конституция включала идеи диктаторского правительства. Он надеялся достичь этой цели, используя разногласия, существующие между тремя большими партиями. После соглашения между коммунистами и социалистами генерал де Голль не имел другого выхода, как или подчиниться, или уйти в отставку». Не желая подчиниться воле народа, де Голль 20 января 1946 г. вышел в отставку.

Новый правительственный кризис, разразившийся во Франции, являлся результатом продолжавшихся манёв-

ров реакции. Газета «Монд» утверждала, что без де Голля кризис «неразрешим». Однако, несмотря на все потуги врагов народа, даже реакционное охвостье не решилось на уличные выступления, как то имело место при предшествующем правительственном кризисе.

Вслед за отставкой де Голля коммунистическая партия объявила о своём намерении образовать правительство под председательством Мориса Тореза, опирающееся на единство рабочего класса и союз всех республиканцев. МРП отказалась участвовать в таком правительстве. Лидеры социалистов потребовали создания трёхпартийного кабинета под председательством Венсана Ориоля. На заседании социалистической фракции Учредительного собрания за предложение коммунистов голосовало 38 депутатов, 13 воздержались, остальные голосовали против.

Тогда коммунисты для быстрейшего разрешения кризиса согласились на трёхпартийное правительство и выдвинули в качестве его главы кандидатуру председателя Учредительного собрания—социалиста Феликса Гуэна.

Уже 22 января 1946 г. подавляющее большинство депутатов Учредительного собрания голосовало за возложение на Феликса Гуэна обязанности главы правительства. После длившихся несколько дней переговоров и разработки общего соглашения между тремя основными партиями, 26 января 1946 г. было сформировано новое французское Временное правительство под председательством Феликса Гуэна и вице-председательством Мориса Тореза и Франсиска Гэ. Из состава нового правительства оказались устранимыми не только де Голь, но и его ближайшие сотрудники — социалисты, Адриан Тиксье, Эжен Тома, член ЮДСР Жак Сустель, «беспартийные специалисты» Плевен, Дотри, Мальро и др. В состав нового кабинета вошло 9 социалистов — глава правительства, затем министр внутренних дел Андре ле Трокер, министр национальной экономики и финансов Андре Филипп, министр общественных работ и транспорта Жюль Мок, министр сельского хозяйства Танги Прижан и др., 8 коммунистов — вице-премьер и министр без портфеля Торез, министр вооружения Гийон, министр промышленного производства Поль, заместитель министра промышленного

производства (по углю) Лекер, министр труда Круаза, заместитель министра труда Патино, министр по делам бывших фронтовиков и пострадавших от войны Казанова, министр реконструкции и благоустройства городов Бийу и 6 членов МРП — вице-премьер и министр без портфеля Франсиск Гэ, министр иностранных дел Жорж Бидо, министр юстиции Анри Тегжен, министр вооружённых сил Мишле и др.

Декларация, оглашённая новым правительством, информировала страну о трудностях положения, в которое её поставили действия бывших кабинетов де Голля, и отмечала способы быстреешего изжития экономического и продовольственного кризиса, оздоровления финансов и промышленности, очищения армии и управленческого аппарата от врагов демократии и быстреешего укрепления государственности путём выработки и принятия новой конституции.

В действительности трёхпартийный блок, образовавший правительство под председательством Гуэна, не был единодушен в определении политического курса страны. Этот блок был порождён, с одной стороны, нежеланием социалистических лидеров сотрудничать только с коммунистами и вместе с ними осуществлять программные требования трудящихся масс, а с другой — опасением руководителей МРП, что в случае если их партия окажется в оппозиции к коммунистам и социалистам и не войдёт в правительство, то левые партии в конечном счёте договорятся между собой. Отвергая упрёки в том, что они отделились от де Голля и пошли на коалицию с коммунистами и социалистами, руководители МРП оправдывали себя тем, что, участвуя в правительстве, они принудят левые партии идти на компромиссы во всех решающих вопросах, лишат коммунистов их «вредности» и навяжут правительству «умеренную» политику. Только коммунисты руководствовались исключительно интересами подавляющей части нации, интересами тружеников города и деревни и передовой интеллигенции страны.

Реакционные круги с нескрываемым злорадством встретили сообщение о том, что представители коммунистической партии в кабинете Гуэна в большинстве своём стали во главе министерств производственного

характера: буржуазия полагала, что, продолжая встречать явный и тайный саботаж со стороны предпринимателей, поставщиков, части инженерно-технического персонала, коммунисты не справятся с возрождением национальной экономики и только дискредитируют в глазах избирателей как себя, так и самую идею демократических преобразований. Сорвать развёртывание восстановительных работ, усилить нужду и лишения масс, ввергнуть страну в экономический и финансовый хаос и в обстановке политического и хозяйственного кризиса сорвать затем дело демократизации Франции и навязать ей антинародный режим — таков был план олигархии «200 семейств». Чувствуя себя безнаказанной, она готовилась к развёрнутому наступлению на возрождающуюся Францию. Этому плану реакции противостоял проводившийся коммунистами план расширения демократии, в котором «битва за производство», за восстановление экономики, занимала одно из центральных мест.

Начатая по инициативе коммунистов тотчас же вслед за освобождением страны «битва за производство» вскоре стала существенной частью борьбы за расширение и упрочение французской демократии. Опираясь на рядовых рабочих-коммунистов, на всех сознательных трудящихся-патриотов, коммунистическая партия на деле добивалась возвращения Франции её былого величия путём борьбы за рост производства во всех секторах народного хозяйства и повсеместное увеличение производительности труда. Серьёзную поддержку коммунистам оказывало подавляющее большинство профсоюзных деятелей. Правда, кое-где анархо-синдикалистские группы, действуя в интересах реакции, пытались использовать некоторые отсталые элементы рабочего класса для развязывания забастовок и борьбы против повышения производительности труда. Но ВКТ решительно осуждала дезорганизаторов производства и, отстаивая интересы рабочего класса, направляла его усилия на разрешение основных задач, стоявших перед страной.

Играя выдающуюся роль в «битве за производство» и объединив в своих рядах подавляющее большинство рабочего класса, ВКТ добивалась от правительства национализации важнейших экономических учреждений

и других мер, способствующих улучшению положения трудящихся, и проявляла инициативу в разрешении назревших политических вопросов. В частности, 25 февраля 1946 г. ВКТ приняла решение, направленное к прекращению какого бы то ни было грузооборота и экономических отношений с франкистской Испанией. Позднее французское правительство приняло аналогичное решение и даже обратилось к правительствам США и Англии с не встретившим у них поддержки предложением о разрыве дипломатических и экономических отношений с Франко.

Повышение роли и значения ВКТ в жизни Франции нашло своё отражение в некоторых изменениях, внесённых в профсоюзный устав. Раньше устав ВКТ запрещал членам её бюро входить в руководящие органы политических партий; кроме того, устав предусматривал одинаковое представительство в бюро ВКТ и на её национальных съездах мелких и крупных профессиональных объединений. 26-й съезд ВКТ, проходивший в апреле 1946 г., подавляющим большинством голосов одобрил давно назревшие исправления устава. В обращении ко всем трудящимся Франции, принятом съездом, подчёркивалось, что ВКТ не остаётся нейтральной в борьбе между реакцией и демократией и что её первая задача заключается в усилении «битвы за производство».

Преодолевая многочисленные и разнообразные препятствия, рабочий класс Франции добивался непрерывного подъёма производства. Так, добыча угля, достигнув в январе 1946 г. размера среднемесячной добычи в 1938 г., в марте 1946 г. составляла к этой последней уже 106%; выпуск автомобилей в январе 1946 г. равнялся лишь 41% от среднемесячного выпуска автомобилей в 1938 г., а в сентябре 1946 г. — уже 70%; выпуск сельскохозяйственных машин — соответственно 47 и 63% от среднемесячного выпуска их в 1938 г. и т. д. В целом, по данным журнала «Ревю экономик э Сосиаль», промышленная деятельность возросла с 65% в январе 1946 г. до 86% в сентябре 1946 г. от уровня 1938 г. Данные о производственных успехах, одержанных французскими трудящимися вопреки предпринимателям, становились ещё более вырази-

тельными при сравнении с данными о состоянии французской экономики после первой мировой войны. Тогда, в условиях меньшего разорения страны и при отсутствии саботажа со стороны магнатов капитала, в 1920 г., через год после окончания войны, общий индекс промышленной деятельности составлял всего 57% от уровня 1913 г., а добыча угля — 53% от добычи угля в последний предвоенный год. Существенная разница в процессе экономического развития после первой и второй мировых войн объясняется тем, что после первой мировой войны командные высоты в экономике и политике целиком находились в руках узкой олигархии крупнейших собственников, а после второй мировой войны позиции этой паразитической группировки оказались подорванными в пользу трудящихся классов.

Между тем темпы восстановления французской экономики в значительной степени зависели от принятия мер, направленных к дальнейшему ограничению и ликвидации частнокапиталистических монополий в ключевых отраслях народного хозяйства. Осуществление проекта национализации производства электроэнергии и газа, разработанного министром промышленного производства Марселем Поль, должно было способствовать разрешению очень острой энергетической проблемы. Но предложения Поля встретили сопротивление в политических кругах, связанных с электрокомпаниями и газовыми обществами, под влиянием которых принятие соответствующего решения тормозилось в кабинете министров почти два месяца. Поступив затем в Учредительное собрание, проект национализации производства электроэнергии и газа натолкнулся на новое сопротивление, причём на этот раз со своим контрпроектом, в ряде важных пунктов уступавшим нажиму электротрестов, выступили и социалисты. Только по прошествии ещё многих недель Учредительное собрание приняло решение о национализации производства электроэнергии и газа. Так же медленно принимались предложения, касавшиеся национализации всей угольной промышленности, ряда крупнейших страховых компаний и др. Лишь в самые последние дни своей деятельности, 24 апреля, Учредительное собрание

приняло, наконец, закон о ликвидации всех 231 организационных комитетов для промышленности, созданных в первые дни существования правительства Петэна и являвшихся органами крупнейших трестов и банков.

Используя непоследовательность политики социалистов и открытое противодействие со стороны МРП требованиям реконструкции национальной экономики, промышленные и банковские магнаты усиливали манёвры, направленные против интересов страны. Дезорганизуя производство, изымая из обращения средства и искусственно организуя утечку капиталов за границу, крупные финансисты создавали непрекращавшуюся инфляционную обстановку. Серьёзные затруднения для французской экономики создавала также английская торговая и финансовая политика в отношении Франции. Запретив ввоз в Англию французских вин, духов и предметов роскоши, составлявших основную статью французского экспорта, английские власти не препятствовали крупным французским закупкам в Англии. 27 февраля 1946 г. в связи с истечением срока действия заключённого за год до того финансового соглашения английские власти отказали Франции в новых кредитах и потребовали погашения образовавшейся за Францией крупной задолженности. Увеличивая затруднения, испытываемые Францией, они под разными предлогами уменьшали поставку угля из рурских шахт и подачу в северо-восточные французские департаменты электроэнергии из английской оккупационной зоны Германии.

Французские социалисты продолжали утверждать, что Франция не возродится без политики далеко идущего сотрудничества с Англией и США. По настоянию социалистических лидеров в марте 1946 г. французское правительство направило в США и Канаду чрезвычайную миссию во главе с Леоном Блюмом. Вскоре после того как Блюм прибыл в Вашингтон, парижский биржевой еженедельник «Ви Франсез» писал, что «миссия Леона Блюма, кажется, приняла более широкий характер. Она выходит из рамки чисто финансовых переговоров и касается вопросов торгового и, возможно, дипломатического характера».

Но как и Англия, США не обнаружили готовности оказать Франции содействие без принятия ею обязательств полукабального свойства. В частности, имея полную возможность обеспечить Францию недостающим ей количеством зерна, США искусственно ограничивали свои поставки.

Угроза голода и срыва весенней посевной кампании побудила французское правительство обратиться к советскому правительству с просьбой о поставке зерна. Советское правительство, учитывая тяжёлое продовольственное положение во Франции, пошло навстречу Франции, как своему союзнику, и продало ей из своих ограниченных ресурсов 400 тыс. *t* пшеницы и 100 тыс. г ячменя. 6 апреля 1946 г. в Москве было подписано соответствующее соглашение, а спустя пару недель во французские порты стали прибывать советские пароходы, груженные предоставленным Франции зерном.

Действенная помощь Советского Союза произвела глубокое впечатление на широкие слои французского народа. Лишь самые реакционные листки да социалистическая газета «Попюлер» пытались преуменьшить её реальное значение и выраженную в ней неизменную готовность СССР содействовать полному восстановлению независимости и величия Франции.

«Французский народ тем больше ценит эту своевременную помощь, — писала одна парижская газета, — что он не забывает о страданиях, пережитых народом, оказывающим эту помощь, и о разрушениях, которым подверглась его страна. Французский народ также будет рад узнать, что правительство Москвы особенно подчеркнуло, что эта помощь оказывается «союзной Франции» на основе франко-советского договора о дружбе и взаимопомощи, придав этой взаимопомощи всю полноту её значения».

Дружественную и бескорыстную политику СССР французский народ не мог не сопоставить с политикой других великих держав в отношении Франции. В частности самое пристальное внимание во Франции вызвали дебаты и предложения, сделанные на происходившей весной и летом 1946 г. в Париже сессии Совета министров иностранных дел США, СССР, Англии и Франции. Американский проект о разоружении

Германии и о контроле над этим разоружением в течение 25 лет даже правая французская печать, ориентированная на односторонние связи Франции с англо-саксонскими странами, расценила как проект, чреватый срывом решений Берлинской конференции руководителей трёх держав и сулящий Франции в недалёком будущем новые столкновения с возрождённым германским империализмом. В равной степени опасными для страны были признаны всей печатью, за исключением социалистической, английские планы управления и контроля над Рурским бассейном, этим главным военно-экономическим арсеналом германской агрессии. Выступление Черчилля, начавшего пропагандистскую кампанию в пользу германских империалистов и против мира и безопасности народов, также свидетельствовали о резкой активизации сил международной реакции.

Осложнения, которыми сопровождалась для Франции возрастающая активность реакционных сил во всём мире, увеличивались в связи с усиливавшимися происками и манёврами отечественной, французской, реакции. Поражение, понесённое на октябрьских выборах крайне правыми партиями, побудило их вожakov и вдохновителей сделать попытки покончить с раздробленностью реакционных организаций. Ещё в сентябре 1945 г. заправилы крупных трестов и банков потребовали от правых группировок, чтобы они объединились в единую партию, и обещали им выделить на пропагандистские расходы на первое время не менее 154 млн. ф. В конце декабря 1945 г. группа из 35 крайне правых членов Учредительного собрания (в их числе были Раморони, Андре Мюттер, Фредерик Дюпон, Ж. Ланиель, граф де Мустье), представлявших разные крайне правые организации и группировки, договорилась о создании единой партии, которой из демагогических соображений присвоили название «Республиканской партии свободы» («*Парти республикен де ла либертэ*» — ПРЛ).

5 февраля 1946 г., в канун годовщины фашистского путча 1934 г., ПРЛ провела свои первые открытые собрания. Преемственная связь этой партии с довоенным фашистским движением была специально подчеркнута тем, что эти собрания сопровождались тем же

призывом «На палату!», с которым фашистские молодчики пытались ещё в 1934 г. удушить французскую Третью республику. Тотчас же после формирования ПРЛ начала развёрнутую борьбу против демократических сил страны. «Защищать капитализм», т. е. тресты, синдикаты, монополии, олигархию «200 семейств» — так определил задачу ПРЛ один из её вожаков.

ПРЛ вскоре стала ведущей партией французской реакции. Но откровенно профашистский курс её деятельности, её прямая связь с такими мощными капиталистическими объединениями, как Комитет тяжёлой промышленности, Угольный комитет, Текстильная компания и др., побудили руководство некоторых правых групп, в частности «Республиканской федерации», а также меньшинство «Демократического альянса» во главе с бывшим французским послом в Германии Франсуа Понсе, заявить о сохранении организационной обособленности от ПРЛ. В действительности же, если в организационном отношении ПРЛ и не поглотила все мелкие правые группы, то с момента её создания усилилось политическое единство всего французского реакционного лагеря.

Вскоре после создания ПРЛ были предприняты попытки объединения её с МРП. Но предложения этого рода натолкнулись на противодействие тех лидеров МРП, которые имели связи с Движением сопротивления и дорожили влиянием своей партии в среде трудящихся-католиков. Однако в практической деятельности МРП и ПРЛ большей частью сотрудничали между собой, особенно, когда дело касалось конституционных проблем или вопросов национализации.

Тенденции к консолидации на почве единства с реакцией сказывались и в среде относительно умеренных буржуазных группировок. «Независимые республиканцы» из группы Александра Варенна, часть деятелей ЮДСР и часть радикалов создали блок, присвоивший себе наименование «Республиканского объединения». Позднее этот блок уступил место «Объединению левых республиканцев» в составе ЮДСР и партии радикалов. Съезд радикалов, происходивший в апреле 1946 г. в Лионе, показал, что в этой партии получили

преобладание реакционные, мюнхенские элементы. Попытки Пьера Кот, Жюстена Годара, Жака Кейзера, Альбера Байе и др. добиться сближения партии с левыми партиями натолкнулись на сопротивление руководства радикалов во главе с Эррио и окончились либо исключением либо вынужденным выходом левых элементов из состава радикал-социалистической партии.

Оживление в реакционных кругах страны сопровождалось многочисленными происками со стороны вишійцев и коллаборационистов, в большом числе продолжавших гнездиться в государственном аппарате и вооружённых силах Франции. Многие более крупные предатели и изменники нашли убежище в колониальной и оккупационной администрации. Некто Сабатье, бывший при Петэне областным префектом Бордо, оказался главным директором по административным делам в оккупационном управлении, начальник кабинета вишійского министерства финансов Филипп Феан — главным директором по вопросам экономики и финансов оккупационной зоны, вишійский префект Кабуа — начальником тайной полиции французской оккупационной зоны Германии и т. д. Опираясь на антипатриотические группы среди офицеров, эти реакционные чиновники срывали денацификацию оккупационной зоны и оказывали поддержку прогитлеровцам, особенно из кругов бывшей немецкой католической партии центра.

Непрерывное разбухание государственного аппарата (количество служащих в министерстве внутренних дел увеличилось с 14 тыс. в 1939 г. до 96 тыс. в 1946 г., а количество служащих в муниципальных и департаментских учреждениях — соответственно со 120 тыс. до 357 тыс. и т. д.) облегчало просачивание в органы управления врагов демократии и республики. С их помощью даже такой крупнейший организатор капитуляции, как бывший председатель Комитета тяжёлой промышленности Франсуа де Вандель, передавший во время немецкой оккупации большую часть французской металлургической промышленности концерну «Герман Геринг», сумел сохранить свою собственность и добиться восстановления в политических правах. В то же время во исполнение приговоров, вынесенных оккупационными или вишійскими властями, часто за-

держивались и заключались в тюрьмы активисты Движения сопротивления, особенно из числа вольных стрелков и партизан. Эта скандальная практика вскрылась, когда органы министерства юстиции добились ареста генерального секретаря объединения профсоюзов Парижского района Эжена Энаффа. Основанием ареста послужил заочный приговор, вынесенный Энаффу петэновским трибуналом после его побега в 1941 г. из гитлеровского лагеря заложников в Шатобриане. Конечно, Энафф был вскоре освобождён, но этот случай характеризовал деятельность органов, призванных очистить Францию от предателей, изменников, фашистов.

Перегруппировка сил, произведённая реакцией, и её всё учащавшиеся вылазки создавали серьёзную угрозу для дела демократии и со всей остротой выдвигали вопрос о рабочем и республиканском единстве. Коммунисты с возраставшей настойчивостью предлагали социалистам объединить усилия в борьбе против поползновений правых партий и группировок. Эти предложения находили сочувственный отклик в низовых звеньях социалистической партии, но отвергались её лидерами. Политика лидеров, с готовностью воспринявших антидемократические конституционные предложения католической партии, а затем навязавших участие представителей МРП в кабинете Гуэна, вызвала открытый ропот внутри социалистической партии.

По требованию местных организаций партии 29 марта 1946 г. в Монруже был созван внеочередной партийный съезд социалистов. Группа партийных работников — Ги Молле, мадам Андре Марти-Капгра, Деше-зель и др. — распространила среди делегатов съезда обращение, в котором довольно резко критиковала партийное руководство за его тактику в отношении МРП, ЮДСР и др., за его глубочайшее отступление от марксизма, но в то же время поносила КПФ. Не будучи последовательными и сыграв роль чего-то вроде официальной оппозиции, авторы обращения удовольствовались лишь словесной критикой и не поддержали требований провинциальных работников о немедленном отстранении всего руководящего комитета социалистической партии. В конечном счёте съезд решил вообще

не обновлять партийного руководства, но отменил репрессивные меры, принятые руководством по отношению к деятелям социалистической федерации департамента Тарн, договорившись о широком сотрудничестве с местной федерацией коммунистов. Как прения на партийном съезде социалистов, так и настроения рядовых членов партии говорили о том, что социалистическая партия может оказаться в состоянии серьёзного кризиса и разброда, если её руководство не откажется от политики беспринципного лавирования и игнорирования основных интересов народных масс. Партийные лидеры не могли не учесть этого обстоятельства при новом решении такого основного вопроса, как вопрос о конституции.

12. БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

С осени 1945 г. в политической жизни Франции преобладающее положение занял вопрос о конституции. От того, какой будет французская конституция, каковы будут права французского народа, волю каких слоев населения будут выражать стоящие во главе государства учреждения и лица, зависела судьба Франции. Естественно, что именно вокруг конституционного вопроса завязалась наиболее острая и ожесточённая борьба классов и партий освобождённой Франции.

Усилиями коммунистической партии попытка клерикалов с помощью социалистов навязать стране антидемократический режим была сорвана и завершилась отставкой де Голля. 20 февраля 1946 г. конституционная комиссия Учредительного собрания по предложению коммунистов приступила к пересмотру принятого ею ранее проекта конституции. Состав комиссии несколько изменился, вместо Андре Филиппа, вошедшего в правительство, председателем комиссии стал социалист Ги Молле; своим докладчиком (Комиссия избрала Пьера Кот. Комиссия единогласно приняла решение об исключении из проекта конституции статута политических партий, о чём до того шла длительная и напряжённая борьба, и большинством голосов постановила

отменить принятое ею ранее решение об обязательном участии граждан в выборах. Основные разногласия в комиссии выявились по вопросам о суверенитете нации, о составе и правах представительных органов и о правах главы государства, а также о светском характере государства. Дух взаимного сотрудничества, временно установившийся в комиссии между коммунистическими и социалистическими представителями, позволил им добиться включения в проект конституции всех согласованных ими предложений.

Раньше всего конституционная комиссия большинством голосов приняла Декларацию прав, которая повторяла и расширяла знаменитую «Декларацию прав человека и гражданина», провозглашённую ещё во времена буржуазной революции конца XVIII в., и содержала новые политические, экономические и социальные принципы. Эти принципы отражали прогресс, успехи демократии и поступательное развитие угнетённых классов. Повторив с некоторыми видоизменениями статьи, содержащиеся в Декларации XVIII века, новая Декларация дополнила их, установив в частности, что женщинам предоставляются равные права с мужчинами, что лицам, подвергающимся гонениям за свои действия в борьбе за свободу, обеспечивается право убежища на территории республики, что нация создаёт отдельным лицам и семьям условия, необходимые для их развития, что она гарантирует всем, особенно детям, матерям и престарелым трудящимся, материальное обеспечение, отдых и т. д. Большой интерес представляли те статьи Декларации, которые устанавливали обязанность каждого трудиться и право каждого на труд, допускали защиту прав и интересов трудящихся через профессиональные организации и с помощью коллективных договоров и признавали в установленных законом пределах право на стачку.

Как в конституционной комиссии, так и в Учредительном собрании острые дебаты развернулись вокруг нескольких статей проекта Декларации. Попытка, предпринятая Эррио 12 марта 1946 г., противопоставить проекту Декларации, представленному комиссией, свой контрпроект, была отвергнута большинством 437 голосов против 123. С тем большим рвением противники

Декларации обрушились на отдельные её статьи. Они в частности добивались, чтобы встречающийся в тексте термин «семья» был заменён термином «семья, скреплённая браком», и чтобы тем самым сохранилось деление детей на «законных» и «незаконных», чтобы из статьи, устанавливающей, что собственность является нерушимым и священным правом обладать, пользоваться и распоряжаться имуществом, «гарантированным каждому законом», была удалена эта последняя часть, предоставляющая право государству регулировать объём и характер собственности и т. д. Но подобного рода предложения не собрали большинства в Учредительном собрании и были им отклонены. Приняв статью о собственности в редакции, предложенной конституционной комиссией, Учредительное собрание одобрило также статью о том, что «всякое имущество, всякое предприятие, эксплуатация которых имеет или приобретает характер общественной национальной службы или фактической монополии, должны стать собственностью общества». Тем самым приобретало силу основного закона право на национализацию крупной собственности, концентрация которой в руках горстки монополистов создавала угрозу интересам всей нации.

Особо ожесточённая борьба развернулась в Учредительном собрании вокруг покушения крайне правых и МРП на светский характер французского государства. Свои попытки укрепить положение католической церкви и обеспечить ей содействие и поддержку государства правые и МРП облекли во внешне вполне невинное требование оговорить в Декларации принцип свободы народного образования. Но так как во Франции при наличии свободного образования рядом с государственными школами существовало много школ, организованных и управляемых католическим духовенством, то разговоры о «свободе образования» по существу имели в виду добиться уравнивания государственной и церковной школы и обеспечить последней государственную финансовую поддержку. После бурных прений Учредительное собрание голосами коммунистов и социалистов, поддержанных радикалами и некоторыми другими мелкими партиями, решило не записывать в Декларацию положение о свободе образования. Таким образом пред-

ложение, направленное против светского характера республики, пытавшееся вернуть Францию к временам исключительного влияния католической церкви, было отклонено. Враги демократии в связи с этим клеветнически утверждали, что католическая церковь находится в опасном положении, и поносили прогрессивные и демократические решения Учредительного собрания.

Из других статей Декларации особое место принадлежало статье, утверждавшей, что Франция будет верна международному праву и не будет предпринимать никаких войн в захватнических целях и никогда не использует свои силы против свободы других народов. По своему внутреннему смыслу эта статья была тесно связана с другой, намечавшей переход к новым отношениям Франции с её многочисленными колониальными владениями.

Серьёзный кризис, который переживала французская колониальная система, требовал быстрейшего разрешения.

14 марта Учредительное собрание преобразовало Гваделупу, Мартинику, Французскую Гвинею и остров Реюньон в департаменты, наделённые в полном объёме правами, предоставленными департаментам метрополии. Но с населением большинства своих владений французские власти находились в состоянии длительного и острого конфликта. В отдельных частях Французской Северной Африки дело не раз доходило до вооружённых выступлений, к организации которых были причастны и силы реакции и агенты иностранных держав. Особо напряжённо складывались у Франции отношения с её владениями в Индо-Китае. Когда в 1940 г. вишийские власти без сопротивления сдали Французский Индо-Китай японским империалистам, против новых угнетателей развернулось мощное национально-освободительное движение. Народ Индо-Китая вписал не одну героическую страницу в общую борьбу Объединённых наций против агрессивной, хищнической Японии. В процессе этой борьбы возникло и сложилось суверенное государство Вьетнам, охватившее почти всю территорию бывшего Французского Индо-Китая. Затем в эту часть освобождённой Азии возвратились французские представители и попытались восстановить без всяких изменений

положение, существовавшее до войны. Лишь после многих месяцев столкновений и конфликтов, 6 марта 1946 г., было заключено временное соглашение, которым устанавливалось, что Вьетнам в качестве свободного государства, имеющего своё правительство, свой парламент, свои финансы и свою армию, входит в федерацию Индо-Китая и Французский Союз.

В Декларации прав указывалось, что «Франция образует с заморскими народами союз, основанный на равенстве прав и обязанностей, без дискриминации как расовой, так и религиозной». Конечно, правые деятели и большинство чинов колониальной администрации полагали, что эта статья Декларации, как и ряд других, останется лишь словесной данью времени и не найдёт своего претворения на практике.

21 марта 1946 года Учредительное собрание утвердило в целом Декларацию прав. Это решение означало известный шаг вперёд в деле обеспечения экономических, политических и социальных прав народа, в том числе и угнетённых народов французских колоний, и создавало некоторые гарантии для трудящихся классов против произвола и своекорыстия господствующих собственнических классов. Выраженные в Декларации прав принципы были отражены в последующих главах конституции, посвященных вопросам государственного устройства Франции.

Обсуждение этих разделов конституции началось в Учредительном собрании 9 апреля 1946 г. докладом Пьера Кот. Последний представил на утверждение Учредительного собрания проект конституции, который, отражая взгляды коммунистическо-социалистического большинства конституционной комиссии, исходил из того, что вся полнота власти принадлежит народу. Согласно проекту верховная власть народа осуществляется при помощи единого полномочного Национального собрания, подлежащего избранию путём всеобщего равного, тайного голосования всеми французскими гражданами обоего пола, достигшими 20-летнего возраста. Избираемое на пять лет Национальное собрание единственно правомочно издавать законы и не может ни полностью, ни частично уступать кому-либо эту прерогативу. К числу исключительных и неотъем-

лемых прав Национального собрания предлагалось отнестись утверждение бюджета, объявление амнистии, ратификацию международных договоров, объявление войны. Что касается исполнительной власти, то она должна была осуществляться Национальным собранием через избираемый им Совет министров, несущий коллективную и персональную ответственность перед Национальным собранием. За главой государства, президентом республики, избираемым также Национальным собранием, предлагалось сохранить только почётные и представительные функции. Кроме того, проект предусматривал, что помимо Национального собрания — единственного выразителя народного суверенитета — в качестве совещательных органов при нём должны быть созданы ещё два представительных учреждения: Совет французского Союза и Национальный экономический совет.

После того как проект конституции поступил на обсуждение Учредительного собрания, представители МРП при поддержке всего правого лагеря потребовали, чтобы Совет французского Союза получил все права, предоставленные Национальному собранию. Поль Кост-Флорэ, представитель фракции МРП, предложил восстановить во Франции двухпалатную парламентскую систему с привлечением второй палаты к участию в выборах президента. Правые рассчитывали, что вторая палата — Совет французского Союза, способ образования которого ещё не был установлен, превратится в оплот реакции и будет выполнять ту же функцию, что и сенат во времена Третьей республики. Но, не довольствуясь планами возвращения к довоенному режиму, они требовали, чтобы президент получил право роспуска Национального собрания и тем самым оказался бы стоящим над органом, воплощающим народный суверенитет, и чтобы особая юридическая инстанция, не зависящая от Национального собрания, осуществляла контроль над конституционностью законов, над соответствием текущего законодательства основному закону страны.

Чтобы прикрыть свои подлинные планы, крайне правые и МРП подняли шумиху о якобы угрожающей стране «коллективной диктатуре» Национального собрания

и стыдливо умалчивали о том, что они-то и помышляют о «твёрдой власти», способной удушить демократию и лишить народ его завоеваний. В то время как правая и клерикальная печать пыталась создать представление о мнимой угрозе диктатуры со стороны проектируемого Национального собрания и в истерических тонах писала о необходимости «защищать свободу», вожаки МРП, ПРЛ и других близких им организаций усиленно искали пути к осуществлению своих планов. Особую активность развивал Гастон Палевский, который ввиду своей близости к де Голлю и Рейно и связям с Бидо играл в то время роль центральной фигуры во всех махинациях правых. Поль Рейно, Даладьё, деятели ПРЛ предлагали МРП не только порвать с коммунистами и социалистами в конституционном вопросе, но и разбить существующую трёхпартийную правительственную коалицию.

Систематическая оппозиционность МРП в отношении проекта конституции заставила Гуэна заявить министрам-католикам: «Если вы желаете противодействовать принятию новой конституции, то дальнейшее поддержание существующей правительственной коалиции невозможно». Но не желая терять преимуществ, связанных с пребыванием у власти, Бидо заявил, что конфликт по вопросу о конституции не изменяет позицию МРП в отношении правительства. МРП чувствовала себя тем увереннее, что её лидеры не теряли надежды отделить социалистов от коммунистов. Закулисные переговоры Венсана Ориоля, председателя Учредительного собрания, и других социалистов с деятелями МРП не оставляли сомнений в том, что эти надежды не были лишены основания. 18 апреля, в момент, когда кризис достиг максимальной остроты, генеральный секретарь социалистической партии Даниель Мейер, председатель парламентской группы социалистов Депре и Венсан Ориоль выразили готовность отыскать примирительную формулу. Уступки, на которые соглашались лидеры социалистов, были тем более несвоевременны и неуместны, что Учредительное собрание отклонило одну за другой все антидемократические поправки к конституции, внесённые представителями ПРЛ, МРП, ЮДСР, радикалов и др., а 17 апреля приняло новый избира-

тельный закон, предусматривавший более последовательное соблюдение принципа пропорционального представительства.

19 апреля коммунистическая группа Учредительного собрания отклонила «примирительные» предложения лидеров социалистов, как неприемлемые для последовательных демократов, а 20 апреля Учредительное собрание большинством 309 голосов коммунистов, социалистов и некоторых других депутатов против 249 голосов членов ПРЛ, МРП и др. утвердило проект конституции.

Битва за конституцию в Учредительном собрании завершилась в пользу демократии. Но впереди был всенародный опрос, референдум, которому предстояло определить, станет ли принятая Учредительным собранием конституция основным законом страны.

В тот же вечер, когда большинство Учредительного собрания высказалось за проект конституции, Жак Дюкло заявил на заседании Центрального комитета КПФ, что план реакции заключается в том, чтобы помешать принятию конституции, продлить временный режим, вызвать неуверенность, беспокойство в умах, доказать бессилие демократии и создать благоприятную обстановку для авантюры, направленных против республики. Чтобы сорвать намерения реакции и завершить победой дело установления демократического строя во Франции, Центральный комитет КПФ обратился с письмом к руководящему комитету социалистической партии, в котором предлагал организовать совместную кампанию по проведению референдума, назначенного на 5 мая 1946 г. Но руководящий комитет социалистической партии отклонил эти предложения коммунистов.

Реакционные круги встретили решение руководства социалистов с нескрываемым восторгом.

Оглушительная пропаганда против проекта конституции со стороны правых, не жалевших средств для воздействия на психику избирателя, заманивала французов перспективой англо-американской помощи, в случае если Франция отклонит конституцию, и пугала их перспективой увеличения лишений, если конституция будет принята. На выборах в октябре 1945 г. коммунисты и социалисты получили немногим больше половины

голосов. Для того чтобы обеспечить перевес голосов за партиями, выступавшими против конституции, достаточно было оторвать от левых партий небольшую группу их избирателей. Социалистические лидеры отклонили в этот решающий час совместные действия с коммунистами, вели вялую, бесцветную агитацию в пользу конституции. Уже до референдума было ясно, что часть социалистических избирателей поддавалась на увещания и запугивания правых. Коммунисты делали всё возможное, чтобы выправить положение.

5 мая 1946 г. за утверждение конституции высказалось 9 327 073 избирателя, против—10 488 059 избирателей, и, таким образом, большинством, немногим превышающим 1 млн. голосов, конституция была отклонена. По сравнению с выборами в Учредительное собрание коммунисты и социалисты, бывшие единственными партиями, стоящими за утверждение конституции, в мае 1946 г. собрали на 438 тыс. голосов меньше, чем в октябре 1945 г., и тем самым потеряли абсолютное большинство в пользу правых, которые кроме того сумели привлечь на свою сторону несколько сот тысяч избирателей, воздержавшихся при предшествующем голосовании от выражения своей воли. Более детальный анализ результатов референдума показал, что поражение левых партий произошло главным образом за счёт потери голосов в округах, ранее избиравших социалистов. Газета «Карфур» пришла к выводу, что социалисты во время референдума потеряли приблизительно 1 млн. своих сторонников, а в таком случае общая потеря обеих левых партий только в половину этой цифры говорила о том, что коммунисты не только сохранили своих избирателей, но и добились увеличения их числа. Однако правым партиям удалось сорвать принятие конституции, добиться продления временного режима и в соответствии с законом о временной организации власти поставить страну перед необходимостью созыва нового, второго Учредительного собрания. Выборы второго Учредительного собрания были назначены на 2 июня.

Уже на следующий день после референдума Центральный комитет КПФ опубликовал манифест, в котором констатировал, что реакция одержала победу

небольшим перевесом голосов, что среди вотировавших против утверждения конституции было много случайных, запутавшихся избирателей, что серьёзную опасность, нависшую над делом демократии, должны отвлечь упорство и единство всех подлинных республиканцев.

Наступил момент, говорил тогда же Торез, «отложить на второй план то, что разделяет обе рабочие партии, с тем чтобы противопоставить фашистскому наступлению непреодолимый фронт».

Вместо того чтобы сделать надлежащие выводы из неудачи, которая постигла французскую демократию во время референдума, и умножить усилия, чтобы преградить дорогу наглежащей реакции, Даниель Мейер стал упрекать коммунистов в том, что те, развернув настойчивую агитацию в пользу утверждения конституции, отпугнули многих избирателей. Это странное и нелепое заявление стало совершенно понятным, когда Гуэн, Мейер и др. сообщили на избирательных собраниях о том, что они готовы пойти навстречу пожеланиям правых об увеличении прав президента, ограничении народного суверенитета и т. п. Тем самым социалистические лидеры сделали новый крутой поворот в своей тактике и стали на путь сближения с позицией МРП и др. Разорвав и покончив со своим временным, неполным и неполноценным сотрудничеством с коммунистами, социалистические лидеры во время подготовки выборов развернули против них невиданную по разнужданности и гнусности кампанию. Бросая коммунистам всевозможные обвинения, социалистические руководители с особым остервенением пытались очернить патриотизм коммунистов и изобразить их в виде «иностранной националистической партии». Обильно фабрикуя всякие антикоммунистические измышления, лидеры социалистов постарались придать всей развернувшейся избирательной кампании характер похода против КПФ. Это особенно стало ясным, когда министр внутренних дел социалист Ле Трокер выступил с клеветнической речью, направленной лично против Мориса Тореза. Политическое бюро Центрального комитета КПФ немедленно реагировало на эту попытку воспроизвести клевету мюнхенцев и вишистов, скомпрометировать

партию и в угоду реакции разобщить трудящихся-коммунистов и трудящихся-социалистов.

«Французская коммунистическая партия, которая гордится тем, что она была в центре борьбы за освобождение страны, не позволит отвлечь себя от осуществления политики единства и союза всех демократических сил, — говорилось в специальном сообщении Политического бюро. — Коммунистическая партия ограничится констатацией того, что в ноябре 1942 г., уже после того как многие коммунистические деятели были расстреляны гитлеровцами и гильотинированы по приказу Виши, нынешний министр внутренних дел пользовался полной свободой, спокойно занимался своей профессией адвоката и даже был принят Лавалем».

Социалистических лидеров осуждали не только в среде трудящихся, в том числе и сторонников социалистической партии, но и в некоторых буржуазных кругах. Выражая неодобрение низким методам политической борьбы, применённым социалистами, Эмиль Бюре писал в правой радикальной газете «Орор», что они такого рода действиями готовят реванш для Виши.

Вишисты и мюнхенцы использовали избирательную кампанию для нового «психического наступления» на демократию. О тактике и методах ПРЛ достаточно откровенно говорил один из лидеров этой партии Рамарони: «Мы используем все средства, чтобы добиться образования большого антимарксистского блока, являющегося в данное время целью нашей политики». Банки и тресты не жалели средств на субсидирование предвыборной кампании ПРЛ. Среди её кандидатов фигурировали бывший генеральный секретарь партии «Огненных крестов» Баррашен, крупнейшие фашистско-деларокковцы Ибарнегарэ и Мютгер, бывший петэновский министр Луи Ролен, петэновский заместитель председателя парижского муниципалитета Дюпон, петэновский мэр Виши Леже, председатель объединения предпринимателей строительной промышленности, строившего для немцев так называемый «Атлантический вал», Рамарони и др. Подлинный вожак партии Поль Рейно выступал под видом «независимого республиканца». Взгляды и надежды стоящих за ним социаль-

ных кругов он отразил в коротком лозунге: «Нужно возвращаться назад». Стремясь поддержать все ей близкие элементы, ПРЛ в Меце оказала содействие кандидатуре генерала Жиро, в департаменте Воклюз — первому мюнхенцу Даладьё, а во многих местах — кандидатам МРП.

МРП, также раздувая антикоммунистическую пропаганду, пыталась проводить её более тонким способом, чем это делали социалистические лидеры. Газета «Об» высказалась о том, что бороться с коммунизмом — «не значит драть глотку, крича о мести, а это значит продолжать дело социальной справедливости посредством конкретных реформ, часть которых — в интересах самой структуры капитализма. С коммунизмом нельзя бороться, предлагая заменить его политикой, движущейся вспять». Поэтому руководители МРП свои антикоммунистические выступления обильно сдабривали социальной демагогией и утверждали, что их победа на выборах послужит делу укрепления французской государственности. Их главный лозунг гласил: «За правительство во главе с Бидо и за главу государства де Голля!» Сохраняя мнимую безучастность в политической борьбе, де Голль отказался выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание, но не сделал никаких возражений против того, что лидеры МРП авансом, заблаговременно, рекламировали его как будущего президента Франции. В День Победы де Голль посетил могилу Жоржа Клемансо, сыгравшего выдающуюся роль в обеспечении победы Франции в годы первой мировой войны. Встреченный группой своих сторонников во главе с сыном покойного — деятелем ПРЛ Мишелем Клемансо, де Голль произнёс речь, в которой заявил, что Франция не может быть спасена «без строгой дисциплины под руководством сильного государства».

В предвыборной борьбе конституционный вопрос был отеснён на второй план как трескучей компанией правых и социалистов против коммунистов, так и проблемами внешней политики Франции. Добиваясь усиления положения МРП и правого крыла социалистической партии, иностранные круги готовились оказать влияние на предстоящие выборы. Посол США

в Париже Кефери прямо заявил, что с этой целью США предполагают предоставить Франции заём. 28 мая 1946 г. в Вашингтоне Леон Блюм от Франции и государственный секретарь Бирнс и министр финансов Винсон от США подписали франко-американское финансовое соглашение. Согласно этому соглашению США обязались предоставить Франции кредиты на сумму 1 370 млн. долл. При более детальном изучении этого соглашения выяснилось, что, во-первых, за вычетом сумм, предназначенных к оплате товаров, уже поставленных Франции, и сумм, предназначенных на закупку по вздутым ценам излишков материалов американской армии во Франции, реальный кредит Франции выражался лишь в размере 720 млн. долл.; во-вторых, на Францию не только возлагалось бремя огромного долга, который мог бы быть избегнут при иной финансовой политике правительства, но из условий договора вытекал ряд исключительных преимуществ, оговоренных правительством США, в частности право приобретения недвижимого имущества во Франции в той мере, в какой США этого потребуют, в пределах стоимости в 15 млн. долл.; в-третьих, отказ правительства Франции от политики защиты отечественной промышленности и сельскохозяйственной продукции и др.

Это очень тяжёлое соглашение социалисты стремились представить как выдающееся достижение их политики «спасения» и «психологического освобождения» Франции. В явном диссонансе с такой трактовкой результатов миссии Блюма звучали неприкрытые угрозы по адресу французской демократии, которые рсточал со страниц парижской реакционной газеты «Фигаро» известный трубадур американского экспансионизма Вальтер Липпман. Подчёркивая заинтересованность США в исходе выборов во Франции, он прямо предупреждал, что в случае своей избирательной победы коммунисты «столкнутся с сопротивлением британской и американской армий». Накануне выборов с речью по радио, обращенной к избирателям-католикам, выступил папа Пий XII. Но ни обещанные американские доллары, ни американские угрозы и папские увещевания, ни происки социалистов, ни пол-

миллиарда франков, затраченных правыми партиями на антикоммунистическую пропаганду, не дали ожидавшегося реакцией результата.

На выборах во второе Учредительное собрание 2 июня 1946 г. приняло участие в голосовании 20 323 531 человек — 82,4% всего числа зарегистрированных избирателей; недействительными было признано 517 тыс. бюллетеней. За кандидатов коммунистической партии было подано 5 213 тыс. голосов, т. е. на 210 тыс. голосов больше, чем на выборах в первое Учредительное собрание; социалистическая партия, получив 4 190 тыс. голосов, собрала на 410 тыс. голосов меньше, чем в октябре 1945 г.; МРП получила 5 596 тыс. голосов, т. е. на 900 тыс. больше, чем на предшествующих выборах, и её парламентская группа стала крупнейшей в Учредительном собрании; ПРЛ, получив 2 560 тыс. голосов, потеряла около 300 тыс.; «Республиканское объединение» радикалов ЮДСР и др. собрало 2 030 тыс. голосов — на 500 тыс. больше, чем эти же группы в октябре предшествующего года, и т. д.

Потерпели поражение и были забаллотированы избирателями ряд лиц из ближайшего окружения де Голля — Плевен, Сустель, Капитан, такие «идеологи» антикоммунистического похода, как Анксёна, Марк Рюкар, Жорж Моннэ.

Самым выдающимся результатом выборов явился успех КПФ, показавший, что, несмотря на предпринятый против неё крикливый и беспринципный поход, она опирается на твёрдую поддержку передовых сил французского народа. Особо показательное значение имело то обстоятельство, что почти 70 сельскохозяйственных департаментов, не дав себя обмануть и запугать антикоммунистическими измышлениями, избрали своими депутатами коммунистов. Этим значительная группа сельских избирателей подтвердила, что она рассматривает коммунистов, добившихся разработки положения о фермерах и арендаторах, отстоявших уменьшение арендной платы на землю, проводивших ряд мер по облегчению финансового положения крестьянства и по обеспечению деревни удобрениями и сельскохозяйственными машинами, как подлинных

защитников трудящегося крестьянства. Констатируя успех партии в пролетарских центрах и в значительном числе передовых сельскохозяйственных департаментов, «Юманите» писала на следующий день после выборов: «Сегодня, как и всегда, коммунисты призывают трудящихся социалистов к единству во имя окончательного торжества подлинной демократии».

Несмотря на то, что выборы закончились серьёзной неудачей для социалистов, явившейся результатом их политики раскола рабочего единства и отхода от них части пролетарских избирателей к КПФ, а части мелкобуржуазных избирателей — к правым партиям, коммунисты в целях сохранения возможной стабильности власти и быстрее разрешения конституционной проблемы выразили согласие поддержать существовавшее трехпартийное правительство под руководством Гуэна. Но сами социалисты, которые в предшествовавших случаях отказались поддержать кандидатуру коммуниста на пост главы правительства, когда коммунистическая партия располагала наибольшим числом мандатов в первом Учредительном собрании, теперь заявили, что председателем кабинета министров должен быть кто-либо из представителей парламентской группы МРП, как первой по числу мандатов в Учредительном собрании, и тем самым вызвали правительственный кризис. Отставка кабинета Гуэна вызвала ряд комбинаций, направленных к расширению правительства направо, за счёт исключения из его состава коммунистов. Но попытки создать кабинет без участия крупнейшей политической партии, располагавшей поддержкой передовой многомиллионной массы французов, потерпели неудачу.

Коммунисты ставили условием своего участия в правительстве немедленное удовлетворение требований ВКТ о повышении заработной платы рабочим и служащим. С октября 1944 г., т. е. со времени освобождения страны, и по осень 1946 г. номинальная заработная плата, как указывал журнал «Ревю экономик э социаль», возросла в 2,4 раза, но за то же время цены на сельскохозяйственные продукты увеличились в 2,75 раза. Следовательно, при относительной неизменности цен на промышленные товары покупательная

способность лиц наёмного труда на продукцию сельского хозяйства значительно упала. Уменьшение реальной заработной платы вызывалось также махинациями заправил финансового мира. Считая необходимым положить конец политике ухудшения условий существования трудящихся классов, ВКТ требовала повышения заработной платы на 25%. Требование ВКТ нашло поддержку со стороны КПФ.

Пока происходили переговоры о формировании правительства, реакционные силы, воодушевлённые тем, что им удалось сорвать принятие демократической конституции, протащить в Учредительное собрание Поля Рейно, Даладьё и других, подобных им деятелей, решили, что в условиях правительственного кризиса пришло время возобновить открытую уличную борьбу против демократии и республики.

16 июня, в связи со второй годовщиной со дня освобождения союзниками части Нормандии, генерал де Голль после многомесячного мнимого устранения от политических дел посетил нормандский городок Байе, где произнёс программную речь по конституционному вопросу. Взгляды де Голля, за исключением некоторых второстепенных моментов, не были для Франции новыми, так как совпадали с воззрениями, развивавшимися ещё до войны Андре Тардьё, Гастоном Думергом и многими другими идеологами французской реакции. Подобно им де Голль провозгласил себя сторонником авторитетного режима, который осуществлялся бы главой государства, «верховным арбитром», «гарантом национальной независимости». Требуя, чтобы носитель верховной власти располагал по сути дела неограниченной властью, назначал и смещал министров, распускал парламент, который должен, по мнению де Голля, состоять из двух палат, издавал декреты, единолично распоряжался вооружёнными силами и т. д., бывший глава временного правительства недвусмысленно высказался за режим личной диктатуры. При том культе личности, который усиленно создавался вокруг имени де Голля почти всеми, начиная от крайних правых и кончая социалистами, речь генерала получила широкий резонанс. В откликах на выступление в Байе большинство органов печати отмечало

антидемократический характер конституционных воззрений де Голля. Одни газеты в соответствии со своими политическими симпатиями резче или мягче осуждали де Голля, а другие, как, например, орган ПРЛ «Курье де Пари», объявили о том, что воспринимают выступление генерала как программу своих действий.

После выступления в Байе французская реакция сделала де Голля знаменем своего движения и использовала созданную ему популярность для своих политических целей.

Через день, 18 июня, де Голль появился в крепости Моя Валерьен, под Парижем, где предстояла церемония в честь патриотов, расстрелянных немцами. Он был встречен раздавшимися из толпы его сторонников призывами к власти и погромными выкриками по адресу демократических министров.

Какие надежды у французских реакционеров были связаны с планами возвращения де Голля к власти, показали события, которые произошли в тот же вечер в столице Франции. После факельного шествия, устроенного в ознаменование шестой годовщины со дня выступления де Голля в Лондоне с призывом к французам о сопротивлении, группа фашистских манифестантов совершила нападение на здание Центрального комитета КПФ, разгромила помещение редакции газеты «Фрон националь», и устроила костёр из книг, издаваемых демократическими организациями.

«Так начинали гитлеровцы», — заявил по этому поводу Жак Дюкло, выступая на следующий день в Учредительном собрании.

Учредительному собранию предстояло избрать главу правительства. На этот пост была предложена единственная кандидатура — Жоржа Бидо. Коммунисты, выдвигая на первый план интересы Франции и проникнутые сознанием необходимости быстрее дать стране новое правительство, решили не выставлять собственной кандидатуры в председатели временного правительства; но в то же время они не могли поддержать кандидатуру, которая, не пользуясь предпочтением коммунистической партии, имела бы поддержку от крайних реакционных групп. В результате за кандида-

туру Бидо высказались все парламентские группы, кроме коммунистической, по примеру которой воздержались от голосования другие депутаты, в том числе 6 социалистов, 4 депутата МЮРФ и 10 из алжирских депутатов.

20 июня состоялась массовая демонстрация трудящихся Парижа, явившихся по призыву объединения французских профсоюзов к зданию Центрального комитета КПФ. Несмотря на то, что генеральный секретарь социалистической партии Даниель Майер осудил контрдемонстрацию парижан, а всеобщая конфедерация трудящихся христиан вопреки решениям незадолго до того происходившего её съезда, признавшего необходимость единства действий с ВКТ в отношении требований рабочих, предложила своим членам не участвовать в манифестации, сотни тысяч трудового люда Парижа вышли на улицы требовать чистки, борьбы против фашизма, за свободу, мир и демократию.

Мощный отпор, который дал пролетариат Парижа фашистским выступлениям, и протесты против провокации правых, поступавшие со всех концов страны, показали крайним реакционным партиям, что они не могут рассчитывать на участие в кабинете Бидо. После переговоров и совещаний с различными деятелями Бидо 24 июня сформировал правительство, по партийному составу соответствующее предшествующему кабинету Гуэна. В новом временном правительстве коммунисты сохранили ранее принадлежавшие им министерские места и получили один новый пост — министра здравоохранения, которым стал депутат от департамента Воклюз Ренэ Арто. Социалисты потеряли посты председателя Совета министров, министра финансов и национального хозяйства и пост статс-секретаря по делам информации, которые перешли к представителям МРП; кроме того, ле Трокер, ставший после раздутой им антикоммунистической кампании слишком одиозной фигурой, был заменён социалистами на посту министра внутренних дел Эдуардом Депре, до того возглавлявшим парламентскую группу социалистической партии. Кроме представителей трёх основных партий, в состав правительства вошёл представитель «Республиканского объединения» Александр Варены,

который, как и один из лидеров МРП Франсиск Гэ, был назначен министром без портфеля.

В кругах французской реакции образование нового правительства на основе «системы трипартизма» было встречено выражением явного разочарования. Новое временное правительство, как указывала изложенная им программа, не собиралось разрешать крупные задачи и считало своей главной целью создание условий, благоприятствовавших быстрейшему принятию конституции. Наиболее важным мероприятием правительства было увеличение заработной платы в среднем на 18%. Но значение этого акта было подорвано новым повышением цен, тотчас же организованным силами реакции.

Возбуждение, вызванное в демократических кругах активизацией реакции, оказывалось на положении внутри социалистической партии. На большом числе департаментских конференций социалистической партии были приняты резолюции, осуждавшие руководство.

На съезде социалистической партии (30 августа — 1 сентября 1946 г.) выявились крупные разногласия. Большинством голосов съезд отклонил доклады руководящего комитета партии и редакции газеты «Пюпюлер», политическим редактором которой был Леон Блюм. Однако съезд с одобрением заслушал длинное выступление Андре Филиппа, повторявшего обычные реакционные рассуждения лейбористских ораторов о вредности права «вето», о полном поражении фашизма, о слабости капитализма и опасности, которую представляет некий «новый тоталитаризм», «некий национал-коммунизм». По предложению Андре Филиппа съезд, незадолго до того осудивший партийное руководство, пошёл ещё дальше по линии раскола рабочего класса и принял решение о роспуске согласительного комитета коммунистической и социалистической партий. Отмечая склонность делегатов съезда критиковать партийное руководство и в то же время фактически солидаризироваться с ним, газета «Пари-Матэн» писала, что съезд состоял «из мелких и средних чиновников, торговцев и учителей, которые и составляют ныне эту мелкобуржуазную партию». Газета указывала, что к рабочим принадлежало лишь около одной третьей части членского состава социалистиче-

ской партии, а среди её избирателей рабочие составляли не более одной четверти.

При выборах нового руководящего комитета не были выдвинуты кандидатуры видных лидеров: Венсан Ориоля, Гуэна, Ле Трокера и др., девять членов старого руководящего комитета было забаллотировано, но съезд переизбрал Танги Прижана, Даниэля Мейера. Андре Филиппа и др.; вновь были избраны Ги Молле, Дешезель, Пьер Блок. Руководящий комитет избрал генеральным секретарём партии Ги Молле и к удивлению многих сохранил за Блюмом его положение руководителя центрального органа партии, её подлинного лидера.

В то время как съезд социалистической партии брал установку на усугубление раскола в лагере демократии, в реакционной среде сложилась новая организация — «Союз деголлевцев». Созданный бывшим деголлевским министром Ренэ Капитан, этот союз объединил часть деголлевских кадров и потребовал от Учредительного собрания, чтобы оно отказалось от выработки своего проекта конституции и превратило бы в закон «хартию Байе», т. е. конституционные принципы, изложенные де Голлем в речи, произнесённой им в Нормандии. Но так как Учредительное собрание, продолжая свою работу, прошло мимо навязчивых требований и шумной агитации «Союза деголлевцев», то Ренэ Капитан стал гласно угрожать гражданской войной. Поведение этого деятеля и его сторонников не оставляло сомнений в том направлении событий, к которому упорно и последовательно стремились тресты и банки: усилить экономические трудности, довести до предела политические противоречия, бросить страну в пучину внутренних столкновений и в общем хаосе создать, не без иностранной помощи, диктаторский режим, который покончил бы с национализацией, народным суверенитетом, свободой, демократией.

Всё большая опасность, угрожавшая Франции со стороны реакционных сил, заставляла подлинных демократов торопиться с разработкой конституции. Поэтому как только приступила к работе новая конституционная комиссия, выделенная вторым Учредительным собранием, заместитель председателя этой комиссии

Этьен Фажон (КПФ) предложил за основу обсуждения положить конституционный проект, принятый предшествующим собранием. Ни председатель комиссии социалист Андре Филипп, ни представители других партий в этой комиссии не поддержали Фажона, и комиссия опять потеряла немало дней на обсуждение различных конституционных проектов, среди которых особо выделялся откровенно антидемократический проект ПРЛ. Но, несмотря на некоторые внешние различия, как проекту ПРЛ, так и проектам других правых и центристских партий были в большей или меньшей степени присущи стремления отказаться от идеи о народном суверенитете, ограничить демократию системой противостоящих ей учреждений и пожертвовать правами представительных законодательных органов в пользу исполнительной власти. Но непоколебимая защита коммунистами основных принципов и институтов демократии и выраженная ими готовность отыскать приемлемый компромисс с противниками майского конституционного проекта сыграли свою роль и, осложнив маневры социалистов и представителей МРП, привели к согласованию точек зрения трёх главных политических партий. 20 августа докладчик конституционной комиссии Поль Кост-Флоре (МРП) смог представить Учредительному собранию новый проект конституции.

Этот проект открывался обширным введением, которое повторило с несколькими, преимущественно редакционного характера, поправками Декларацию прав, предпосланную предшествующему, отклонённому проекту конституции. Коммунисты настояли на том, чтобы сохранить в новом проекте конституции развёрнутый перечень всех политических, социальных и экономических прав, завоёванных французским народом.

Первые строки конституции гласили, что «Франция является неделимой, демократической и социальной республикой». По предложению коммунистов было сделано дополнение, что она также светская республика. Это подчёркивание светского и социального характера государства было выразительным ответом на покушения реакционных сил католической церкви, выступавших против свободы совести и против отделения церкви от государства.

Определив характер государства, конституция установила принципом республику: «правительство народа, для народа и через народ»; ни группа народа, ни отдельный индивид не могут присвоить себе осуществление народного суверенитета. Резкая заострённость статей проекта конституции против всяких поползновений на диктаторский режим вызвала продолжительные и ожесточённые прения в Учредительном собрании. Депутат Бекало (ПРЛ) призывал «учесть пожелания, высказанные генералом де Голлем», и упрекал МРП в недостаточной поддержке бывшего главы временного правительства.

Широта сферы политического влияния МРП, стремившейся обеспечить буржуазное воздействие на верующие группы трудящихся, не позволяла ей игнорировать бесспорный, стихийный демократизм подавляющей части своих избирателей. Поэтому, сыграв решающую роль в отклонении 5 мая первого проекта конституции, МРП не решалась следовать до конца за конституционной программой де Голля и требованиями крайней реакции; в частности без риска потерять свои позиции в демократических католических кругах она не могла возражать против принципа народного суверенитета, осуществляемого Национальным собранием, избранным путём всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Сила позиции коммунистов, непреклонно отстаивавших этот принцип, заключалась в том, что он соответствовал основным, элементарным требованиям всякой республиканской и демократической политики. Правда, чтобы притти к соглашению с МРП, коммунисты пошли на определённые уступки.

Новый конституционный проект устанавливал, что парламент будет состоять из двух палат, избираемых на пять лет: Национального собрания и Совета республики. Соглашение о создании Совета республики было плодом компромисса между теми, кто не хотел двухпалатной системы, и теми, кто настаивал на восстановлении такого оплота реакции, каким был сенат. В отличие от довоенного сената Совет республики не получал права оценивать действия правительства и тем самым влиять на его состав. Но, как и сенату,

Совету республики предстояло совместно с Национальным собранием избирать главу государства — президента республики. В связи с этой функцией Совета республики МРП настояла на решении, по которому вторая палата должна была избираться путём двухстепенных выборов и особыми коллегиями выборщиков.

МРП настояла на том, чтобы права президента были расширены по сравнению с теми, которые предусматривались в предшествующих конституционных проектах. Избираемый на 7 лет на совместном заседании обеих палат, президент получил право назначать государственных советников, послов, членов Совета национальной обороны, ректоров университетов, префектов, руководителей центральной администрации, представителей в заморские территории и т. д. Ему предоставлялась возможность осуществлять помилование. Он должен считаться главой вооружённых сил, общее руководство которыми, как и координация национальной обороны, входит в обязанности председателя Совета министров.

МРП предлагала, чтобы президенту республики было предоставлено право по своему усмотрению назначать главу правительства и ответственных перед президентом министров, а коммунисты и социалисты указывали на то, что главу правительства должно избирать Национальное собрание и что министры должны быть ответственными именно перед представителями нации. После длительных дискуссий была выработана и принята несколько громоздкая система: президент республики после обычных консультаций поручает формирование правительства лицу, которое вслед за тем должно представить Национальному собранию свою программу и только по одобрении её получает назначение от президента на пост председателя Совета министров. В дальнейшем каждый акт президента нуждается в санкции председателя Совета министров и одного из членов правительства, что ввиду ответственности последних за свои действия перед Национальным собранием должно послужить дополнительной гарантией против возможного произвола со стороны главы государства.

Ряд статей проекта конституции детально регламентировал порядок сношений между Национальным собранием, президентом республики и правительством, порядок отставки Совета министров, возможные случаи роспуска Национального собрания и назначения досрочных выборов, функции непрерывно заседающего бюро Национального собрания, порядок пересмотра конституции, задачи Экономического совета, права местных правительственных органов и другие вопросы. В разделе конституции о Французском союзе устанавливалось, что главой Союза является президент республики и что специальные интересы Союза будет выражать Верховный совет Французского союза, который должен состоять из представителей французского правительства и «присоединившихся государств», а также из Ассамблеи Французского союза, в который войдут представители ассамблей заморских частей Франции и французского парламента.

Новый конституционный проект был менее прогрессивным, чем конституция, предложенная в мае; тем не менее он являлся более демократичным, чем конституция Третьей республики. Выступая с оценкой нового конституционного проекта, вице-председатель Учредительного собрания Жак Дюкло указал, что предлагаемая конституция «не является в полном смысле ни конституцией коммунистической партии, ни конституцией социалистической партии, ни, наконец, конституцией МРП. Это общая конституция, — она принадлежит республике, и каждый найдёт в ней одновременно немного того, что он защищал, немного того, с чем он боролся, много того, что не оспаривалось никем».

Но для трестовиков, финансистов, вишистов и коллаборационистов, для тех, кто предал Францию из ненависти к демократии, принятие даже компромиссной конституции представлялось опасным, так как должно было положить конец затянувшемуся переходному периоду и затруднить осуществление планов реакции. Чтобы вторично воспрепятствовать утверждению конституции, главари французской реакции, не располагавшие сколько-нибудь решающим влиянием на избирателей, стали добиваться нового конфликта между

МРП и двумя другими правительственными партиями. В руководящих кругах МРП также сказывались колебания и борьба между правым крылом, смыкавшимся с ПРЛ, и «левыми», предостерегавшими от разрыва с демократией. Когда выяснилось, что МРП уклоняется от окончательного перехода на сторону антидемократической коалиции ПРЛ, «Союза деголлерцев», радикалов и др., то де Голль новым вмешательством в конституционные дела попытался расстроить большинство, договорившееся о компромиссном конституционном проекте. Напрасно Морис Шуман, Андре Филипп и Кост-Флоре убеждали де Голля не связывать себя с новой акцией крайних реакционеров: 27 августа генерал передал представителям прессы декларацию по поводу проекта конституции. Услужливые сторонники де Голля из числа чиновников министерства иностранных дел, как бы апеллируя к поддержке некоторых иностранных кругов, под сильным влиянием которых Франция оказалась особенно после заключения франко-американского кредитного соглашения, тотчас же распространили текст декларации среди делегатов заседавшей в Париже Мирной конференции.

В своём пространном заявлении де Голль выражал резкое недовольство разработанным проектом конституции, главным образом тем, что этот проект оставлял большие права у Национального собрания, сохранял полную зависимость правительства от него и даже давал возможность Национальному собранию предъявлять обвинения президенту. Де Голль пытался доказать, что необходимо сосредоточить всю власть в руках будущего главы государства, но не имея веских аргументов, он напоминал об особых обстоятельствах, пережитых Францией в годы войны, и утверждал, что преемственность власти во Франции может быть обеспечена только свёртыванием демократии в пользу президентарного режима.

Лидеры МРП оказались в затруднительном положении: с одной стороны, они не хотели порывать с де Голлем, с другой — последовать призыву генерала им не позволяла уверенность в том, что этим их партия уничтожит некоторые грани, отделяющие её от ПРЛ, и потеряет доверие большинства своих избирателей.

Не решаясь на немедленный выбор, они принялись добиваться новых уступок со стороны левых партий,

29 сентября 1946 г. в напряжённой обстановке, созданной открытыми врагами демократии, Учредительное собрание 440 голосами депутатов-коммунистов, социалистов, членов МРП и некоторых мелких групп против 106 голосов радикалов, членов ПРЛ и др. утвердило предложенный конституционной комиссией проект конституции. Теперь предстояло добиться его одобрения всенародным голосованием.

Новый референдум, назначенный на 13 октября, готовился при несколько иной расстановке сил, чем это было перед референдумом 5 мая: на этот раз проект конституции одобрили все три правящие партии. Хотя опыт показывал, что эти три партии располагали поддержкой подавляющего большинства избирателей, кампания, поднятая реакцией, стремившейся предотвратить установление во Франции республиканского демократического режима, не позволяла демократам быть уверенными в благоприятном исходе голосования. Крайне правые настойчиво подчёркивали, что их позиция совпадает с позицией де Голля. Последний ещё в день решающего голосования в Учредительном собрании произнёс в Эпинале речь против проекта конституции, как игнорирующего условия международной обстановки, и высокомерно противопоставлял себя собранию народных представителей, заявив, что текст конституции «не кажется нам удовлетворительным». В последующие дни, до самого референдума, де Голль многократно указывал на то, что конституцию следует отклонить и что в случае её принятия во Франции «воцарятся анархия и беспорядок».

Позиция де Голля, отражавшая возрастающую народоопасность буржуазии, усиливала колебания среди рядовых сторонников МРП и в её руководящих сферах. Среди последних, тесно связанных с Ватиканом и его ставленниками во Франции, было немало таких, которые готовы были отбросить сложные политические расчёты и, повинувшись классовому инстинкту, немедленно отказаться от одобрения конституции. Непоследовательность лидеров МРП была наруку интересам противников конституции.

Но демократические силы Франции 13 октября 1946 г. одержали победу: за утверждение конституции было подано 9 263 416 голосов против 8 143 891. Проект конституции получил одобрение большинства участников голосования и стал основным законом Четвёртой республики во Франции.

Четвёртая республика выстрадана народными массами Франции. Оплачивая пороки и недостатки Третьей республики, они прошли сквозь годы оккупации и через затянувшийся переходный период. Народ Франции понимает, что одно только принятие демократического и республиканского закона ещё не гарантирует от покушений реакции: французские реакционеры сумели вовлечь в голосование против конституции немало честных французов и дезориентировали 8 млн. избирателей, которые воздерживались от голосования. Позиции реакции ещё сильны в экономике, в государственном аппарате, среди офицерского корпуса армии и флота, среди части рантье, кулаков, мелких буржуа. После неблагоприятного для неё референдума реакция развернула кампанию за пересмотр конституции, разжигает волнения, вносит беспокойство, что затрудняет возрождение Франции и способствует влиянию на страну международного капитала.

Мобилизуя свои резервы, таящиеся в недрах МРП, реакция вынудила эту партию тотчас же после референдума высказаться за пересмотр конституции и за формирование в дальнейшем правительства без коммунистов. Используя все рычаги давления на лидеров социалистической партии, реакция ещё усиленнее стала подталкивать социалистов на создание совместно с другими промежуточными группами большой «гравайистской», т. е. лейбористской, центристской группировки, которая противостояла бы растущему влиянию коммунистов и воспрепятствовала бы образованию в парламенте левого большинства. Продолжая покушение на франк, срывая «битву за производство», грозя голодом и катастрофой, реакция не перестаёт готовиться к тому, чтобы уничтожить республику.

Конституция Четвёртой республики поставила перед французской демократией важные задачи: оберегать завоёванные права, защищать и развивать демократию, отстаивать свободу и независимость народа. Коммуни-

сты, застрельщики и герои подлинного национального Движения сопротивления, бойцы передовой линии, на которой защищалось славное прошлое, отстаивалось настоящее и будущее Франции, призывали всех республиканцев к отпору реакции, к республиканскому и рабочему единству. Без единства «невозможно спасение рабочего класса и республики», — сказал Торез. Призыв коммунистов не остался без ответа. Несмотря на разнuzданную антикоммунистическую кампанию крайне правых и умеренных партий, на новый поход против коммунистов социалистической партии и на попытки создать единый фронт всех партий против КПФ, французские коммунисты на выборах 10 ноября 1946 г. — первых выборах в избиравшееся на пять лет Национальное собрание Четвёртой республики — сохранили своих постоянных избирателей, расширили их круг за счёт новых групп рабочих, крестьян и интеллигенции собрали наибольшее число голосов и получили наибольшее число мандатов.

В результате выборов проявилась важнейшая тенденция политического развития Франции — рост её демократических сил. Развитие этой тенденции — залог того, что французский народ, помня уроки минувших лет, будет беречь Четвёртую республику от её врагов и непримиримой борьбой против фашизма и реакции, за мир и демократию, за дружбу и союз с миролюбивыми странами добьётся возрождения Франции. Но французская реакция ещё продолжает сохранять значительные позиции в экономике и политике страны.

С принятием основного республиканского закона страны борьба за демократию во Франции не закончилась. Она вступила в новую фазу.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Крушение Третьей республики	3
2. Оккупанты и предатели	11
3. Начало сопротивления	25
4. Новый этап борьбы за свободу, независимость и возрожде- ние Франции	36
5. Перед освобождением	66
6. Освобождение	76
7. «Дело не идёт на лад»	87
8. Реакция покушается на народный суверенитет.....	110
9. Референдум и всеобщие выборы	135
10. Месяц, потерянный Республикой	140
11. Демократия теснит реакцию, реакция перегруппировывает силы	145
12. Борьба за демократическую конституцию	168

Редактор *И. Данерштейн*

Подписано к печати 4 марта 1947 г. А02647. Объём 12¹/₄ и. л. Тираж 15 000 экз.,
Заказ № 6924. Цена 3 руб.

1а Образцовая типография треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров
СССР. Москва, Валуевая, 28.